

ISSN 2077-5911

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2022

4(54)

Ψλ

Филологический факультет
МГУ имени М.В.Ломоносова

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

4 (54) 2022
Москва

JOURNAL OF PSYCHOLINGUISTICS

4 (54) 2022
Moscow

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Уфимцева Наталья Владимировна, *главный редактор*, доктор филологических наук, профессор, Москва (Россия)

Красных Виктория Владимировна, *заместитель главного редактора*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общей теории словесности Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Мягкова Елена Юрьевна, *заместитель главного редактора*, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, перевода и французской филологии Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

Липгарт Андрей Александрович, доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета МГУ, Москва (Россия)

Терентий Ливну Михайлович, кандидат политических наук, доктор филологических наук, ректор Московской международной академии, Москва (Россия)

Бубнова Ирина Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежной филологии Московского городского педагогического университета, Москва (Россия)

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского государственного педагогического университета, Шымкент (Казахстан)

Ионова Светлана Валентиновна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва (Россия)

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, МО РФ, Москва (Россия)

Марковина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, профессор, директор Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Москва (Россия)

Пильгун Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Российский государственный социальный университет, Москва (Россия)

Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета, Челябинск (Россия)

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН; профессор кафедры общего и русского языкознания ГИ Новосибирский государственный университет, Новосибирск (Россия)

Балясникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук, доцент Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Москва (Россия)

Дмитрюк Сергей Валерьевич, *ответственный секретарь*, кандидат филологических наук, редактор издательского отдела Московской международной академии, Москва (Россия)

Жукова Лариса Станиславовна, кандидат филологических наук, Москва (Россия)

Митирева Любовь Николаевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ахиджакова Марьет Пшимафовна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего языкознания Адыгейского государственного университета, Майкоп (Россия)

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор, факультет психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Бутакова Лариса Олеговна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск (Россия)

Гридина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург (Россия)

Гриценко Елена Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, руководитель департамента прикладной лингвистики и иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород (Россия)

Гуц Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка факультета филологии и медиакоммуникаций, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск (Россия)

Демьянков Валерий Закиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом теоретического и прикладного языкознания, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Завьялова Виктория Львовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток (Россия)

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания ФГБОУ ВО Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва (Россия)

Ли Тоан Тханг, доктор филологических наук, профессор, Ханой (Вьетнам)

Мамаева Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, декан филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск (Россия)

Мартин Ф. Линч, Ph.D., профессор Университета Рочестера, Рочестер (США)

Мельничук Ольга Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-восточного федерального университета им М.К. Аммосова, Якутск (Россия)

Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор, Хайфа (Израиль)

Пешкова Наталья Петровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, Уфа (Россия)

Поляков Федор Борисович, доктор, профессор, директор Института славистики Венского университета, Вена (Австрия)

Сергиева Наталья Станиславовна, доктор филологических наук, профессор кафедры менеджмента и маркетинга Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, Сыктывкар (Россия)

Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор, директор Центра коммуникативных исследований Воронежского государственного университета, Воронеж (Россия)

Тарасов Евгений Федорович, доктор филологических наук, профессор, Москва (Россия)

Теркулов Вячеслав Исаевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого национального университета, Донецк (Донецкая Народная Республика)

Хуан Тяньдэ, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник факультета русского языка Института европейских языков и культур Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу (Китай).

Цзюй Юньшэн, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник центра исследования русского языка, культуры и литературы Хэйлунцзянского университета, Харбин (Китай)

Чжао Цюэ, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета, Харбин (Китай)

Чугунова Светлана Александровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории английского языка и переводоведения ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», Брянск (Россия)

EDITORIAL BOARD

Natalya V. Ufimtseva, *Chief editor*, Doctor of Philology, Professor, Moscow (Russia)

Victoria V. Krasnykh, *Deputy editor*, Doctor of Philology, Docent, Professor of Department of Discourse and Communication Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia)

Elena Yu. Myagkova, *Deputy editor*, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Theory of Language, Translation and French Philology, Tver State University, Tver (Russia)

Andrey A. Lipgart, Doctor of Philology, Professor, Dean of Faculty of Philology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Liviu M. Terentiy, Candidate of Political Science, Doctor of Philology, Rector of Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Irina A. Bubnova, Doctor of Philology, Professor, Head of Foreign Philology Chair, Moscow City University, Moscow (Russia)

Natalya V. Dmitryuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of the Russian Language and Literature, South Kazakhstan State Pedagogical University, Shymkent (Kazakhstan)

Svetlana V. Ionova, Doctor of Philology, Professor of Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow (Russia)

Alla V. Kirilina, Doctor of Philology, Professor, Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow (Russia)

Irina Yu. Markovina, Candidate of Philology, Professor, Director of Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov University, Moscow (Russia)

Maria A. Pilgun, Doctor of Philology, Professor, Senior Researcher, Russian State Social University, Moscow (Russia)

Elena V. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of the Russian Language as Foreign, South Ural State University, Chelyabinsk (Russia)

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of Sector of the Russian Language, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor at Chair of General and Russian Linguistics, Novosibirsk State University, Novosibirsk (Russia)

Olga V. Balyasnikova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov University, Moscow (Russia)

Sergey V. Dmitryuk, *Executive secretary*, Candidate of Philology, Editor of Publishing Department of Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Larisa S. Zhukova, Candidate of Philology, Moscow (Russia)

Lubov N. Mitireva, Candidate of Philology, Head of Foreign Languages Department, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

ACADEMIC ADVISORY BOARD

Mariet P. Akhidzhakova, Doctor of Psychology, Professor, Head of Department of General Linguistics, Adyghe State University, Maykop (Russia)

Tatyana V. Akhutina, Doctor of Psychology, Professor, Professor of Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Larisa O. Butakova, Doctor of Philology, Professor, Head of The Russian Language Department, Dostoyevsky Omsk State University, Omsk (Russia)

Tatyana A. Gridina, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of General Philology and The Russian Language, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, (Russia)

Elena S. Gritsenko, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Applied Linguistics and Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod (Russia)

Elena N. Gutz, Doctor of Philology, Professor of the Russian Language Department, Faculty of Philology and Media Communications, Dostoyevsky Omsk State University, Omsk (Russia)

Valery Z. Demyankov, Doctor of Philology, Leading Researcher, Professor, Head of General and Applied Linguistics Department, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Viktoria L. Zavyalova, Doctor of Philology, Docent, Professor of Department of Philology and Cross-cultural Communication, Far Eastern Federal University, Vladivostok (Russia)

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Professor at Chair of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow (Russia)

Ly Toan Thang, Doctor of Philology, Professor, Hanoi (Vietnam)

Tatyana V. Mamaeva, Candidate of Philology, Docent, Dean of Philology Faculty, Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical, Krasnoyarsk (Russia)

Martin F. Lynch, Ph.D., Professor, University of Rochester, Rochester (USA)

Olga A. Melnichuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of French Philology Department, Institute of Foreign Philology and Regional Studies, Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk (Russia)

Irina G. Ovchinnikova, Doctor of Philology, Professor, Haifa, (Israel)

Natalya P. Peshkova, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Foreign Languages for Science Faculties, Bashkir State University, Ufa, (Russia)

Fyodor B. Polyakov, Doct. Habil., Professor, Head of Department of East Slavic literature, Institute of Slavic Studies, University of Vienna, Vienna (Austria)

Natalya S. Sergiyeva, Doctor of Philology, Professor of Management and Marketing Department, Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar (Russia)

Iosif A. Sternin, Doctor of Philology, Professor, Director at Communications Studies Centre, Voronezh State University, Voronezh (Russia)

Evgeny F. Tarasov, Doctor of Philology, Moscow (Russia)

Vyacheslav I. Terkulov, Doctor of Philology, Professor, Head of The Russian Language Department, Donetsk National University, Donetsk, (Donetsk People's Republic)

Huang Tiande, Candidate of Philology, Leading researcher of The Russian Language Department, Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou (China)

Ju Yunsheng, Doctor of Philology, Leading Researcher at the Centre for the Study of the Russian Language, Culture and Literature of Heilongjiang University, Harbin (China)

Zhao Qiuye, Doctor of Philology and Pedagogy, Professor, Director of Institute of Slavic Languages, Harbin Normal University, Harbin (China)

Svetlana A. Chugunova, Doctor of Philology, Docent, Professor of Department of the English Language Theory and Translation Studies, Ivan Petrovsky Bryansk State University, Bryansk (Russia)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Захаренко И.В. (<i>Москва, Россия</i>) Концептуальное поле <i>ИСКРЕННОСТЬ</i> в русском языковом сознании (по результатам проведенного эксперимента)	10
Иванова С.В. (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>) Языковая картина мира как объект и инструмент анализа: что не так в учебнике?	25
Красных В.В. (<i>Москва, Россия</i>) Базовая метафора «низ» и психологическая структура значения: возможные пути исследования (продолжение разговора)	36
Мед Н.Г. (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>) Языковая десакрализация в испанской оценочной картине мира (на материале лексики и фразеологии)	58
Мягкова Е.Ю. (<i>Тверь, Россия</i>) Язык – эмоции – сознание – культура в теории А. Дамасио	72
Норман Б.Ю. (<i>Минск, Беларусь</i>) Поиск и выбор слова в ходе порождения текста как многовекторный процесс	86

НАШ АРХИВ

Колесов В.В. (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>) Концептуальное поле русского сознания	100
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Полянская А.Г. (<i>Москва, Россия</i>) XX Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Российская психолингвистика: итоги и перспективы» 26 – 27 мая 2022	116
Заявка на участие в конференции « Язык, сознание, коммуникация: проблемы информационного общества », 3–5 Апреля 2023 г.	122

РЕЦЕНЗИИ

И.В. Шапошникова, А.А. Романенко. Русский региональный ассоциативный словарь: Сибирь и Дальний Восток (СИБАС 2). В 2 т. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2022. (<i>Н.В. Уфимцева</i>)	126
Общая и русская лингвоаксиология: Коллективная монография / М.С. Милованова (отв. ред.), К.Я. Сигал, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, Б.И. Фоминых, Н.А. Боженкова, Л.М. Гончарова, А.Н. Матрусова, Р.Р. Шамсутдинова, П.А. Катышев; ИЯз РАН, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина. – М. – Ярославль: Издательство «Канцлер», 2022. – 390 с. (<i>Л.Н. Федосеева</i>)	128
Язык. Человек. Культура. Сборник научных трудов, посвященный юбилею Марии Львовны Ковшовой. – М: ИЯз РАН, 2022. – 340 с. (<i>О.С. Орлова</i>)	130

ИНФОРМАЦИЯ

Правила оформления статей	132
---------------------------	-----

THEORETICAL AND EXPERIMENTAL STUDIES

- Zakharenko I.V.** (*Moscow, Russia*)
The conceptual field of the notion *ISKRENNOST'* (sincerity) in the Russian linguistic consciousness (based on field experiment findings) 10
- Ivanova S.V.** (*St.-Petersburg, Russia*)
Language worldview as an object and an instrument of analysis: What is wrong with the textbook? 25
- Krasnykh V.V.** (*Moscow, Russia*)
The basic metaphor “DOWN” and the psychological structure of meaning: Possible research paths (continuing the discussion) 36
- Med N.G.** (*St.-Petersburg, Russia*)
Linguistic desacralization in the Spanish evaluative view of the world (a case study of vocabulary and phraseology) 58
- Myagkova E.Yu.** (*Tver, Russia*)
Language, emotion, consciousness, and culture in A. Damasio’s theory 72
- Norman B.Yu.** (*Minsk, Belarus*)
Search and selection of a word in the course of text generation as a multi-vector process 86

OUR ARCHIVE

- Kolesov V.V.** (*St.-Petersburg, Russia*)
Conceptual field of Russian consciousness: The meaningful forms of the concept 100

SCIENTIFIC LIFE

- Polyanskaya A.G.** (*Moscow, Russia*)
XX International Symposium on Psycholinguistics and Communication Theory “Russian Psycholinguistics: Results and Prospects”. May 26–27, 2022 116
- Application form for the conference "**Language, consciousness, communication: challenges of the information society**", April 3-5, 2023 122

REVIEWS

- I.V. Shaposhnikova, A.A. Romanenko. Russian Regional Associative Dictionary: Siberia and the Far East** (SIBAS 2). In 2 volumes. – Novosibirsk: CPI NSU, 2022. (*N.V. Ufimtseva*) 126
- General and Russian linguoaxiology: Collective monograph** / M.S. Milovanova (responsible editor), K.Ya. Segal, V.I. Karasik, G.G. Slyshkin, B.I. Fominykh, N.A. Bozhenkova, L.M. Goncharova, A.N. Matrusova, R.R. Shamsutdinova, P.A. Katyshev; IYaz RAN, IRYA im A.S. Pushkin. – M. – Yaroslavl: Publishing house "Kantsler", 2022. – 390 p. (*L.N. Fedoseeva*) 128
- Language. Human. Culture.** Collection of scientific papers dedicated to the anniversary of Maria L. Kovshova. – M: IYaz RAN, 2022. – 340 p. (*O.S. Orlova*) 130

INFORMATION

- Article Submission Guidelines 132

ψλ

Уважаемые читатели!

Данный номер журнала посвящен актуальным вопросам изучения взаимосвязи, взаимозависимости и взаимодействия языка, сознания, культуры. Включенные в номер статьи, написанные известными специалистами в области лингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии, в полной мере отвечают «вызовам нашего времени» и посвящены различным аспектам такого рода исследований.

Рассматриваемые в статьях проблемы и предлагаемые пути их решения имеют особое значение и в теоретическом, и в практическом плане. Предлагаемые авторами концепции и представляемые результаты исследований помогают уточнить наши знания о воплощенном в знаках языка образе мира, о системе ценностей и представлениях о себе и мире, которые, с одной стороны, имеют архетипические корни, с другой – характеризуются определенными изменениями и трансформациями. Все это позволяет как более точно определить первоосновы мироощущения, мировидения и миропонимания, которые сохраняются в архаических слоях языкового сознания, являются актуальными для современных носителей языка и закреплены в языковых единицах, так и выявить проблемные зоны, требующие особого внимания.

Думается, что содержание настоящего номера будет интересным и полезным для широкого круга специалистов, поскольку авторы статей не только фиксируют существующую ситуацию с позиций изучения единства «язык – сознание – культура», не только предлагают возможные способы ее осмысления и интерпретации, но и открывают новые пути исследований.

Редактор номера
В.В. Красных

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81'23

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-54-4-10-24

Научная статья

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ *ИСКРЕННОСТЬ* В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ (ПО ДАННЫМ ПРОВЕДЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

Захаренко Ирина Владимировна

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»,
Москва, Россия

Аннотация

В статье на материале данных проведенных экспериментов описывается фрагмент русской языковой картины мира, связанный с концептуальным полем *ИСКРЕННОСТЬ*. Анкетирование включало в себя свободный ассоциативный эксперимент со стимулом «искренность»; вопросы на выявление цветовых ассоциаций к данному стимулу; корпус ассоциаций с животным, растением, предметом, геометрической фигурой, а также вопросы на выявление семантического поля *ИСКРЕННОСТЬ*, на соотнесение концепта с базовыми архетипическими оппозициями, на выявление ментефактов – прецедентных имен, стереотипных образов, входящих в концептуальное поле *ИСКРЕННОСТЬ*. Анализ полученных результатов проводился в рамках лингвокультурологического подхода, позволившего не только определить наиболее общее, инвариантное представление носителей русского языка об *ИСКРЕННОСТИ*, но и выявить базисные глубинно-смысловые пласты культуры в содержании данного концепта: связь с солярным культом, с базовыми метафорами *СВЕТ, ОГОНЬ*, с женским началом, со «своим», близким (сокровенным) пространством, с концептами *ЧИСТОТА, ПРОСТОДУШИЕ, СЕРДЦЕ, ДУША*, которые предстают как «локус» *ИСКРЕННОСТИ*. Комплексный анализ результатов эксперимента позволяет отнести *ИСКРЕННОСТЬ* к аксиологическим концептам, представляющим собой духовную ценность в русской лингвокультуре, который ставится в один ряд с такими концептами, как *ПРАВДА, ЛЮБОВЬ, ДРУЖБА, ВЕРНОСТЬ*, то есть с представлениями о добродетели в целом, и воспринимается как часть русской картины мира.

Ключевые слова: искренность, ассоциативный эксперимент, ассоциация, концептуальное поле, архетипические оппозиции, базовая метафора

Введение

Концепт *ИСКРЕННОСТЬ* рассматривался многими исследователями (см., например: [Авакимян 2009, Вежбицкая 2002; Гладкова 2008, Гловинская 2005, Стернин 2001] и др.), отмечавшими его значимость для русской культуры. Тем не менее, мы выбрали его в качестве предмета изучения, прежде всего, сфокусировав внимание на данных эксперимента, анализ которых проводился в рамках лингвокультурологического подхода, позволившего не только определить наиболее общее, инвариантное представление носителей русского языка об *ИСКРЕННОСТИ*, но и шире взглянуть на предмет исследования, выявить базисные глубинно-смысловые пласты культуры в содержании этого концепта. Набор вопросов для анкеты определялся на основании уже проведенных исследований, а именно, по данным контекстуального анализа

слов «искренность», «искренний», «искренне», представленного в дипломной работе Е.В. Осипович «Концептуальное поле ИСКРЕННОСТЬ в русской лингвокультуре» [Осипович 2015], выполненной под научным руководством автора настоящей статьи; по данным проведенного лингвокультурологического анализа фразеологизмов, связанных с концептом ИСКРЕННОСТЬ – см. [Захаренко 2020], а также на основании метода интроспекции.

Добавим, что в рамках избранного подхода представляется более эффективным рассматривать не собственно концепт, но концептуальное поле *ИСКРЕННОСТЬ*. Вслед за А.В. Тананиной, под концептуальным полем (КП) понимается пространство, образуемое концептообразующим содержанием конкретного концепта, в рамках которого актуализируются составляющие его образы/смыслы [Тананина 2003]. Иначе говоря, КП оперирует ментальными категориями, образами и представлениями, выраженными вербально не только в виде абстрактных имен, но и в виде других ментефактов (по В.В. Красных), с ними связанных, которые выявил проведенный эксперимент.

Методика исследования

Анкета, предложенная информантам, состояла из 16 вопросов и включала в себя, прежде всего, свободный ассоциативный эксперимент, проводимый по принципу стимул-реакция и «направленный на выявление ассоциаций, сложившихся у индивида в его предшествующем опыте» [Горошко 2015: 54]; вопросы на выявление¹ ассоциаций слова «искренность» с определенным цветом, животным, растением, предметом, геометрической фигурой, а также вопросы на выявление семантического поля ИСКРЕННОСТИ («искренность – это когда... / это если...», «неискренний человек – это...»), на соотнесение концепта с базовыми архетипическими оппозициями, на выявление ментефактов – прецедентных имен, стереотипных образов, входящих в концептуальное поле *ИСКРЕННОСТЬ*; респондентам также было предложено нарисовать искренность / описать «визуальный» портрет искренности.

В анкетировании приняло участие 148 человек (65 мужчин и 83 женщины). При опросе были охвачены информанты разного возраста (16–17 лет – 46 респондентов, 20–30 лет – 56 респондентов, 31–40 лет – 31 респондент, 41–50 лет – 15 респондентов) и образования (среднее – 55 респондентов, высшее техническое законченное и незаконченное – 41 респондент, высшее гуманитарное законченное и незаконченное – 52 респондента), живущих в разных регионах страны (Москва и Московская область – 64% опрошенных, Санкт-Петербург, Волгоград, Тутаев, Иркутск, Иркутская область – 36%). При этом в наши задачи не входило выявление гендерных и возрастных различий или различий, связанных с регионом проживания.

Обсуждение и результаты исследования

Обратимся к обсуждению результатов анкетирования. Первый вопрос анкеты представлял собой направленный ассоциативный эксперимент, проводимый по принципу стимул – реакции, и был направлен на выявление самых очевидных,

¹ Подобное внимание и интерес к ассоциативному эксперименту объясняется также тем, что ассоциативный словарь «являет язык в его предречевой готовности, обнажая сокровенный, скрытый от прямого наблюдения способ "держания" языка в памяти его носителя, приоткрывая таинственную завесу над святая святых, над тем, как устроена языковая способность человека, человека говорящего и понимающего» [Караулов <http>].

«первых», непосредственных ассоциаций со словом «искренность» (5–10 слов), которые возникают в сознании респондентов² (в общей сложности корпус ассоциаций составил порядка 170 единиц разной частотности). Полученные частотные ассоциации на слово «искренность» можно условно разделить на несколько групп:

а) единицы синонимического ряда концепта ИСКРЕННОСТЬ: *честность* (75), *открытость* (45), *правда* (44), *правдивость* (12), *откровенность* (10) – подобные ассоциации на стимул «искренность» указываются и в работах других авторов [Гловинская 2005, Стернин 2001 и др.], что подтверждает валидность нашего экспериментального материала.

б) состояния, явления, а также поведение, качества человека, сопровождающие проявление искренности: *доброта* (37), *доверие* (33), *любовь* (30), *добро* (6), *верность* (8), *нежность* (6), *простота* (6), *вера* (3), *уважение* (2), *понимание* (3), *чуткость* (3), *непринужденность* (3), *добродушный* (2), *счастье* (2), *преданность* (1), *привязанность* (1), *целомудренность* (1), *незлобивость* (1), *спокойствие* (1), *раскаianie* (1);

в) ассоциации, представляющие цветовые и «температурные» характеристики искренности и имеющие, в том числе, отношение к базовым метафорам света, тепла, огня: *свет* (18), *светлый* (3), *заря* (1), *яркость* (1), *блеск* (1), *белизна* (3), *белый* (2), *прозрачный* (4), *прозрачность* (2), *искра* (8), *искры* (3), *искорки* (1), *теплота* (6), *тепло* (6), *теплый* (2), *солнце* (5), *лучистость* (1), *лампа* (3), *свеча* (3), *свечка* (2), *светильник* (1), *огонь* (1), *костер* (1), *раскаленный* (1), *горячий осколок металла* (1), *зажигалка* (1), *фейерверк* (1), *салют* (1);

г) реакции, связанные со «своим», близким пространством и «ближним кругом»³: *дружба* (14), *семья* (7), *близость* (6), *друг* (5), *друзья* (2), *сокровенность* (2), *род* (1), *родные* (1), *мама* (1), *секрет* (1), *интимность* (1);

д) ассоциации, связанные с эмоциональной сферой человека: *улыбка* (21), *чувства* (7), *эмоция* (2), *радость* (11), *радостный* (2), *эмоциональность* (1), *смех* (1).

Кроме того, особо отметим достаточно типичные реакции *смелость* (6), *сила* (5), *бесстрашие* (2), которые, вероятно, могут указывать на представления о внутренней силе и решительности искренних людей, способных говорить и нелицеприятную правду, а также реакции, свидетельствующие об искренности как неотъемлемом качестве ребенка: *дети* (3), *ребенок* (2), *детскость* (1), *детство* (1) (ср.: устами младенца глаголет истина), и *чистота* (15), *чистый* (3), *чистота помыслов* (2), о чем еще будет сказано далее.

Уже на основании первых проанализированных ответов можно предварительно сделать вывод о том, что искренность ставится в один ряд с другими вечными нематериальными ценностями: *доброта* (37), *правда* (44), *любовь* (30), *дружба* (14), *друг* (5) и др., представляя собой нечто *настоящее* (11), *самое важное в человеке* (3),

² В работах психолингвистов количество ассоциаций в пределах десятка обосновывается как максимально возможное число наименований, ограниченных объемом краткосрочной памяти. Такие ассоциации заложены в сознании как первые, самые частотные и непосредственно связанные с явлением реакции и потому очерчивающие круг самых значимых, главных, важных явлений для носителей русского языка, в данном случае, связанных с ИСКРЕННОСТЬЮ.

³ Интересно отметить, что изначально слово «искренний» имело семантику близости (вероятно, в первую очередь, по родству) – значение ‘близкий кому-либо родственно, дружески любимый’, которое со временем в языке утратилось, зафиксировано в словарях древнерусского языка, напр., в Словаре русского языка XI–XVII вв. под ред. Р.И. Аванесова, С.Г. Бархударова (цит. по [Осипович 2015: 28]).

вызывающее положительные эмоции и оценки: *улыбка* (21), *радость* (11), счастье (2), *смех* (1) и др. Было названо лишь несколько слов с неодобрительной оценкой – *смерть* (3), *обман* (2), *лицемерие* (2), *лицемеры* (2), *двуличие* (1), *грубость* (1) (нам представляется, что данные слова вызывают «антонимическую» ассоциацию – нечто, противоположное искренности).

Ответы информантов на второй вопрос анкеты о цветовых ассоциациях с искренностью можно разделить на две группы: теплые (в том числе, насыщенные) цвета (*желтый, оранжевый, красный, розовый*) и холодные светлые тона (*голубой, синий, серебристый*). Кроме того, «цветовая характеристика» искренности оказывается значимой практически во всех ответах на предложенные информантам вопросы (об ассоциациях с животным, с растением, с предметом, с геометрической фигурой, с визуальным представлением об искренности и др.), в связи с чем мы также будем обращаться и к этим данным при описании цветовых реакций. У большей части респондентов искренность ассоциируется с желтой цветовой гаммой, связанной с реакциями *светло-желтый* (19), *желтый* (12), *светло-персиковый* (2), *песочный* (1), *золотой* (4), *золотисто-белый* (1), *светлая позолота* (1), *солнечные блики* (1), *цвет солнца* (1), а также с *оранжевым* (6), *красным* (14), *красно-оранжевым* (2), *светло-оранжево-красным* (1), *цветом рассыпающихся и быстро тлеющих искр из костра* (1), *розовым* (2) и *нежно-розовым* (1) цветами.

На наш взгляд, ассоциация искренности с желтым цветом (а, возможно, также с красным и оранжевым) может отсылать как к солярному культу, так и к символике золота в русской лингвокультуре. Так, золото, будучи желтым металлом, ассоциируется с солнечной энергией и огнем и связывается с солнцем как источником жизни, тепла и света (напомним, что и при назывании свободных ассоциаций давались реакции *свет* (18), *светлый* (3), *искра* (8), *искры* (3), *искорки* (1), *теплота* (6), *тепло* (6), *теплый* (2), *солнце* (5), *лучистость* (1)), а также осмысливается как что-либо чрезвычайно ценное, лучшее и символически связывается с идеей непререкаемости истины (ср.: *золотое сечение, золотое правило, золотые слова, золотая середина* и др.) [БФСРЯ 2006: 241–244]. Тем самым, «искренность», будучи ценным качеством, в сознании реципиентов обладает теми же свойствами, что и «золото». Последнее также подкрепляется реакциями информантов *настоящее* (11), *редкость* (4), *лучшее в человеке* (2), *самое важное в человеке* (3), *ценность* (2).

Вторая по частотности группа цветовых ассоциаций, связанных с искренностью, представлена *белым* (31), *молочным* (2), *золотисто-белым* (1) цветами⁴. Сразу отметим, что лексема «белый» многократно фигурировала в ответах информантов и на другие вопросы анкеты. Так, среди реакций на стимул «искренность» присутствовали ассоциации *белизна* (3), *белый* (2); среди животных, ассоциирующихся с искренностью, называли *белого кролика* (1) *белого лебедя* (1), *белого голубя* (1), среди растений – *белые цветы* (1), а также собственно растения и цветы белого цвета или с частями белого: *ромашка* (16), *береза* (12), *подснежник* (5), *ландыш* (1), *черемуха* (1), среди предметов – *белый флаг* (1), *белый чистый лист бумаги* (1), *бумага* (1), *бумажный лист* (1), *лист бумаги* (1). Символика белого цвета связана с незапятнанностью,

⁴ Интересно отметить цветовую близость белого и желтого цветов: «Желтое имеет такую сильную склонность к светлому (белому), что вообще очень темно-желтого не существует в мире. Значит, есть глубокое сродство у желтого с белым в физическом отношении» [Кандинский 1992: 37–38].

чистотой, прежде всего, моральной (обратим внимание на достаточно частотную ассоциацию с искренностью при ответе на первый вопрос анкеты: *чистота* (15), *чистый* (3), *чистота помыслов* (2), а также на выбор информантов из пары бинарных оппозиций *чистый – грязный* в пользу первого элемента *чистый* (126)). В этой связи информативными также представляются ответы, полученные на просьбу описать воображаемый «портрет» искренности: *простое белое пятно с расплывчатыми очертаниями; это белое, нежное пламя, медленно тянущееся вверх; чистая, белая полоса на черном фоне; чистый луч солнечного света* и т.д., – и ответы, полученные при «семантизации» искренности: «искренность – это когда/если...» ...*высказываются начистоту; невзирая на возможные последствия; ...все делается от чистого сердца* и под. Добавим, что ассоциации искренности с белизной и чистотой также отсылают к ассоциациям с невинностью и миром детства. Исходя из вышесказанного, очевидна и предсказуема связь искренности с *прозрачностью*: при свободном ассоциативном эксперименте информантами были названы слова *прозрачный* (4), *прозрачность* (2); в числе предметов были даны реакции *стекло* (3), *ваза* (3), *кристалл* (2), *стеклянный прозрачный стакан* (1), *бокал* (1), *прозрачный* (1); данное слово также фигурировало в ответах о «внешнем облике» искренности: *голубое полупрозрачное мерцающее облако; искренность – она прозрачная; легкое полупрозрачное покрывало, невесомое и освежающее; прозрачный гладкий прохладный шар размером с крупный грейпфрут; человек, полупрозрачный, внутри которого тянется нитка теплого света, начинающаяся от живота, проходящая через сердце и выходящая через сердце; искренний человек прозрачен, т.е. все его чувства и мысли видны как на ладони* и т.д.), что актуализирует представления о том, что искреннего человека видно насквозь, его мысли и чувства чисты и подлинны.

Третья по частотности группа цветовых реакций на стимул «искренность» содержит различные оттенки голубого цвета: *голубой* (17), *светло-голубой* (2), *небесно-голубой* (2), *небесный* (2), *нежно-голубой* (2), *серебристо-голубой* (1), *ясно-голубой* (1), а также *синий* (5), *синий индиго* (1), т.к. синий и голубой – близкие цвета, в некоторых языках воспринимаемые как один цвет (например, в английском – *blue*). Из некоторых ответов следует, что выбор этих цветов связан с небом и воздушной стихией в целом: *небесно-голубой* (1), *небесный* (1), *ясно-голубой* (1) (вспомним, что среди первых реакций на слово «искренность» фигурировали *небо* (2), *ветер* (1), *воздух* (1)). (Ср. также: «синее есть типично небесная краска» [Кандинский 1992: 41].)

Наконец, в числе других цветов-реакций также фигурируют *зеленый* (8), *бирюзовый* (1), *все цвета радуги* (2). Фактически, респонденты перечислили все основные цвета цветового спектра (у одного из информантов искренность ассоциируется со всем цветовым набором: *искренне выражаются разные эмоции, мысли, чувства, а у них разные оттенки, пожалуй, это такое разноцветие с переливами*; также при ответе об ассоциации с предметом была получена реакция – *цветные карандаши* (1). Показательно отсутствие в ответах черного, фиолетового и коричневого цветов, которые связываются с негативными и депрессивными понятиями, к числу которых искренность не относится. «Болезненный», «погашенный и печальный» фиолетовый цвет, а также черный цвет как «вечное молчание без будущего и надежды, сожженный костер», «конец жизни» [Там же: 44] оказываются противопоставленными искренности как чему-то «живому» (при рассмотрении оппозиции *мертвый – живой* 122 респондента отдали предпочтение второму варианту).

Один из вопросов анкеты («С каким животным ассоциируется слово *искренность*?») был направлен на актуализацию зооморфной метафоры. Представителями животного мира, которые связаны в русском сознании с искренностью, являются, прежде всего, домашние животные: *собака* (62), *щенок* (3), *щеночек* (1), *пес* (1), *любящая собака с жалобными глазами* (1), *маленькие породы собак* (1); *мопс* (1), *мопсик* (1); *лошадь* (14), *кошка* (4), *котенок* (2), *кошечка* (1), *кот* (1), что, вероятно, следует из представлений, стоящих за данными животными. Так, собака в русском языковом сознании связывается с преданностью и привязанностью к хозяину (ср.: собака – друг человека), ей часто приписываются человеческие способности мыслить, переживать, искренне выражать свои ощущения и эмоции по отношению к объекту своей привязанности; «переживания» собаки отражает ее взгляд: *собачьи глаза* – грустные, добрые, все понимающие, «говорящие» глаза [РКП 2004: 153] (ср. также *глаза лошади*). Таким образом, можно предположить, что искренность опосредованно соотносится с верностью, дружбой, душевной близостью (напомним, что при выборе свободных ассоциаций в свободном ассоциативном эксперименте на стимул «искренность» давались реакции *верность* (8), *понимание* (3), *преданность* (1), *привязанность* (1), а также *доброта* (37), *дружба* (14), *друг* (5)). Кроме того, в ответах респондентов неоднократно отмечалось, что животное как таковое (в том числе собака) более способно на искренние чувства, чем человек, например: *самые искренние, наверное, все-таки, животные, поэтому самое искреннее – как радуется собака при встрече с хозяином после долгой разлуки*, а в числе профессий, для которых искренность является необходимым качеством, были названы *профессии, связанные с животными* (6). Помимо этого, добавим, что упоминаемые респондентами животные (прежде всего, кошка и собака) представляются «своими», «уютными» животными, которые могут показать свое расположение к хозяину, и связываются с чем-то умильным, добрым (*мопсик, кошечка, котенок, щенок, щеночек*).

Среди ответов респондентов также встретилась реакция *лев* (5), которая, возможно, связана с цветом животного – желтым, оранжевым, – преобладающими в цветовых ассоциациях на искренность, а также с представлением о бесстрашии, силе, которыми должен обладать искренний человек, говорящий нелицеприятную правду, о чем мы уже говорили ранее.

Совершенной неожиданностью для нас были ответы анкетированных *рыба* (5), *лосось* (1) на вопрос о животном, ассоциирующемся с искренностью (во всех случаях такая реакция присутствует в ответах 16-летних респондентов). Возможно, подобная ассоциация дана «от противоположного» – в представлении русских «рыба холодна, лишена разума и эмоций, в отличие от других живых существ не издает звуков» [РКП 2004: 143], а искренность в большей степени связана с эмоциональной сферой, и речью, о чем свидетельствуют ответы респондентов на вопрос анкеты «Что можно делать искренне?». (Более подробно см. об этом ниже.)

Анализируя реакции информантов в задании об ассоциации искренности с предметом, мы заметили, что подавляющего единодушия, как было в ответах на предыдущие вопросы, не наблюдалось, но важно обратить внимание на частотность ассоциаций, которые «перекликаются» с реакциями, уже описанными нами при анализе ответов на другие вопросы анкеты:

1. Ассоциации, связанные с миром ребенка: *мяч* (7), *плюшевая игрушка* (2), *плюшевый медведь* (2), *резиновый мячик* (1), *яркий мяч* (1) (здесь также значима шарообразная форма мяча, упоминание яркого цвета, «простого», обычного материала, из которого изготовлен предмет (*резиновый*), и тактильные ощущения (*плюшевый*) – о символике формы мы еще скажем далее.

2. Ассоциации, связанные с предметами из стекла и прозрачными предметами: *зеркало* (6), *стекло* (3), *ваза* (3), *кристалл* (2), *стеклянный прозрачный стакан* (1), *бокал* (1), *прозрачный* (1). Особо остановимся на реакции *зеркало*, которое в русском языковом сознании связывается не только с физическими свойствами отражения предмета, но и опосредованно с сущностными характеристиками отраженного в нем предмета – оно показывает человеку его истинный (в том числе внутренний) облик, оно не может врать, приукрашивать, и потому, вероятно, ассоциируется с искренностью (ср.: *свет мой зеркальце, скажи да всю правду доложи; нечего на зеркало пенять, коли рожа крива; гляжусь в тебя, как в зеркало <> давай не видеть мелкого в зеркальном отражении*; а также басню И.А. Крылова «Зеркало и обезьяна»).

3. Ассоциации, связанные с бумажной продукцией: *книга* (4), *бумага* (4), *письмо* (3), *белый чистый лист бумаги* (1), *бумажный лист* (1), *лист бумаги* (1), *открытая книга* (1), *бумажный личный дневник* (1) / *личный дневник* (1); к этой же группе отнесем и реакцию *литература* (2). Актуальным в данной группе ассоциаций оказывается не только белый цвет названных артефактов, но и иной фактор: книга, письмо или дневник – это предметы, в которых, во-первых, отражена речевая деятельность человека (а с этой сферой, прежде всего, связано проявление искренности, что также демонстрируют ответы на вопрос анкеты «Что можно делать искренне?», о которых речь пойдет далее), и, во-вторых, излагаются собственные мысли, идеи, описываются чувства и состояния человека, воспринимаемые адресатом (читателем) как искренние, чистосердечные. Вероятно, в связи с этим в числе реакций были ответы *ручка* (6), *шариковая ручка* (3), *ручка для письма* (1).

4. Ассоциации с предметами и явлениями, обладающими теплыми / горячими температурными характеристиками, которые также присутствуют среди результатов свободного ассоциативного эксперимента (первый вопрос анкеты): *лампа* (3), *свеча* (3), *свечка* (2), *светильник* (1), *зажигалка* (1), *горячий осколок металла* (1), *солнце* (5), *костер* (1), а также при выборе информантами из предложенной им тройственной оппозиции «характеристик» искренности *горячее – теплое – холодное* в пользу первых двух слов: *горячее* (35% респондентов), *теплое* (55%), оба варианта (*теплое* и *холодное*) (10%).

5. Ассоциации с мягкими предметами, в том числе изготовленными из шерсти: *плед* (3), *варежки* (2), *варежки из пушистой шерсти* (1), *мягкое кресло* (1) – подобные ассоциации проявляют себя и при ответе на вопрос о выборе слова из бинарной оппозиции *мягкий – твердый* с превалированием ответов *мягкий* (103) по сравнению с ответом *твердый* (10).

5. Ассоциации с острыми, колющими и режущими предметами, проявляющими «воинственную» составляющую искренности: *нож* (3), *кухонный нож* (1), *меч* (2), *игла* (2), *топор* (1). Подобное представление об искренности актуализируется также при описании визуального образа искренности: *это как стальной клинок, блестящее серебристое лезвие*, при ассоциации с животными – *еж* (2), *тигр* (2),

лев (5), хищная кошка (1), с растениями – кактус (5), крапива (2) (в одном случае с сопутствующим объяснением – *честно жжется и не скрывает этого*); полынь (2) (также с сопутствующим комментарием – *горечь на губах, потому что искренность, как и истина, бывает горькой*). Подобная «жалящая», «режущая» или «горькая» сторона искренности объясняется тем, что искренние, а следовательно, честные, правдивые слова могут быть не всегда приятны как адресату, так и адресанту, но, тем не менее, *лучше горькая правда, чем сладкая ложь* (2). В связи с этим обратим внимание на то, что при выборе между оппозициями *сладкий – горький* 22 человека отдали предпочтение варианту *горький*, 74 – *сладкий*, и 38 отметили оба варианта, что говорит об неоднозначном «вкусе» искренности. Кроме того, из оппозиции *мягкий – резкий* большинство анкетированных выбрали слово *мягкий* (56%), 23% опрошенных отметили вариант *резкий*, 20% – оба варианта.

Основанием еще для двух вопросов анкеты послужило исследование геометрических представлений абстрактных сущностей в работе Л.О. Чернейко [Чернейко 1997]. Респондентам было предложено нарисовать/описать геометрическую фигуру, с которой ассоциируется искренность, а также по возможности нарисовать / «визуализировать» искренность так, как они себе ее представляют. При ответе на этот вопрос двумя главными критериями оказались форма и цвет. Рисунки и описания указывали на объемность, иногда (редко) – на бесформенность, включая такие примеры, как *облако, растущий мерцающий комочек тепла, переливающийся шар-сфера*. Из цветовых характеристик актуальными оказались *голубой, небесный, светлые* тона, а также характеристики, связанные как с непостоянным, неоднородным, прерывистым, так и, наоборот, постоянно поддерживающимся свечением – *мерцающий, переливающийся, искрящийся*, что может свидетельствовать о «многоликости» проявления ИСКРЕННОСТИ в общении. Наиболее частотными ответами на вопрос о геометрической фигуре, с которой ассоциируется искренность, были *круг* (67), *искрящийся круг* (1), *шар* (7), *окружность* (5), *спираль* (3), *сфера* (1), а также *звезда* (16), что, вероятно, отражает как символические представления о круге, так и о символике солнца, существующие в русской лингвокультуре, о чем мы уже упоминали ранее. Круг является первичным символом единства и бесконечности, поскольку линия круга – это единственная линия, которая не имеет ни начала, ни конца и очерчивает замкнутое пространство, которое может осмысляться как защищенное, охраняемое, «свое» «сокровенное» пространство (ср.: очерчивание магического круга) [РКП 2004: 223]. Круг был одновременно и символом солнца, и символом неба, звезды, планеты, луны, колеса, цветка... [Буткевич 2008]. Кроме этого, круг олицетворял собой «абсолютное равенство, прямоту, единообразие, бесконечность, вечность, круговорот бытия» и нематериальные ценности: «добро, красоту» [Там же: 20]. На связь понятий чистоты и святости с небесными объектами указывает В.И. Равдоникас: «Понятие “святости” и вместе с тем “чистоты”, “белизны” в первобытном сознании увязывается <...> с “небом” и его долевыми проявлениями или “воплощениями” в “солнце”, “луне”, “звездах”. Отсюда изобразительная символика святости, божественности, т.е. сопричастности божеству: круг, образ неба и солнца, луна <...> их производные – круги с линиями, изображающие лучи солнца, <...> впоследствии сияние или нимб божества...» (цит. по: [Осипович 2015: 92]). Таким образом, можно говорить о смежности концепта ИСКРЕННОСТЬ с идеей святости, высокой духовности,

нравственности (заметим, что при выборе слова из пары *добро – зло* 129 респондентов остановились на слове *добро*). На данную связь указывают и другие факторы: так, информанты в числе профессий, для которых необходима искренность, называли *священника* (7), *богослужителя* (1), *святого отца* (1); на вопрос «Что можно делать искренне?» в числе ответов были *раскаиваться* (6), *молиться* (3), тайно от мира внутри себя говорить со своей душой, с *Богом* (1); среди реально живших людей, имена которых анкетированные связывали с представлениями об искренности, назывались христианские святые, пророки, проповедники: *Иисус Христос* (14) (с комментарием одного из респондентов – он заплатил жизнью за искренность); *Мать Тереза* (3), *Сергий Радонежский* (2), *Моисей* (1), *святой человек* (3), *святые люди* (1), *Серафим Саровский* (1), при этом информанты отмечали, что они обладают культурой Сердца; от всего сердца помогали тем, кто нуждался.

Добавим также, что апелляция к солярным и небесным мотивам оказывалась значимой при создании «визуального» образа искренности. Так, назывались следующие объекты: *солнце* (4); *шар* (2); *чистый луч солнечного света*; *луч солнца*; *как солнышко с лучиками*; *солнечное голубое небо*; *необъятная сущность, дарящая тепло, светлая*; *голубое полупрозрачное мерцающее облако*; *звездочка горит*; *это красивый многогранный кристалл ясно-голубого цвета*; *шар размером с футбольный мяч, светящийся нежно-голубым светом, не вращается, висит в воздухе в одном положении* и т.д.

При ответе на вопрос об ассоциировании искренности с каким-либо растением определяющим фактором оказалась связь с простыми, обычными, полевыми или садовыми, незатейливыми цветами (при этом, как правило, с соцветиями желтого, голубого, белого тонов), растущими в открытом пространстве (поле, луг), и «русскими», «типичными» для русского языкового сознания деревьями – «свое», «родное» «сокровенное», представляется очень обычным, естественным, неприхотливым: *ромашка* (16), *береза* (12), *подсолнух* (8), *подснежник* (5), *травы* (5), *незабудка* (3), *одуванчик* (3), *василек* (2), *белые цветы* (1), *колокольчик* (1), *ландыш* (1), *черемуха* (1). Цветовые же характеристики, актуализирующиеся в ответах информантов (желтый, голубой, белый), также служат еще одним подтверждением связи представлений об искренности с идеей неба, солнца и, следовательно, ее опосредованной связи с божественным началом.

Не имея возможности далее в рамках данной статьи подробно останавливаться на анализе ответов на каждый вопрос предлагаемой респондентам анкеты, сосредоточимся на других значимых и ценностных характеристиках, с которыми была соотнесена искренность, опираясь на комплексный анализ данных проведенного эксперимента.

1. Концепт ИСКРЕННОСТЬ связан с представлениями об открытости, обнаженности, и, следовательно, уязвимости, что отражено в ответах информантов о «визуальном портрете» искренности: *я бы нарисовала человека, который снимает с себя внешнюю оболочку перед другим человеком; деревенский дом, окруженный садом, с распахнутой дверью и открытыми окнами, в которые залетает теплый ветер; что-то идущее от фигуры наружу, вырывающееся из человека потоком; человек с раскрытыми руками и открытым сердцем, от которого исходит свет; это большие открытые глаза, которые излучают доброту и внутренний свет,*

которые *распахнуты* навстречу этому миру и т.д.⁵ Характерно, что при выборе между компонентами бинарной оппозиции *открытый* – *закрытый* ответы разделились следующим образом: первый вариант предпочло 73 человека, второй – 2, оба – 11.

2. ИСКРЕННОСТЬ существует на стыке эмоционального и рационального, эти границы оказываются проницаемыми, однако предпочтение отдается эмоциональному началу. Так, ответы информантов на вопрос «Что можно делать искренне?» можно разделить на группы, связанные с семантикой глаголов, названных ими (заметим, что данные реакции далеко не всегда актуализируют правильную, нормированную языком синтаксическую сочетаемость с наречием *искренне*, однако подобные ответы позволяют выделить представления, стоящие за ИСКРЕННОСТЬЮ в русском языковом сознании):

- глаголы, актуализирующие эмоциональные состояния человека, в подавляющем большинстве оцениваемые положительно: *любить* (67), *радоваться* (41), *смеяться* (27), *улыбаться* (19), *чувствовать* (10), *веселиться* (9), *переживать* (9), *плакать* (5), *ненавидеть* (6), *презирать* (4), *злиться* (1), *негодовать* (3), *грустить* (1), *огорчаться* (1);

- глаголы, обозначающие речевое действие: *говорить* (54), *общаться* (11), *рассказывать* (8), *говорить комплименты* (4), *хвалить* (2), *делать комплименты* (1);

- глаголы «с рациональной составляющей», отражающей интеллектуальные усилия субъекта и выражающие отношение к объекту мысли: *думать* (9), *не понимать* (6), *выражать мысли* (4), *полагать* (2), *быть убежденным* (5), *быть уверенным* (4), *считать* (3), *заблуждаться* (2), *мыслить* (1), *критиковать* (1);

- глаголы, обозначающие поступки, а также связанные с созданием и деятельностью: *делать* (8), *работать* (4), *помогать* (4), *учить* (3), *создавать* (3), *учиться* (3), *дарить* (3), *делать добрые дела* (2), *дарить подарки* (1) и даже *бить посуду* (1), *кушать сочное мясо* (1) и *прыгать на батуте* (1).

Таким образом, ИСКРЕННОСТЬ предстает особым состоянием человека, пронизывающим все сферы его жизни – эмоциональную, чувственную, деятельностьную (с превалированием речевой деятельности), интеллектуальную, (интересно отметить, что 6 респондентов дали ответ, что искренне можно *жить*). Кроме того, выбирая между членами оппозиции *разум* – *чувства*, на первом варианте остановилось лишь 14 респондентов, на втором – 82, и оба варианта отметили 39 информантов, кроме того, частотными также являются ответы об иррациональности искренности.

3. Анкетирование позволило выявить «локус» ИСКРЕННОСТИ, связанный с ее эмоциональной природой. Так, на вопрос: «Представьте, что искренность находится в какой-либо части / органе тела человека. Какая это часть тела / орган?» подавляющее большинство информантов ответили *сердце* (81), которое в русской лингвокультуре (наряду с душой) предстает как вместилище чувств (ср. также ответы *искренность* – *это когда человек говорит от сердца; когда говоришь от всего сердца; когда люди что-*

⁵ Данные примеры также демонстрируют, что представления об абстрактном явлении, в данном случае об ИСКРЕННОСТИ, «хранятся» в сознании респондентов в виде клубка смыслов и ассоциаций, которые одновременно могут «разворачиваться» в речевом высказывании (здесь: и связь ИСКРЕННОСТИ с бинарной оппозицией *открытый-закрытый*, и с представлениями о тепле, свете, сердце, и с представлением о доброте, и связь с природными явлениями, ассоциирующимися со словом «искренность», которые оказываются значимыми для содержания концепта и актуализируют себя «по отдельности» в других заданиях анкеты).

то делают от чистого *сердца*; когда человек полным *сердцем* переживает чувства; говорит то, что на *сердце* и др.). Сравнительная малочастотность ответа *душа* (11) объясняется, на наш взгляд, тем, что она, вероятно, не осознается как орган или часть тела, место ее «физического» расположения с точностью не определено (один из ответов анкетированных сопровождался комментарием *где живет душа, пока не известно, но искренность там*), однако, судя по ответам респондентов, местом нахождения души можно считать грудь или область шеи и яремной впадины: *грудная клетка/грудь* (16), *солнечное сплетение* (7), *горло* (5), *шея* (5) (и о чем также свидетельствуют фразеологизмы «с души воротит», «душа нараспашку»). Не удивительно, что в числе ответов на вопрос о локусе искренности были названы *глаза* (15), которые, согласно древнейшим народным представлениям, соотносятся с внутренним миром человека, не умеют лгать, часто считаются вместилищем и отражением его души (ср.: *глаза – зеркало души*; а также стереотипную просьбу по отношению к подозреваемому/уличаемому в обмане посмотреть в глаза, чтобы понять, насколько он честен). При помощи глаз человек может воздействовать на окружающий мир, влиять на судьбу других людей и даже предсказывать будущие события [СМЭС 2002: 105]. Кроме того, *глаза* связаны со светом и способностью духовного видения. В христианской иконографии глаз в центре солнечных лучей или в треугольнике с направленной вверх вершиной выступает как символ Божественной вездесущей силы или Троицы (ср.: «всевидящее око»). Высшие ангельские чины (херувим, серафим) носят в знак своей пронизательности и мудрости глаза на крыльях [Бидерман 1996, 55–56]. Добавим, что в заданиях семантизировать искренность и описать ее «внешний вид» апелляция респондентов также была обращена к глазам: *глаза, наполненные любовью или состраданием; девушка с глубокими, лучистыми глазами, светлыми волосами, в длинных белых одеждах; искренность – это когда смотришь в глаза человеку и веришь ему*.

Полученные ответы *голова* (8), *мозг* (7) о локусе искренности свидетельствуют о ее связи с рациональным началом, хотя она, вероятно, не так прочна и очевидна, как связь между искренностью и чувствами.

4. Исходя из данных анкетирования, можно предположительно говорить о соотношении ИСКРЕННОСТИ с женским началом (это очевидно, в первую очередь, связано с тем, что существительное «искренность – женского рода»), что отражено в частотных ассоциациях с (хрупкой) девушкой, женщиной, и – как следствие – с (нежным) цветком/цветами при описании визуально образа ИСКРЕННОСТИ: *светлая девушка с ясными голубыми глазами, тонкая, стройная, в белом платье и немного пугливая; искренность имеет женскую природу; я бы нарисовала девушку, которая всем дарит цветы; девушка с растрепанными волосами сидит на летнем лугу в высокой траве, день солнечный; это красивая девушка лет 20 с большими, наивными и теплыми глазами; девушка с глубокими, лучистыми глазами, светлыми волосами, в длинных белых одеждах; как цветок души; красивый нежный цветок, чьи лепестки на ощупь как шелк; только что распустившийся цветок; букет белых тюльпанов, завернутый в ярко-красную ткань* и т.д.). В данной связи информативно также при выборе из оппозиции *хрупкий – крепкий* преобладание вариантов *хрупкий* (82) над *крепким* (30) (обе опции отметили 16 опрошенных).

5. Важной составляющей в характеристике искреннего человека является простодушие, наивность, бескорыстие, отсутствие выгоды. Так, из прецедентных имен, вызывающих ассоциации с искренностью, респондентами были упомянуты два имени: *Иван-дурак* (13) и *князь Мышкин* (9), связанных с названными выше качествами и с представлениями о юродивых в русской лингвокультуре. Алогичность действий данных персонажей, «отсутствие» у них ума делает их похожими на юродивых (чудаковатых людей, совершающих нелепые, бессмысленные, на первый взгляд, поступки, обладающих детской непосредственностью, наивностью, простодушием и часто даром прорицания) – явления, получившего особое развитие в русской духовной традиции [РКП 2004: 199]. Так, *Иван-дурак* предельно прост (напомним, что в числе свободных ассоциаций со словом «искренность» называлась *простота* (6)), чистосердечен, правдив; несмотря на мнимую глупость героя, читатель сказки ему симпатизирует, поскольку он все делает без задней мысли, без дурного умысла, а значит – искренне, от души: «Именно потому, что Дурак бесхитроsten, он так привлекателен» [Синявский 2001: 42], подобная «глупость» произрастает из благодатной почвы – из чистосердечности, невинности, простодушия, а поэтому не вызывает никакой неприязни и неодобрения.

Мысль о бескорыстии искреннего человека также находит выражение при ответах информантов на вопрос о том, кто такой неискренний человек: это *человек, который притворяется или врет для личной выгоды; человек, который использует людей для достижения собственных целей; тот, кто способен совершить подлость в угоду себе; преуспевающий делец, расчетливая персона* и т.д., и, следовательно, *искренность – это когда относишься бескорыстно, честно к себе и к другим*. Из ответов также явно следует, что неискренность оценивается однозначно неодобительно: неискренний человек – это *злой человек, отвратительный человек, волк в овечьей шкуре; предатель, которому нельзя доверять; тот, кто, осознавая близость отношений и их серьезность, может предать; подлый лгун; неприятный человек* и т.д.

Добавим, что в качестве реально живущих людей – носителей искренности – было названо также имя *Иисуса Христа* (14), через которое, как мы склонны думать, ИСКРЕННОСТЬ соотносится с представлениями о святости и добродетели, возведенной в абсолют, что, несомненно в духовном коде русской культуры оценивается исключительно положительно.

6. Анализ данных эксперимента позволяет предположить, что эталонным носителем искренности является ребенок: помимо реакций в свободном ассоциативном эксперименте *дети* (3), *ребенок* (2), *детскость* (1), *детство* (1), в ответах информантов присутствуют ассоциации с игрушками (см. выше), при ответе на вопрос о том, люди каких профессий должны быть искренними, чаще всего назывались виды деятельности, непосредственно связанные с работой с детьми: *учитель* (37), *воспитатель* (19), *преподаватель* (6), *няня* (4), *аниматор* (3), *все профессии, связанные с детьми* (3), *люди, работающие с детьми* (3) *детский врач* (1), *Л.В. Рошаль* (1) и т.д. При перечислении персонажей художественных произведений, которых можно назвать эталонами искренности, чаще всего называли именно героев сказок и детских произведений: *Маленький принц* (6), *Золушка* (5), *Белоснежка* (3), *Винни Пух* (2), *принцессы из диснеевских мультфильмов* (2), *Чебурашка* (2), *Алиса Селезнева* (1), *Ассоль* (1), *герои детских книг* (1), (большинство названных персонажей сами являются детьми),

при этом давались следующие комментарии: *диснеевские принцессы <...> наивные и искренние, как дети, верят в добро и любовь; в детских сказках хорошие герои всегда искренни; маленький принц, потому что он ребенок.* К понятию детства отсылают и визуальные ассоциации с искренностью: *улыбающийся ребенок, обнимающий маму; трехлетний ребенок, который держит в руках белого голубя; человек, нарисованный ребенком 5–6 лет, все кривое, непропорциональное, но радостное, простое и солнечное, наивный рисунок* и т.д.

Заключение

Таким образом, проведенный эксперимент позволил выявить базисные глубинно-смысловые пласты культуры в содержании концептуального поля ИСКРЕННОСТЬ: связь с солярным культом, с базовыми метафорами СВЕТ, ОГОНЬ, с женским началом, со «своим», близким (сокровенным) пространством, с концептами ЧИСТОТА, ПРОСТОДУШИЕ, а также с концептами СЕРДЦЕ, ДУША, которые предстают как «локус» ИСКРЕННОСТИ. Комплексный анализ результатов эксперимента позволяет отнести ИСКРЕННОСТЬ к аксиологическим концептам, представляющим собой духовную ценность в русской лингвокультуре, который ставится в один ряд с такими концептами, как ПРАВДА, ЛЮБОВЬ, ДРУЖБА, ВЕРНОСТЬ, с представлениями о добродетели в целом, и воспринимается как часть русского менталитета.

© Захаренко И.В., 2022

Литература

- Авакимян С.С.* О лингво-когнитивном подходе к феномену «искренность» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Иркутск: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена», 2009. № 92. С. 177–185.
- Буткевич Л.М.* История орнамента: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений, обучающихся по спец. «Изобразительное искусство». М.: Гуманитар., изд. центр ВЛАДОС, 2008. 271 с.
- Вежбицкая А.* Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. М.: Языки славянских культур, 2002. № 2 (4). С. 6–34.
- Гладкова А.Н.* Концепт 'откровенность' в русской и английской языковых картинах мира // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией. М.: Индрик, 2008. С. 502–515.
- Гловинская М.Я.* Постулат искренности vs постулат толерантности и их производные в разных культурных и языковых моделях поведения // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности (Сборник статей). Екатеринбург: ОЛМА ПРЕСС, 2005. С. 133–149.
- Горошко Е.И.* Проблемы проведения свободного ассоциативного эксперимента // Известия Волгоградского Государственного Педагогического Университета. Волгоград: ВГСПУ, 2015. № 3. С. 53–60.
- Захаренко И.В.* Представления об ИСКРЕННОСТИ в русской лингвокультуре (на материале фразеологических единиц) / Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения. Сборник научных статей к 90-летию профессора Вероники Николаевны Телия / Отв. ред. И.В. Зыкова, В.В. Красных. М.: Гнозис, 2020. С. 217–235.

Кандинский В.В. О духовном в искусстве. М.: Архимед, 1992. – 107 с.

Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности. URL: <https://gigabaza.ru/doc/124506.html> (дата обращения: 28.11.2022).

Осипович Е.В. Концептуальное поле ИСКРЕННОСТЬ в русской лингвокультуре. Дипломная работа. М., 2015. 127 с.

Синявский А.Д. Иван-дурак // Иван-дурак: Очерк русской народной веры. М.: Аграф, 2001. С. 37–48.

Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: Полиграф, 2001. 227 с.

Тананина А.В. Концептуальное поле «Любовь» и его представление в иноязычной аудитории. Диссертация кандидата филологических наук. М., 2003. 159 с.

Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М.: Либроком, 1997. 352 с.

Словари

Бидерман Г. Энциклопедия символов: Пер. с нем. / Общ. ред. и предисл. И.С. Свенцицкой. М.: Республика, 1996. 335 с.

Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Под ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с. [БФСРЯ]

Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь / под ред. И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова. Вып. 1. М.: Гнозис, 2004. 318 с. [РКП]

Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М.: Международ. отношения, 2002. 512 с. [СМЭС]

Сведения об авторе:

Захаренко Ирина Владимировна – старший преподаватель кафедры общей теории словесности (дискурса и межкультурной коммуникации) филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Контактная информация:

119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, 1-й корп. гум. фак-тов

email: zakharenk.irina@yandex.ru

Для цитирования:

Захаренко И.В. Концептуальное поле *ИСКРЕННОСТЬ* в русском языковом сознании (по результатам проведенного эксперимента) // Вопросы психолингвистики. № 4(54). 2022. С. 10–24. doi: 10.30982/2077-5911-2022-54-4-10-24

UDC 81'23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-54-4-10-24

Research article

**THE CONCEPTUAL FIELD OF THE NOTION *ISKRENNOST'* (SINCERITY)
IN THE RUSSIAN LINGUISTIC CONSCIOUSNESS (BASED ON FIELD
EXPERIMENT FINDINGS)**

Irina V. Zakharenko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract

The paper describes the part of the Russian language picture of the world that refers to the conceptual field of such a notion as SINCERITY. The questionnaire survey incorporated a free associations test based on the stimulus-response principle; questions about color associations with the word sincerity, associations with an animal, a plant, a thing, a geometric object, and questions that aimed to reveal the semantic field of SINCERITY, correlate the concept with the basic archetypal oppositions, and find mentifacts, i.e., precedent names, stereotypes belonging to the conceptual field of SINCERITY. The linguo-cultural approach applied to the analysis of survey findings has not only allowed an assessment of the most common and unambiguous perception of the idea of SINCERITY by native Russian speakers, but has also provided an opportunity to determine the basic semantic layers underlying culture in the concept contents: relation to the solar cult, basic metaphors such as LIGHT and FIRE, the female principle, your own (innermost) space close to your heart, with the concepts of PURITY, OPEN-HEARTEDNESS, as well as with the concepts of HEART, SOUL that appear as the locus of SINCERITY. Based on the complex analysis of survey findings, we can refer the concept of SINCERITY to axiological concepts reflecting moral values in the Russian linguistic culture where it is perceived in line with such concepts as TRUTH, LOVE, FRIENDSHIP, FIDELITY and ideas about the righteousness as a whole, as a part of Russian mentality.

Keywords: sincerity, associative experiment, association, conceptual field, archetypal oppositions, basic metaphor

© Zakharenko I.V., 2022

Bionotes:

Irina V. Zakharenko – Senior lecturer, Department of Discourse and Communication Studies, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

Contact information:

Leninskie Gory, MSU, 1 Humanities, Faculty of Philology, Moscow, 119992

email: zakharenk.irina@yandex.ru

For citation:

Zakharenko I.V. The conceptual field of the notion *iskrennost'* (sincerity) in the Russian linguistic consciousness (based on field experiment findings) // Journal of Psycholinguistics. 4(54). 2022. P. 10–24. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2022-54-4-10-24 (in Russian)

УДК 81'42

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-54-4-25-35

Научная статья

**ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА
КАК ОБЪЕКТ И ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА:
ЧТО НЕ ТАК В УЧЕБНИКЕ?**

Иванова Светлана Викторовна

ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина»,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются особенности картины мира учащихся основной школы сквозь призму, заданную учебником иностранного языка. Объектом исследования стала картина мира учащегося средней школы в преломлении к материалу учебника английского языка. Предмет исследования составила языковая картина мира, воссозданная через ключевые слова предлагаемых учебником тематических рубрик. Гипотезой, предваряющей исследование, послужило представление о том, что заданная учебником тематика и предлагаемый для освоения той или иной тематики вокабуляр воссоздадут языковую картину мира, которая должна корреспондировать с картиной мира учащегося, и эту последнюю можно реконструировать посредством ассоциативного эксперимента. Цель работы состояла в определении различий в рассматриваемых картинах мира. Основным методом исследования явился эксперимент, направленный на выявление ассоциативных реакций учащихся на предлагаемые стимулы, в качестве которых выступили ключевые для понимания изучаемых тем лексические единицы. В результате сопоставления ассоциативных реакций учащихся и предлагаемого в учебнике лексикона, призванного раскрыть ту или иную тему, было выявлено, что картина мира в учебнике в ее некоторых сегментах показывает значительное расхождение с языковой картиной мира учащихся. Выявленный таким образом зазор является результатом, с одной стороны, неучтенных социально-психологических факторов, а с другой – возрастной динамики учащихся, которая порою не находит отражения в учебных материалах. Не вызывает сомнений то, что проведение подобного рода исследований на постоянной основе позволит актуализировать учебники иностранного языка, приведя их в соответствие с интересами и возрастной динамикой обучающихся.

Ключевые слова: картина мира, языковая картина мира, ассоциативный эксперимент, методика преподавания иностранных языков, учебник иностранного языка

Введение: языковая картина мира как объект исследования

Проблематика картины мира, заданная в трудах лингвофилософов XIX века [Гумбольдт 1984; Потенбня 1999], не теряет своей актуальности и продолжает оставаться востребованной в рамках многих направлений лингвистических исследований. Тот вклад, который внесла психолингвистика в изучение языковой картины мира, языкового сознания, ментальных пространств, когнитивной базы, не оценим с точки зрения обогащения современного гуманитарного знания данными о человеке и его мире. Человек существует в этом мире как человек говорящий [Ажеж 2003], как коммуникатив-

ная личность [Красных 2001]; соответственно, свое бытование в мире человек опосредует при помощи языка как главной коммуникативной системы. Один из аспектов этого бытования – осознание себя, окружающего мира и своего места в нем. Все это находит выражение в картине мира, которая, будучи вербализованной, существует уже в качестве языковой картины мира. Языковая картина мира как «отраженный в языке способ видения мира» [Левонтина 2015 <http>] при ее анализе позволяет выйти на представления об окружающей нас действительности, на ценностные смыслы, зафиксированные посредством языка [Алефиренко 2010: 124]. Соответственно, будучи объектом анализа, слово превращается в тот инструмент, при помощи которого можно добраться до святой святых многих наук, чем и выступает человеческое сознание. Современная теоретико-методологическая база лингвистики и психолингвистики, в частности, позволяет через анализ языковой картины мира и через слово как овнешняющий ее фактор обратиться к сознанию *homo loquens* и идентифицировать в нем то, что вызывает исследовательский интерес и раскрывает его особенности.

Понятие языковой картины мира стало отправной точкой для проведения данного исследования, продиктованного практической необходимостью повышения эффективности обучения иностранным языкам в общеобразовательной школе. Начальным положением исследования послужило понимание того, что учебник иностранного языка создает определенную картину мира при помощи заданной в нем тематики и лексикона, выступающего средством вербализации данной картины мира. Цель работы предполагала определение разницы между этими двумя картинами мира, если таковая имеется. Для достижения поставленной цели была сформулирована задача провести ассоциативный эксперимент с тем, чтобы выявить, насколько сходятся или расходятся освещение заявленных к изучению тем в учебнике и представление о них у школьников. Таким образом, на повестку дня были вынесены вопросы: (а) есть ли зазор между картинами мира учебника и учащегося, и, если он имеется, то (б) каков он и (в) в чем он выражается. Гипотезой данного исследования стала идея о том, что ассоциативный эксперимент поможет выявить соответствие или несоответствие предлагаемого учебного материала интересам и представлениям школьников через ассоциации ключевых слов изучаемых тем. При этом исходным положением было понимание того, что словесные ассоциации являются средством описания социальных феноменов [Фрумкина 2003: 194].

Материалом для исследования послужили данные проведенного в 2021 г. ассоциативного эксперимента, участниками которого явились обучающиеся ГБОУ Гимназии № 406 Пушкинского района города Санкт-Петербурга. В эксперименте приняли участие 90 испытуемых в возрасте 11–18 лет, анализу было подвергнуто 2340 ассоциативных реакций, полученных на 13 слов-стимулов. В качестве учебно-методического материала, послужившего основой для выделения слов-стимулов, стали используемые в школах учебно-методические комплексы по обучению английскому языку для 5, 9 и 11 классов средней общеобразовательной школы (прежде всего, рекомендованный Министерством просвещения РФ учебник «Spotlight», а также пособия «Forward», «Upstream», «Gold», «In Touch» и др.).

Методика работы: языковая картина мира как инструмент исследования

Методологически исследование базируется на идее психолингвистического эксперимента, в основу которого легло тестирование К.Г. Юнга «16 ассоциаций». Эв-

ристический потенциал ассоциативного эксперимента сводится к его способности воссоздать связи языковых единиц в сознании испытуемых и выявить характер их взаимодействия. Как известно, ассоциативный эксперимент – это устоявшийся метод в психолингвистике, который направлен на выявление ассоциаций, сформировавшихся у индивида в его предшествующем опыте. При этом слово-стимул выступает носителем представления о каком-либо предмете, явлении или процессе, соответственно, оно вступает во взаимодействие с картиной мира, то есть с совокупностью опыта реципиента. Таким образом, можно утверждать, что результаты ассоциативного эксперимента будут отражением субъективной реальности в языковом сознании человека, что и обеспечивает выход на языковую картину мира, поскольку последняя предполагает сложившуюся в обыденном сознании данного языкового коллектива (или индивида) и отраженную в языке совокупность представлений о мире [Зализняк 2022 <http>].

На первом этапе ассоциативного эксперимента осуществлялся отбор слов-стимулов. Ими явились ключевые слова, которые были выделены в темах и модулях указанных выше учебных пособий на основе количественных подсчетов, т.е. ранжирования слов текста по частоте их встречаемости и употребления в тематическом модуле. Слова-стимулы для проведения ассоциативного эксперимента были представлены на русском языке, несмотря на то что выделение ключевых слов производилось на основе англоязычных текстов. Данное решение было продиктовано пониманием задачи ассоциативного эксперимента, которая состояла в том, чтобы проникнуть в языковую картину мира обучающихся, представляющую собой совокупность мыслеобразов действительности, а эта последняя, что очевидно, сформирована на их родном языке [Карасик 2002: 74].

При проведении эксперимента были задействованы три возрастные группы обучающихся (11–12 лет, 15–16 лет и 17–18 лет), что соответствовало 5, 9 и 11 классам соответственно. Возрастная дифференциация стала необходимой в силу психофизиологических изменений испытуемых, что, безусловно, должно отражаться на их восприятии мира и на той картине мира, которую они создают в своем сознании. Количество респондентов, участвующих в опросе, составило 90 человек: 34 обучающихся 5-го класса (11–12 лет), 33 обучающихся 9-го класса (14–15 лет) и 23 обучающихся 11-го класса (17–18 лет). Эти возрастные группы были выбраны с целью установить различие в реакциях на слова-стимулы в силу динамики психофизиологического развития представителей данных возрастных групп. Для исследования были отобраны 13 слов-стимулов: ДОМ, ОБЩЕНИЕ, ЛЮБОВЬ, РАБОТА, ТЕХНОЛОГИИ, СЕМЬЯ, ХОББИ, МУЗЫКА, ДРУЖБА, ВРЕМЯ, ДЕНЬГИ, ЗДОРОВЬЕ, УЧЕБА. Этот выбор был обусловлен тематическими рубриками основных разделов (модулей) рассматриваемых учебно-методических пособий.

Далее респондентам был предложен тест «16 ассоциаций», который заключается в следующем. На первом этапе был использован метод свободных ассоциаций: на каждое слово-стимул обучающиеся должны были дать первые ассоциации, которые у них возникали. К каждому из слов-стимулов обучающиеся дали 16 ассоциаций в свободной форме. Далее имеющиеся 16 ассоциаций предлагалось разбить на пары (в том порядке, в каком они уже написаны) и каждую пару объединить в ассоциацию (ключевое слово). Далее оставшиеся 8 ассоциаций необходимо было разделить на группы по два слова и прописать к каждой паре еще одну ассоциацию. По окончании данного этапа оставалось 4 слова, которые, в свою очередь, предлагалось разбить на две пары и

написать к ним две ассоциации. В оригинальном тестировании К.Г. Юнга существовал еще один этап, в рамках которого к оставшимся двум словам нужно было написать ассоциацию, которая и являлась бы конечным результатом. Но психиатр использовал этот метод для выявления главной проблемы или трудностей у пациентов [Jung, Riklin 1919]. В данном исследовании последний этап не проводился, так как целью эксперимента являлось не выделение проблемы или трудности, а, напротив, раскрытие содержания понятия, которое отвечает за концептуализацию определенного участка реальности и составляет часть языковой картины мира испытуемого.

Среди зафиксированных реакций имеются (1) объектные (описывают объект через характеризующие его понятия): СЕМЬЯ – *мама, папа, родители, брат* (5 кл.); ТЕХНОЛОГИИ – *роботы, машины, компьютеры* (5 кл.); (2) характеризующие (содержат определительные признаки): ДРУЖБА – *крепкая, настоящая* (9 кл.); МУЗЫКА – *расслабляющая, живая, веселая, прикольная* (5 кл.); ДОМ – *любимый* (5 кл.); ДОМ – *уютный, красивый, страшный* (9 кл.); СЕМЬЯ – *душевно, уютно* (5 кл.); (3) эмоционально-оценочные (отражают включенность слова в многообразные эмоционально-оценочные связи и системы): УЧЕБА – *нервы, усталость, слезы, стресс, скукота* (9, 11 кл.); (4) реакции-пояснения (различного рода пояснения, уточнения и конкретизации слов-стимулов): СЕМЬЯ – *родные тебе люди* (9 кл.); ХОББИ – *увлечение, любимое дело* (5 кл.); (5) реакции абстрактного типа (использование обобщений, более абстрактных понятий, чем данное слово-стимул): ЛЮБОВЬ – *отношения* (9 кл.); ТЕХНОЛОГИИ – *наука* (9, 11 кл.). Кроме этого, в качестве ответов были зафиксированы (6) отсутствие реакции (или нулевая реакция): РАБОТА – *работа* (5, 9, 11 кл.); (7) экстрасигнальные реакции, например: ДЕНЬГИ – *нет*; (8) автоматические реакции: ВРЕМЯ – *деньги* (9 кл.).

Анализ результатов проводился в трех аспектах: прежде всего, были получены и подвергнуты анализу данные по каждой возрастной группе, затем был проведен сравнительно-сопоставительный анализ по возрастам и, наконец, данные по картине мира учащихся были сопоставлены с тем, что предлагает учебник. При этом сравнительно-сопоставительный анализ картины мира, представленной в учебнике, и картины мира обучающегося предполагал сходный порядок проведения исследования. Для рассмотрения УМК 5-го класса было решено взять 5 самых частых реакций и 5 ключевых слов, отобранных из темы (юнита, модуля или любого другого структурного элемента учебника, отражающего основное понятие). Для рассмотрения учебно-методических комплексов 9-го класса в качестве второго показателя было решено взять 10 самых частых реакций и 10 ключевых слов темы. Для 11-го класса анализу были подвергнуты 15 самых частых реакций и 15 ключевых слов темы. Такое последовательное увеличение лексических единиц было обусловлено лексической наполняемостью учебников на разных уровнях изучения английского языка, поскольку количество лексических единиц, предложенных для освоения в 5-м классе, намного меньше, чем в текстах для последующих уровней обучения.

Результаты исследования

В качестве начальных результатов исследования необходимо отметить те реакции, которые вызывают тревогу и свидетельствуют о проблемных зонах в языковых картинах мира учащихся. Такими зонами картины мира становятся, прежде всего, РАБОТА и УЧЕБА. Вместе с такими реакциями на слово-стимул РАБОТА, как *труд* (34,3%),

названия профессий (39,2%), 17,7% учащихся дают эмоционально-оценочную реакцию в виде ассоциатов *усталость, ненависть*. В той же возрастной группе слово-стимул УЧЕБА вызвало большинство реакций (52,9%) эмоционально-оценочного типа: УЧЕБА – *скука, скукота, трудности, мучения, напряжение, слезы, так себе* и пр. Причем 95,2% из этих 52,9% являются ассоциациями с негативной оценкой или коннотацией. Во второй возрастной группе (9 кл.) к слову-стимулу РАБОТА было выявлено еще больше эмоционально-оценочных реакций, чем у 5-х классов: 63,6% испытуемых показали результаты *скучно, усталость, ненависть* (ср. 12,8% респондентов дали определительные реакции: РАБОТА – *труд, деятельность, построение карьеры*). Слово-стимул УЧЕБА показало еще больше эмоционально-оценочных реакций по сравнению с 5-м классом: 63,6% представляют учебу как *мучения, отстой, нервные срывы, слезы*. Только 9% дают характеризующие реакции: УЧЕБА – *отличная, сложная*, и 6% дают реакции абстрактного типа: *будущее, успех*. В старшей из анализируемых групп слово-стимул РАБОТА вызвало 39,1% реакций эмоционально-оценочного типа: РАБОТА – *усталость, лучшие школы, рабство*. При этом, появляются реакции абстрактного типа: РАБОТА – *свобода, ответственность, обязанность*, и 34,7% реакций относятся к определительным: *труд, деятельность*.

Обращает на себя внимание такая часть языковой картины мира, как ДЕНЬГИ. 23,5% испытуемых пятиклассников дали на этот стимул реакцию *счастье*. С другой стороны, 17,7% респондентов этой же возрастной группы считают: ДЕНЬГИ – *корень всех зол; то, что портит человека*. В старшей группе (11 кл.) для 30,4% испытуемых слово-стимул ДЕНЬГИ вызывает эмоционально-оценочную реакцию и реакцию абстрактного типа: *любовь, счастье, радость, блаженство, ненависть*. 4,3% пришлось на реакцию: ДЕНЬГИ – *портят человека*. 8,6% респондентов показали характеризующие и в определенной мере нейтральные реакции: *конечны, важны*.

Любопытна динамика восприятия слова-стимула ОБЩЕНИЕ. Если в 5-м классе реакциями к этому слову-стимулу являются *друзья, друг, подруга, дружба* (52,9% ии.), то уже в 9-м и 11-м классах в качестве заменителя общения социальные сети (учащиеся дают конкретные названия соцсетей) выступают для 40% респондентов.

Анализ полученных данных выявляет определенную динамику результатов и различия в картинах мира, связанные с возрастными характеристиками и особенностями эмоционально-психического развития. Так, в отличие от обучающихся 5-х классов, ДОМ у 14–15-летних подростков все меньше ассоциируется с *мамой, папой и семьей* (таковы были реакции около 25% пятиклассников), что может быть обусловлено естественными процессами развития подростковой самостоятельности. Реакции 9-классников к слову-стимулу ДОМ поделились на определительные (*квартира, комната, коттедж, вилла*) и характеризующие (*уютный, красивый, страшный*). Присутствуют также реакции абстрактного и эмоционально-оценочного типа: *уют, любовь, тепло*.

Слово-стимул СЕМЬЯ у учащихся 9-х классов вызвало больше реакций абстрактного типа, чем у испытуемых 5 класса, что может также быть обусловлено тем, что в возрасте 15 лет *семья* – это не только члены семьи (мама, папа, брат), это понятие, которое у обучающихся прирастает новыми значениями и оценочными коннотациями. Так, для 57,5% респондентов СЕМЬЯ – это *счастье, сила, ответственность, душевность*, при этом некоторые из этих ассоциаций можно также отнести к эмоционально-оценочным реакциям. К примеру, слово *любовь* обозначает абстрактное понятие, относящееся, в то же время, к сфере чувств. К другим эмоционально-оценочным реакциям

относятся ассоциации к стимулу СЕМЬЯ – *проблема, сложности*, что характерно для подростков, по аналогии с отсутствием ассоциаций мама, папа к слову-стимулу ДОМ. Такие эмоциональные реакции могут быть обусловлены процессами отмежевания подростков от семьи, а также сложностями в семьях обучающихся и формирующейся у них способностью анализировать эти житейские ситуации. Отмеченные тенденции нарастают в старшей группе испытуемых. Именно там слово-стимул СЕМЬЯ вызвало 34,7% эмоционально-оценочных реакций: *не нужна, одни проблемы, ненависть, счастье*. Вместе с тем, все же 26% испытуемых показали объектные реакции: *мама, папа, родственники*. 8,6% реакций пришлось на реакции-пояснения: СЕМЬЯ – *место, где примут; твои родные люди*.

Динамика наблюдается также и в типах реакций. У обучающихся 5-х классов преобладают объектные, эмоционально-оценочные и характеризующие реакции, что может быть обусловлено легкостью возникновения данных ассоциаций. В 9-ом классе (т.е. в самый сложный в эмоциональном плане подростковый период) у информантов преобладают реакции эмоционально-оценочного типа, в то время как обучающиеся 11-х классов показывают более высокий процент реакций абстрактного типа, что соответствует факту развития абстрактного мышления у этой возрастной группы.

Наконец, третья третья аспект проведения анализа предполагал сопоставление картин мира учащихся и смоделированной на материале учебников. В рамках рекомендованной для средней школы линейки УМК “Spotlight” смысловой блок ДОМ в учебнике для 5-го класса раскрыт наиболее точно с точки зрения соответствия языковой картине мира обучающихся. Совпадения отсутствовали или их было ничтожно мало в блоках ТЕХНОЛОГИИ, ВРЕМЯ, ДЕНЬГИ, УЧЕБА. В учебнике 9-го класса самое точное соответствие также наблюдается в теме ДОМ, в то время как 8 смысловых блоков не представлены достаточным количеством материала для расчета коэффициента совпадений. В учебнике 11-го класса нет возможности посчитать соотношение в четырех темах: ХОББИ, МУЗЫКА, ДРУЖБА, ВРЕМЯ, при этом ТЕХНОЛОГИИ являются тем смысловым блоком, который более остальных отвечает ассоциативным реакциям обучающихся. В целом, соотношение совпадений картин мира учащихся и УМК отражены в Табл. № 1.

Таблица № 1.

**Коэффициенты совпадений УМК “Spotlight”
(Student’s book, 5, 9, 11 классы)**

Тематические блоки	5 класс	9 класс	11класс
Дом	100%	80%	26,6%
Общение	60%	–	33,3%
Любовь	60%	–	6,6%
Работа	60%	–	53,3%
Технологии	0%	70%	60%
Семья	60%	–	40%
Хобби	20%	–	–
Музыка	20%	60%	–
Дружба	20%	50%	–

Время	0%	–	–
Деньги	0%	–	53,3%
Здоровье	20%	50%	33,3%
Учеба	0%	–	13,3%

Совершенно очевидным является существование заметного зазора между картиной мира среднестатистического ученика и картиной мира, воссозданной в учебнике. Можно предположить, что это снижает как актуальность данного учебника в целом, так и коммуникативную значимость представленных в нем материалов, и в конечном итоге все это ведет к снижению его коммуникативно-познавательного потенциала.

Выводы

Суммарно преобладающими реакциями обучающихся стали реакции эмоционально-оценочного типа (максимальный показатель по общей выборке достиг 64,4%) и реакции абстрактного типа (максимальный показатель по общей выборке составил 45,5%). Далее по частоте употреблений идут определительные объектные реакции. Следующую позицию занимают характеризующие реакции с максимальным показателем 18,8%. Максимальный показатель автоматических реакций составил 12,2%. Далее идут экстрасигнальные реакции, максимальный показатель которых составил 6,6%, кроме того, важно отметить, что данные реакции были получены к 10 словам-стимулам из 13, в отличие от нулевых реакций (максимальный показатель 6,6%).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что к словам, обозначающим ключевые понятия, обучающиеся относятся, в первую очередь, через эмоции и чувства, то есть такие ключевые слова, как ЛЮБОВЬ, УЧЕБА, СЕМЬЯ и ДОМ связаны в сознании обучающихся с чувственными переживаниями, что должно быть ориентиром при подаче материала в учебных пособиях. Следующей тенденцией восприятия слова-стимула учащимися является своего рода связывание одного понятия с другим – более абстрактным, что указывает на высокий уровень осознанности, который также должен служить индикатором необходимости соответствующей подачи материала, затрагивающего более абстрактные темы. Абстрактные концепты, раскрытые через ключевые слова ВРЕМЯ, ЛЮБОВЬ, в языковом сознании обучающихся связаны с другими не менее абстрактными темами будущего, чувств и эмоций, моральных ценностей. Объектные и характеризующие реакции дают дополнительные сведения о векторах раскрытия и подачи учебного материала: ключевые слова ДОМ, СЕМЬЯ напрямую связаны с типами жилья и членами семьи, ОБЩЕНИЕ – с социальными сетями, ХОББИ – с музыкой, танцами и интернет-платформами. Отсутствие реакций и экстрасигнальные реакции говорят о необходимости более широкого раскрытия тех тем, к словам-стимулам которых были продемонстрированы данные реакции. Например, ключевые слова РАБОТА или ДЕНЬГИ могут быть недостаточно адекватно отражены в языковом сознании учащихся из-за отсутствия достаточного социального опыта, связанного с этими понятиями.

Принимая во внимание тот факт, что изучаемый материал должен служить повышению мотивации обучающихся, в каждом из учебных пособий можно сделать дополнение в виде расширения того или иного смыслового блока, а также добавить тексты, содержащие как необходимый для обучения материал, так и актуальную современному миру информацию.

Так, смысловой блок ТЕХНОЛОГИИ в учебнике для 5-го класса можно было бы расширить за счет текстов или других материалов, включающих в себя темы роста, прогресса. Тогда это соответствовало бы 73,5% реакций абстрактного типа и позволило бы дать обучающимся достаточное количество лексики для адекватного выражения ими своих мыслей. Смысловой блок ВРЕМЯ можно расширить материалами, связанными непосредственно с течением жизни, происходящими в ней изменениями и вопросами финансовых отношений, что соответствовало бы автоматическим реакциям, которые дали учащиеся. Тему ДЕНЬГИ можно раскрывать с опорой на реакции абстрактного или эмоционально оценочного типа. Тем не менее, ни к одной из этих категорий не были подобраны учебные материалы из существующих пособий, которые раскрывали бы смысловые блоки в соответствии с полученными ассоциативными реакциями.

В учебнике 9-го класса для тематического блока ОБЩЕНИЕ можно добавить материалы, связанные с современными социальными сетями, мессенджерами, а также ориентироваться на реакции абстрактного характера, такие, как понимание, внимание и уважение. Тему ЛЮБОВЬ можно раскрыть не только на примере семьи, но также использовать в качестве опоры объектные реакции – отношения, симпатия. Ключевыми словами к текстам данного модуля могли бы быть *tenderness, passion, joy, happiness, emotions*, а также *warmth, respect*. Однако некоторые из этих опорных понятий приобрели ранг табуированных для обсуждения в классе, что снижает мотивацию учащихся к обсуждению данной тематики. На уроках, где обучение в разделах, связанных с любовью, сводится к словам *favourite, mum, dad* исчезает возможность свободного выражения эмоций по данной теме, поскольку противоречит подавляющему количеству эмоционально-оценочных реакций, через которые подростки выразили понятие любви.

Для темы ХОББИ актуальным было бы введение материалов, связанных с современными тенденциями. Этот вывод можно сделать как минимум на основании того, что реакции “YouTube” и “Tik Tok” составили 36,3% и 30,3% соответственно. Таких разделов в учебниках, текстов и уж тем более упражнений к ним нет. В материалах учебника 11-го класса в теме ХОББИ можно раскрывать самые разные увлечения людей, так как уровень обучающихся потенциально позволяет сделать это, более того, количество лексических единиц, которые обучающиеся способны воспринимать и использовать в обучении и коммуникации, заметно возрастает по сравнению с 5-м или даже 9-м классами. Смысловые блоки ДРУЖБЫ, ВРЕМЕНИ, равно как и МУЗЫКИ для обучающихся 11-го классов можно раскрывать через абстрактные понятия, что будет соответствовать большому проценту реакций абстрактного типа (47,8%, 47,8% и 30,4% по каждому блоку соответственно).

Полученные в результате проведенного ассоциативного эксперимента данные позволили получить полезную информацию о картине мира испытуемых. А выявленные особенности языковой картины мира показали, **что** нужно изменить в современных учебниках, чтобы они не теряли своей мотивирующей и обучающей силы.

Заключение

Проведенное исследование еще раз свидетельствует, что понятия «картина мира» и «языковая картина мира» обладают несомненной эвристичностью. Так, именно интерпретационный потенциал языковой картины мира [Роль человеческого ... 1988:

18–19] способствовал достижению поставленной в работе цели, которая состояла в определении различий между картиной мира учащегося и той картиной мира, которую транслирует учебник иностранного языка. Найденные отличия были сконцентрированы в рамках определенных смысловых сегментов. Кроме того, были получены важные данные о ценностных представлениях учащихся, о той картине мира, которая формируется в их сознании, была выявлена динамика в некоторых сегментах в зависимости от возраста испытуемых.

Выявленная разница в картинах мира может свидетельствовать о том, что коммуникативно-познавательные интересы учащихся далеко не всегда принимаются во внимание в учебно-методических материалах при обучении иностранному языку. С другой стороны, эта разница может быть результатом того, что учащемуся демонстрируют иную, нежели его собственная, картину мира. Как совместить и то, и другое – вот вопрос, на который призваны найти адекватный ответ составители учебников. При этом ясно одно: оптимальные корреспонденции между двумя картинами мира должны быть выстроены, и это послужит как эффективности обучения иностранному языку, выступающему главным средством коммуникации (а коммуникация для нас важна, если в коммуникации принимаются в расчет наши коммуникативные интересы), так и результативности дидактических целей (воспитания социально востребованной личности).

Представляется, что проведенный эксперимент и эксперименты, подобные ему, а также полученные результаты могут способствовать осовремениванию учебно-методических комплексов, за счет чего в дальнейшем возможна оптимизация процесса обучения английскому языку в общеобразовательных учреждениях.

© **Иванова С.В., 2022**

Литература

Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. М.: Едиториал УРСС, 2003. 304 с.

Алефиренко Н.Я. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта-Наука, 2010. 288 с.

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 397 с.

Зализняк А.А. Языковая картина мира // Энциклопедия *Кругосвет*. Универсальная научно-популярная энциклопедия. [Электронный ресурс] URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/YAZIKOVAYA_KARTINA_MIRA.html (дата обращения: 21.09.2022).

Левонтина И.Б. Языковая картина мира // Журнальный клуб *Интелрос*. [Электронный ресурс] URL: http://www.intelros.ru/pdf/repnoe/2015_12/8.pdf (дата обращения: 21.09.2022).

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. 270 с.

Потебня А.А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 300 с.

Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. М.: Наука, 1988. 216 с.

Фрумкина Р.М. Психолингвистика. М.: Издат. центр «Академия», 2003. 320 с.

Jung C.G., Riklin F. The Association of Normal Subjects // Studies in Word-Association / Under the direction of C.G. Jung. New York: Moffat, Yard and Company, 1919. P. 8–172.

Сведения об авторе:

Иванова Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романо-германской филологии и лингводидактики ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина».

Контактная информация:

Россия, 196605, г. С.-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10.

ORCID: 0000-0002-0127-9934

e-mail: svet_victoria@mail.ru

Для цитирования:

Иванова С.В. Языковая картина мира как объект и инструмент анализа: что не так в учебнике? // Вопросы психолингвистики. № 4(54). 2022. С. 25–35. doi: 10.30982/2077-5911-2022-54-4-25-35

UDC 81'42

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-54-4-25-35

Research article

**LANGUAGE WORLDVIEW
AS AN OBJECT AND AN INSTRUMENT OF ANALYSIS:
WHAT IS WRONG WITH THE TEXTBOOK?**

Svetlana V. Ivanova

Pushkin Leningrad State University, Russia

Abstract

The article examines the features of the worldview of students in a comprehensive school through the prism set by a foreign language textbook. The object of the study is the worldview of a student as reflected in the English student's book. The subject of the study is a linguistic worldview reconstructed through keywords of the corresponding modules. The hypothesis preceding the study is the idea that the topic set by the textbook and the vocabulary proposed for mastering a particular topic, i.e., the language worldview reconstructed in the textbook, should correspond to the students' mental world and can be compared and reconstructed with the help of an associative experiment. Accordingly, obvious correspondences should be built between these two worldviews. The purpose of the work was to establish if there is a gap in the worldviews under consideration. The main method was an experiment aimed at identifying the associative reactions of students to the proposed stimuli, which were the lexical units under study. As a result of comparing the associative reactions of students and the vocabulary offered in the student's book to cover a particular topic, it was found out that the worldview represented in the student's book shows a significant discrepancy with

the students' linguistic worldview in some segments. The gap thus revealed is the result, on the one hand, of unaccounted socio-psychological factors, and, on the other – of the age dynamics of students, which is not reflected in the textbook materials. There is no doubt that conducting this kind of research will allow updating educational materials, bringing them in line with the students' interests and age.

Keywords: worldview, language worldview, associative experiment, methods of teaching foreign languages, second language student's book

© **Ivanova S.V., 2022**

Bionotes:

Svetlana V. Ivanova – Dr Habil. in Philology, Professor, Head of the Department of Romance and Germanic Philology and Linguodidactics of Pushkin Leningrad State University.

Contact information:

Pushkin Leningrad State University 10, Peterburgskoye shosse, Pushkin, St. Petersburg, 196605, Russia

ORCID: 0000-0002-0127-9934

e-mail: svet_victoria@mail.ru

For citation:

Ivanova S.V. Language worldview as an object and an instrument of analysis: What is wrong with the textbook? // Journal of Psycholinguistics. 4(54), 2022. P. 25–35. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2022-54-4-25-35 (in Russian)

УДК 81'23

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-54-4-36-57

Обзорная статья

**БАЗОВАЯ МЕТАФОРА «НИЗ»
И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЗНАЧЕНИЯ:
ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИССЛЕДОВАНИЯ
(ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗГОВОРА)**

Красных Виктория Владимировна

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»,
Москва, Россия

Аннотация

Данная статья, с одной стороны, продолжает разговор о базовых метафорах лингвокультуры, с другой – кратко представляет базовую метафору НИЗ, которая еще не была предметом особого рассмотрения с точки зрения психолингвокультурологии. Отдельное внимание уделяется психологической (Ψ) структуре значения, в которую входят, в том числе, архаические слои современного языкового сознания. Последние включают в себя базовые метафоры, т.е. древнейшие, «изначальные», часто не осознаваемые современным носителем языка «идеи», которые основаны на архетипических представлениях и лежат в основе окультуривания мира человеком. В качестве материала анализа использованы данные разнообразных словарей (5 этимологических, 5 толковых, 4 ассоциативных, фразеологического, мифологического, этнолингвистического и словаря синонимов) и данные Национального корпуса русского языка. Проведенный анализ позволил определить Ψ-структуру значения лексемы *низ*, выявить входящие в нее архетипические представления, актуальные для языкового сознания современного носителя русского языка, и отдельно отметить те ее компоненты, которые не фиксируются в толковых словарях, но проявляются в речевых произведениях. Помимо этого, в статье представляется ряд феноменов, в которых реифицируется базовая метафора НИЗ.

Ключевые слова: метафора, базовая метафора НИЗ, базовая оппозиция, психологическая структура значения, архаические слои сознания

Настоящая статья продолжает обсуждение базовых метафор русской лингвокультуры, начатый в [Красных 2017, 2020а, 2020б, 2022].

Как известно, метафора является одним из объектов рассмотрения мыслителей с древнейших времен. Как пишет Н.Д. Арутюнова, «тайна метафоры привлекала к себе крупнейших мыслителей – от Аристотеля до Руссо и Гегеля и далее до Э. Кассирера, Х. Ортеги-и-Гассета и многих других. О метафоре написано множество работ. О ней высказывались не только ученые, но и сами ее творцы – писатели, поэты, художники, кинематографисты» [Арутюнова 1990: [http](#)]. За прошедшее с античной эпохи время сформировалось энное количество подходов к ее изучению, о чем еще в 1993 г. писала Г.Н. Складаревская [Складаревская 1993: 6–8]. Именно в XX в. «в метафоре стали видеть ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа» [Арутюнова 1990:

http]. Наиболее, на мой взгляд, актуальными и широко распространенными сегодня представляются тропеический, основанный на взглядах Аристотеля [Аристотель http], и разработанные в XX в. интеракционистский / интерактивный [Richards 1936 (1965); Ричардс 1990; Black 1962, 1979; Блэк 1990] и когнитивный [Лакофф, Джонсон 2004; Лакофф 2004; Ортега-и-Гассет 1990] подходы (анализ некоторых из них представлен в [Телия 1988а]). Краткий обзор интеракционистского и когнитивного подходов (равно как сравнительного, прагматического и герменевтического) представлен в [Дорофеева 2014].

Изначальный интерес к метафоре объясняется, вероятно, в том числе, тем, что мысль человека как таковая «метафорична <...> и развивается через ассоциативное сравнение, и отсюда возникают метафоры в языке» [Ричардс 1990: 46], сама же «метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление, и деятельность. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [Лакофф, Джонсон 2004: 25]. Данные утверждения полностью согласуются с взглядами В.Н. Телия, которая считала, что метафора – это «один из наиболее продуктивных способов смыслопроизводства на всех значимых уровнях языковой структуры» [Телия 1988а: 3–4], а «замысел метафоры – это интенция субъекта назвать осознаваемое, но еще “недодуманное” им понятие (или новую вещь) путем использования уже вербализованного понятия» [там же: 37]. Метафора – это инструмент познания мира, ибо «метафоризация – это процесс, приводящий к получению нового знания о мире в ходе его оязыковления путем использования уже имеющихся в языке наименований» [там же: 46], и метафорический процесс – в связи с введением в модель метафоры параметра антропометричности – должен рассматриваться «как деятельность некоторой “языковой личности”, соизмеряющей себя и мир в диапазоне “личностного тезауруса” (который и есть индивидуальная картина мира)» [там же: 41]. Поскольку «все типы метафоризации основаны на ассоциативных связях человеческого опыта», «метафора по самой своей природе антропометрична» [Телия 1988в: 4]. Именно метафоре, которая служит, говоря словами В.И. Постоваловой, «призмой, через которую совершается мировидение» (о «призмах восприятия» в связи с разными картинами мира см. [Постовалова 1988]), В.Н. Телия отводит важнейшую роль в «моделировании» языковой картины мира («непредметного мира») [Телия 1988б: http]. Отмечу, что еще в 1905 г. А.А. Потебня писал, что «метафоричность есть всегдашнее свойство языка» [Потебня 1989: 261] и «единственный первоначальный способ, доступный языку» [указ соч.: 263], т.е. единственный способ выражения и передачи мысли, «доступный» для «архаического», мифологического мировосприятия и мышления [там же], при этом, по мнению Н.А. Бердяева, «миф не означает чего-то противоположного реальному, а, наоборот, указывает на глубочайшую реальность» [Бердяев http: 29]. Таким образом, метафоричность не только крайне важна для осмысления окружающего мира и оязыковления представлений о нем, но и уходит корнями в далекое прошлое: вероятно, к временам творения человеком космоса из хаоса, когда возникает, говоря словами М. Элиаде, «противопоставление *обитаемого и оборудованного*, т.е. “космизованного” пространства пространству неизвестному, которое простирается за его пределами: с одной стороны, “Космос”, а с другой – “Хаос”» [Элиаде 1994: 27] (курсив мой. – В.К.).

Исходя из указанных допущений (поскольку утверждать однозначно что-либо сложно, ибо, как говорила В.Н. Телия, «мы не жили в ориньякскую эпоху»), можно

предполагать, что среди архетипических (по В.Н. Телия) представлений, лежащих в основе упорядочивания, «обустройства» и «оборудования» (см. М. Элиаде) мира, можно обнаружить и некоторые максимально абстрагированные «идеи» (скорее даже «предощущения идей»), которые сохранились в сознании современных людей и которые могут не осознаваться современными представителями лингвокультуры, но при необходимости поддаются рефлексии [Красных 2016: 130, 337]. Это некоторым образом, как представляется, соотносится с предложенным В.Н. Телия пониманием основания метафоры: «это еще не мысль о мире», а лишь некоторое «представление или гносеологический образ некоторого внеязыкового объекта» [Телия 1988а: 43]. Это с одной стороны. С другой – представляется возможным провести осторожную параллель с «концептами» Дж. Лакоффа и М. Джонсона: «Концепты, которые управляют нашим мышлением, – не просто порождения ума. Они влияют на нашу повседневную деятельность, вплоть до самых тривиальных деталей. Наши концепты структурируют наши ощущения, поведение, наше отношение к другим людям. Тем самым наша концептуальная система играет центральную роль в определении реалий повседневной жизни. Если мы правы, предполагая, что наша концептуальная система в значительной степени метафорична, тогда то, как мы думаем, то, что узнаем из опыта, и то, что мы делаем ежедневно, имеет самое непосредственное отношение к метафоре» [Лакофф, Джонсон 2004: 25]. И здесь необходимо сделать несколько оговорок. Во-первых, в оригинальном, англоязычном тексте используется термин *concept* (переводится в данном фрагменте цитируемого русскоязычного издания как «концепт»), одним из значений которого является именно ‘идея’. Во-вторых, крайне важным представляется «сочленение» данных «концептов-идей» с метафорами. Как представляется, все это может служить еще одним обоснованием правомерности рассматривать максимально абстрагированные «идеи» архетипической природы, о которых говорится в данной статье, как базовые метафоры (подробнее см. [Красных 2016: 130, 337]; о других обоснованиях – см. [Красных 2017, 2020б]).

Некоторые из базовых метафор выстраиваются в «семантические противопоставления», «бинарные оппозиции», составляющие основу модели мира [Иванов, Топоров 1965; Толстой 2003; Цивьян 2006]: «в содержательном плане архетипическая ММ (модель мира – В.К.) ориентирована на предельную космологизированность сущего и тем самым на описание космологизированного *modus vivendi* и основных параметров вселенной – пространственно-временных, причинных, этических, количественных, семантических, персонажных. Для представления этого комплекса, столь же обширного и разнообразного, сколь и сложного, выработан способ описания, остроумный своей простотой: система бинарных оппозиций. Их набор обычно включает в себя 10–20 пар противопоставленных друг другу признаков, имеющих, соответственно, положительное и отрицательное значения» [Цивьян 2006: 5] (разрядка оригинала – В.К.). Об этом еще в середине XX в. писали Вяч.Вс. Иванов и В.Н. Топоров: «Главным противопоставлением, теснейшим образом связанным с прагматическими целями коллектива, является различение положительного и отрицательного по отношению к коллективу и к человеку» [Иванов, Топоров 1965: 63–64] (разрядка оригинала – В.К.). Это главное противопоставление «реализуется в серии более частных противопоставлений, которые можно было бы объединить в отдельные группы», среди которых выделяются «II. характеристики, приуроченные к пространственным отношениям: 4. правый – левый; 5. верх – низ,

конкретизированное в представлениях: б. небо – земля и, может быть, ба. земля – преисподняя, т.е. подземное царство, – связанных по вертикали» [Иванов, Топоров 1965: 63–64] (разрядка оригинала. – В.К.).

Выделение среди базовых оппозиций, предположительно носящих универсальный характер, тех, которые связаны с упорядочиванием пространства, абсолютно объяснимо, поскольку пространство – это то, что окружает человека, поддается непосредственному наблюдению и восприятию и с чем человек постоянно взаимодействует. Соответственно, можно предположить, что именно пространство одним из первых подверглось осмыслению, членению, категоризации в филогенезе, ибо «ничто не может быть начато, предпринято без предварительной ориентации, а всякая ориентация предполагает наличие какой-то точки отсчета» [Элиаде 1994: 23], и «структура наших пространственных категорий возникает (вероятно, и в фило-, и в онтогенезе – В.К.) из постоянного опыта взаимодействия человека с пространством, т.е. из нашего взаимодействия с материальным миром» [Лакофф, Джонсон 2004: 93].

Среди базовых оппозиций практически все исследователи едва ли не одной из первых указывают оппозицию ВЕРХ – НИЗ, что тоже не удивительно, т.к. «постоянная физическая деятельность человека в мире, даже во время сна, приводит к тому, что ориентация “верх – низ” оказывается не просто важной для нашей физической активности, а принципиально важной» [Лакофф, Джонсон 2004: 93].

В [Красных 2020б] достаточно подробно рассматривалась базовая метафора ВЕРХ, которая представляет собой один из «полусов» данной оппозиции и соотносится с идеей ВЫСОТЫ, встраивается в ряд ВЕРХ – БОГ – СВЕТ – ДОБРО – ЖИЗНЬ и подвергается вторичной метафоризации, результаты которой овнешняются в различных языковых знаках, напр.: *вершина, пик, зенит, небо, облако, звезды, Луна, дуб, крыша* [Красных 2020б].

В настоящей статье мы рассматриваем другой «полус» указанной оппозиции, представленный базовой метафорой НИЗ. Поскольку именем метафоры выступает единица языка, кратко проанализируем данные различных словарей, содержащих лексему *низ*.

Практически все этимологические словари утверждают общеславянское происхождение лексемы *низ* и ее индоевропейскую природу. При этом этимологи связывают данную единицу с другими словами, изначально имеющими ту же семантику:

• **Этимологический онлайн-словарь русского языка М. Фасмера:** под ('дно, низ') [Фасмер [http](http://)];

• **Этимологический онлайн-словарь русского языка Г.А. Крылова:** подол ('низ', < *no* + *дол* 'низ'); гнездо (общесл., < *nizdos* < *ni* 'внизу' + *sed*; исход. значение 'место для отдыха, для сидения внизу'); преисподняя (< старослав. *прѣисподънии* 'находящийся в самом низу' < *прѣ-* + *исподънии* 'нижний' < *исподъ* 'низ') [Крылов [http](http://)];

• **Этимологический онлайн-словарь русского языка А.В. Семёнова:** земля (общеслав. основа *zem* 'низ') [Семенов [http](http://)];

• **Этимологический онлайн-словарь русского языка Н.М. Шанского:** гнездó (общеслав., < **nisdos* < *ni* 'внизу' + *sdos* 'сидение'; 'место внизу, на земле, для сидения'); подóл (искон. < *no dolu* 'по низу', где *дол* 'низ', см. *долина*); дно (общеслав., букв. 'низ, впадина'; родственно лит. *dubùs* и нем. *tief* 'глубокий') [Шанский [http](http://)].

Обратимся к толковым словарям русского языка и посмотрим, встречаются ли данные единицы в семантизации лексемы *низ* (словарные статьи представлены в сокращенном варианте):

• **Толковый онлайн-словарь русского языка В.И. Даля:** **Низ** м. противопол. верх, высота: часть или конец предмета, обращенный к земле, изножье, основанье, нижняя часть, конец, край. <...> Испод, подошва, дно; бок или сторона предмета, на которой он стоит, лежит. <...> Низменное место <...> Нижние ноты или звуки в музыке, густые, басовые. <...> Низ всегда означает движение сверху, падение, направленье к низу, вниз [Даль [http](#)].

• **Толковый онлайн-словарь русского языка Д.Н. Ушакова:** **Низ** <...> **1.** *только ед.* Часть предмета, ближайшая к основанию, к земле. <...> Сторона, грань, на к-рой предмет покоится, который касается поверхности, когда стоит (спец.). <...> **2.** Нижнее течение реки (устар.). <...> **3.** *только мн.* Непривилегированные, эксплуатируемые классы общества (дореволюц.). <...> **4.** *чаще мн.* Широкие слои населения, массы. <...> **5.** *только мн.* Нижние ноты. <...> Глагольная приставка, означающая движение сверху вниз, напр. *низринуться, низвергнуть, ниспадать, ниспослать* [Ушаков [http](#)].

• **Толковый онлайн-словарь русского языка С.И. Ожегова:** **Низ** <...> **1.** Часть предмета, ближайшая к основанию, а также само основание. <...> **2.** *мн.* Непривилегированные классы и слои населения. <...> **3.** *мн.* Широкие массы населения. <...> **4.** То же, что низовье (устар. и обл.). <...> **5.** *мн.* Нижние ноты (спец.). [Ожегов [http](#)].

• **Малый академический словарь:** **Низ** <...> **1.** Нижняя часть чего-л.; противоп. *верх*. <...> **2.** *Разг.* Нижнее течение реки, а также прилегающая к ней местность; низовье <...> **3.** *мн. ч.* (низы́, -ов). Низменное место, низина. <...> **4.** *мн. ч.* (низы́, -ов). *Разг.* Низшие, непривилегированные круги общества, организации и т.п. <...> **5.** *мн. ч.* (низы́, -ов). Низкие звуки, ноты. [Малый... [http](#)].

• **Толковый онлайн-словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой:** **1)** а) Часть предмета, ближайшая к основанию, к земле (противоп.: *верх*). б) *разг.* Нижний этаж дома. **2)** а) Сторона, грань предмета, противоположная его верху. б) Внутренняя, не лицевая сторона ткани, одежды; изнанка, испод. **3)** *разг.* Низменное место. **4)** *разг.* Нижнее течение реки; низовье. **5)** *перен. разг.* Нижние ноты (о звуке, тоне) [Ефремова [http](#)].

Обратим внимание, что толковые словари указывают среди значений лексемы *низ* то, что восходит к стародавним временам и отмечается в словарях этимологических: *земля* упоминается в словарях В.И. Даля, Д.Н. Ушакова и Т.Ф. Ефремовой (нет в МАС и в словаре С.И. Ожегова), *испод* – только в словарях В.И. Даля и Т.Ф. Ефремовой, а *дно* – исключительно в словаре В.И. Даля. Ни в одном из толковых словарей не упоминаются *гнездо* и *преисподняя*. С большими оговорками и, если угодно, даже «натяжками» можно говорить о представленности семантики *подола*: ‘нижняя часть’, ‘ближайшая к земле’; однако непосредственно нижний край одежды в толковых словарях не упоминается (как одно из значений только в словаре Т.Ф. Ефремовой выделяется только внутренняя, изнаночная сторона).

Вместе с тем, в толкованиях, представленных в словарях В.И. Даля, С.И. Ожегова и Т.Ф. Ефремовой, встречается лексема *основание*, в словарях В.И. Даля, Т.Ф. Ефремовой и в МАС указывается на противопоставленность *верху*. Помимо этого, в словарях Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова и в МАС форма мн.ч. выделяется как отдельное значение ‘непривилегированные слои общества’ и у Д.Н. Ушакова и С.И. Ожегова – ‘широкие массы населения’.

Интересно, что «Словарь синонимов русского языка онлайн» [http] представляет схожую картину, указывая единицы пространственной сферы: *нижняя часть, основание, дно, низовье, дол, низменность, изножье, углубление, низина, котловина, грунт, почва*; социальной сферы: *народ, плебс, простонародье, чернь, демос, народишко*; и относящиеся к одежде: *испод, подол, подкладка, подошва*.

Все это окажется важным при обсуждении психологической структуры (Ψ-структуры) значения¹ лексемы *низ*, которая выводится в первую очередь на основании анализа данных ассоциативных экспериментов [Леонтьев: 1971: 11], к чему мы и переходим.

Прямой Русский ассоциативный словарь [РАС http] свидетельствует, что в сознании носителей русского языка **низ**² связывается (1) с верхом (оппозиция ВЕРХ – НИЗ): *верх 36, вверх 5*; (2) со структурой общества: *общества 2, общество 1*; (в) с самой жизнью: *жизни 1*; (4) с этическими представлениями: *низость, низость=опуститься до самых плох# 1*; (5) с хтоническим миром: *ад, страшно, темный 1*; (6) реифицируется в конкретных наглядных образах: *дно 4, На дне 1* (здесь, конечно, возможна аллюзия на пьесу М. Горького, тем более что в ответе ии. использована заглавная буква; думается, это реакция «второго порядка»: *низ → дно → На дне*, хотя, конечно, возможна и ассоциация со структурой общества), *пол 3, асфальт, земля, корни, подвал 1*; (7) ассоциируется с движением сверху вниз: *отвалился, падение, пасть, упасть 1*. Нельзя не отметить, что среди ответов были *подол, подола 1*, что некоторым образом соотносится с единицей *подол*, зафиксированной в этимологических словарях Г.А. Крылова и Н.М. Шанского: см. пример Г.А. Крылова «склонить голову долу» [Крылов http]; и в гораздо большей степени реакции соотносятся с тем, что пишет Н.М. Шанский: *подол* как низ юбки, платья восходит к предл.-пад. форме *по долу* ‘по низу’ [Шанский http]; именно такие реакции, как *пальто, платье, юбка, юбки 1*, позволяют трактовать в данном случае *подол* как низ, нижний край одежды.

Обратный словарь РАС подтверждает сформулированные выводы, поскольку реакцию *низ* вызвали такие стимулы, как **верх 18, вверх 2, вершина 1, высота 1** (оппозиция ВЕРХ–НИЗ); **дно, подвал 1** (материально-наглядный образ), **положение 1** (социальный статус), **низость 1** (этическая сфера).

В ЕВРАС [http] и САНРЯ [http] единица *низ* зафиксирована лишь в обратных словарях как реакция на стимулы **жизнь 1** (ЕВРАС) и **упасть 0.14** (САНРЯ).

В сводном «Словаре ассоциаций русского языка онлайн» [http], помимо указанных реакций, также указываются ассоциаты³, (1) реализующие оппозицию ВЕРХ – НИЗ через упоминание ‘верха’: *высота, потолок, высь, подъем, пик, вершина, верхушка, противоположность*; (2) представляющие овнешнения наглядных образов, связанных с низом: *низина, яма, плинтус, надир, бордюры, низинка, твердь, низменность, доньшко, дыра, ковер, грязь, линолеум, подземный, подножие, днище, подпол, сноска, впадина, цоколь, погреб, овраг, трюм, глубина, колодец, бампер, подземелье, фундамент, порог, подполье, пропасть, корень*, в том числе – (3) с телесным низом: *ноги, ступня*,

¹ В науке используются также термины «психологически релевантное значение», «психологическое значение» [Леонтьев: 1969; Леонтьев: 1976]; «психолингвистическое значение слова» [Стернин, Рудакова: 2011: 99].

² В данном случае мы используем принятый в ассоциативных словарях принцип обозначения: **полужирным** шрифтом маркируется стимул, *курсивом* – реакция.

³ В данном словаре представлены только сами реакции на стимул **низ** и не указывается их число.

поясница; (4) с деталями одежды, которые прикрывают низ тела либо носятся под верхней одеждой: *брюки, штанишки, штаны; обувь, подошва; белье, исподнее, кальсоны, сорочка*; (5) передающие идею движения сверху вниз: *падать, падение, спуск, ниспадание, низвержение, опускание, снижение*; (6) связанные с социальной сферой: *снисхождение, подчинение, деградация, срам*; (7) с – предположительно – экономическо-производственной сферой: *упадок, спад*; (8) с хтоническим миром: *преисподняя, бездна*. Помимо этого в данном словаре зафиксированы ассоциации, имеющие семантические «параллели» в толковых словарях: (9) *пролетариат*, что явно соотносится с ‘непривилегированными классами и слоями населения’ и ‘широкими массами населения’; (10) *бас*, что соотносимо со значением ‘низкие звуки, ноты’; и (11) *основание*, что соответствует одному из выделяемых В.И. Далем и С.И. Ожеговым значений.

Таким образом, Ψ-структура значения, с одной стороны, содержит то, что отмечается словарями: этимологическими – *дно, земля, преисподняя / ад* (в этот ряд, вероятно, также входят *страшно, темный*), что относится, как представляется, к архаическим слоям сознания, и сюда же – с оговорками – можно включить *подол* и *исподнее*; толковыми – *земля, общество, пролетариат, бас, основание*, противопоставление ВЕРХ – НИЗ. С другой стороны, в Ψ-структуру значения входит и то, что не фиксируется в толковых словарях: связь (1) с жизнью (напр., *жизни*), (2) с этическими представлениями (напр., *низость* и др.); целый ряд реификаций «идеи» низа в образах (3) конкретных артефактов, соотносимых с нижней границей (напр., *пол, плитус, асфальт, бордюр, бампер* и др.), (4) природных феноменов, выступающих в той же функции – эталона максимально низкого положения (напр., *глубина, корень, яма* и др.); (5) помещений, находящихся ниже нижнего уровня (напр., *подвал, подпол, погреб, подземелье* и др.); (6) частей тела, относящихся к телесному низу, и связанных с ними (7) предметов одежды (напр., *ноги, обувь, брюки* и др.); (8) движения вниз⁴ (напр., *падать, упасть, спуск* и др.); (9) перемещения (уровня, объема, показателя и под.) с верхней позиции на более низкую (напр., *спад, упадок* и др.). Конечно, некоторые ассоциации можно трактовать по-разному. Так, например, *подземелье, подпол* можно связывать не только с помещениями, находящимися под максимально низким уровнем, но и с хтоническим миром (о последнем – см. [Славянские древности Т. 4 2009: 103]); *снижение* и *падение* – не только с наблюдаемым движением вниз (как *снижение самолета, падение во время исполнения прыжка*), но и с изменением изначальных «показателей» (напр., *снижение цен, падение спроса*); *грязь* – не только с тем, что находится под ногами, но и с этическими представлениями. Однако подавляющее большинство реакций⁵ свидетельствует о том, что НИЗ в основном связывается именно с чем-то материальным, что объясняется, думается, «наблюдаемостью» пространства.

Ограничения жанра статьи не позволяют привести примеры, в полной мере показывающие, что данные компоненты Ψ-структуры значения актуальны для

⁴ Упоминается лишь в словаре В.И. Даля: «Низ всегда означает движение сверху, падение, направление к низу, вниз» [Даль <http>].

⁵ По данным РАС [<http>], на стимул **низ** зафиксировано 102 реакции. Самая частотная – *верх* – имеет индекс 36; на третьей позиции отмечена реакция *вверх* – индекс 5. К собственно низу относится 61 реакция, из них 49 реакций (34 единицы) называют какой-либо наблюдаемый, материальный предмет. Такую же картину дают и данные «Словаря ассоциаций...» [<http>]: 92 единицы из 147 называют феномены материального мира, связанные с идеей низа.

современных носителей русского языка. В силу этого, ограничусь лишь небольшим числом иллюстраций⁶.

НИЗ – входит в архаические слои сознания; общеслав. слово («суф. производное (суф. -z-) от той же основы, что др.-инд. *ni-* ‘внизу, низ’, нем. *nieder* ‘вниз’») [Шанский http]). В контекстах, относящихся к социальной сфере, проявляются компоненты Ψ-структуры значения, которые в ряде случаев дополняют и расширяют значение, зафиксированное в толковых словарях⁷:

– большие группы людей, находящиеся внизу социальной лестницы, а также наименее значимые представители некоторой социальной группы:

Хуже же всех приходится простому народу, бедному русскому мужику, который, находясь **на самом низу общественной лестницы**, уже никого притеснять не может и должен терпеть притеснения от всех по этой русской же пословице: «Нас только ленивый не бьет!»» Ю. Безелянский. *Герой. Бунтарь. Анархист* // «Наука и жизнь», 2009. Издатель, депутат III Думы Полетаев, выбившийся в люди **с самого низа** (он начинал карьеру рабочим-токарем), был настоящей головной болью Ленина. Л.А. Данилкин. *Ленин: Пантократор солнечных пылинок* (2017). В своих произведениях и прежде всего в поэзии изображал повседневный быт **городских низов**, крестьянские будни, женскую долю, мир детей, пытался осмыслить жизнь с позиции гуманизма и социальной справедливости. В.Г. Глушкова. *Путешествие из Москвы в Ярославль. Москва – Сергиев Посад – Переславль-Залесский – Ростов Великий – Ярославль* (2015). Но страх унаследовал именно сын, представитель **самых низов миддл-класса**, живущий в двух шагах от нищеты и держащий небо на каменных плечах, трещащих от натуги. Е. Кушниц. *Пацаны не плачут. Кризис маскулинности в истории и на экране* (03.2019).

– максимально неблагоприятное положение, при этом может подразумеваться материальная необеспеченность:

Про старые дела судачить незачем, былшем поросли. Михал Алексеича добром поминаю. В тяжелые годы меня **в самом низу** поймал, в пивнушке-разливайке, от вина оторвал. А. Салуцкий. *Немой набат* // «Москва», 2019. По-современному мамаша без карьеры и без денег выглядит инвалидом (мужнина нежирная зарплата от голода-холода семью защитит, но по социальной лестнице их как ветром сдует **до самого низа**). О. Новикова. *Каждый убивал* // «Сибирские огни», 2012. – Слушайте, – говорю я, – вот все эти люди, которые сегодня пришли, – они же явно **не из социальных низов**, раз могут заплатить за ваш тренинг. В. Аплетев. *Гражданское добивание* // «Русский репортер», № 37 (215), 22 сентября 2011.

– вертикальная организация общества:

Если конфуцианство служило моральным компасом **верхов** общества, то даосизм отражал мировоззрение **низов** и потому может считаться народной религией. В.В. Овчинников. *Размышления странника* (2012). Образ великого полководца преодолевал

⁶ Для анализа были отобраны контексты, относящиеся ко второй половине XX – началу XXI в. Все примеры, приводимые в данной статье, взяты из НКРЯ.

⁷ ‘Широкие слои населения, массы’ [Ушаков http]; ‘широкие массы населения’ [Ожегов http]; а также ‘непривилегированные классы и слои населения’ [Ожегов http]; ‘непривилегированные, эксплуатируемые классы общества’ [Ушаков http], при этом дается помета «дореволюц.»; ‘низшие, непривилегированные круги общества, организации’ [МАС http], снабженное пометой разг.

дистанцию между «**верхами**» и «**низами**», императорской семьей и остальными подданными, свидетельствуя, что именно Романов ведет страну к победе. *К. Пахалюк. Народная армия и герои // «Эксперт», 2014. Низы, мидлы, верхи – все гражданское общество пришло в движение <...>. А. Салуцкий. Немой набат // «Москва», 2019.*

Замечу, что еще в 1980-х гг. В.Н. Телия писала, что «пространственные координаты осмысляются как высокое или низкое в человеке <...> проявление благородного начала обозначается посредством прилагательного *высокий* (*высокие чувства, стремления, помыслы*), недобрые замыслы обозначаются как *низкие* и *низменные* (*низменные чувства, низкие побуждения, мысли*); <...> верх воспринимается как кульминация некоторого (обычно приятного) состояния (*быть на верху блаженства, на седьмом небе, в зените славы*), а низ – как символическое пространство “грехопадения” (ср. *готовность провалиться от стыда, сквозь землю*, ср. также *низвергнуть, низложить, опускаться на дно жизни* и т.п.)» [Телия 1988б [http](#)] (разрядка моя. – В.К.).

ДНО – входит в архаические слои сознания; слово общеслав. происхождения, букв. ‘низ, впадина’, ‘глубь’, ‘почва под стоячей или текущей водой’ [Шанский [http](#); Успенский [http](#); Семенов [http](#)]; относится к пространственной ориентации и выражает идею НИЗА; лексема выступает именем максимально низкого размещения (в физическом мире) / положения (в социальной структуре), предельной глубины, эталона максимально низкого уровня, функцию которого выполняет само дно:

Он стремительно, уже с живучестью таракана, убежал на четвереньках **по дну траншеи** в свою щель. *О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001.* Еще **на дне коробки** от Алонсо лежала бледно-желтая мужская рубашка для Володи, с виду обычная, но когда мы ее развернули, оказалось, что во всю спину вышита на ней огромная цветная бабочка! *Сати Спивакова. Не всё (2002).* Но, попав в Лондон, он переодевается в лохмотья и на несколько недель как бы опускается **на дно** в трущобном районе Лондона Ист-Энд. *Б.Н. Полевой. Несколько слов о Джеке Лондоне (1970–1981).* Тот, кто сидел перед ним, был бездарной и скучной скотиной, выуженной ловцами душ человеческих, вернее всего, **со дна** какого-то вуза, где он вяло перетаскивался с курса на курс. *Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 3 (1978).* Мать оказалась права. Теперь Снежана соглашалась с доводами Ирины. Олег – это **дно**. Там жить невозможно. Даже собаки живут лучше. *В. Токарева. Своя правда // «Новый Мир», 2002.* Многие считают, что «у Чеханкова в жизни все без усилий». Это неправда. **На дне успехов** – труд и пот. В осадке неудач – бессонница и расшатанные нервы. *Ф. Чеханков: Ненависть меня разрушает // «Витрина читающей России», 2002.09.13.* Его фантазия открывалась **до дна**, его мощная человеческая природа прояснялась. «*Когда разгуляется*»-2 // «*Известия*», 2001.10.01. Угрызения совести всплыли **со дна его души**, где лежали навечно похороненные, забытые... *Д. Гранин. Зубр (1987).* Каждая монета со звоном падает **на дно его гордости**. *С. Довлатов. Дорога в новую квартиру (1987).*

Сюда же: *пойти / уйти / залечь на дно, пустить ко дну* (и под.); *вверх дном*⁸:

Так что остается рассчитывать на приток местных капиталов – иначе большая часть держащегося на плаву среднего бизнеса может запросто **пойти на дно**. *И. Гальперин.*

⁸ Ограничения, накладываемые жанром статьи, не позволяют, к сожалению, давать семантизацию такого рода единиц.

Власть «делом» занимается // «Совершенно секретно», 2003.08.09. Ушедшего на дно Фишера не видели и не слышали 20 лет, пока живая легенда в 1992-м не всплыл на югославской сцене в повторном поединке со Спасским, где вопреки запрету они разыграли несколько миллионов американских долларов. Р. Средиземский. Безумный Фишер. Экс-чемпион мира по шахматам обрадовался терактам в США // «Известия», 2001.12.03. И когда через час он вселился сюда, сразу скинул обувь и с наслаждением растянулся на канаве. Мысли окончатительно успокоились. Обращаясь к себе, произнес: – Вот я и залег на дно. Неплохое местечко для паузы. Комфортабельное дно. А. Салуцкий. Немой набат // «Москва», 2019. Из тысячи мальков выживают в среднем всего два. Все остальные сами попадают к кому-то в пасть. Однако в этом вихре рождений и смертей морские коньки держатся на плаву вот уже сорок миллионов лет. Лишь вмешательство человека может погубить этот вид, пустить его ко дну. По сообщению Всемирного фонда дикой природы, поголовье морских коньков стремительно сокращается. А. Голяндин. Рассказы о животных, и не только о них: А у морского конька что за конек? // «Знание – сила», 2003. Что можно сказать, когда вдруг приходят, устраивают обыск и уводят твоего отца, тихого человека, переворачивают все вверх дном, ищут ворованное, деньги и ценности, как будто не понимают, что будь отец вор, то он бы все из дома унес. А. Рыбаков. Тяжелый песок (1975–1977).

В языковом сознании носителей русского языка бытует представление, что в человеческом бытии также может быть нижний предел (как в материальном, так и в духовном плане) (*дно жизни*⁹), что, возможно, связано с тем, что сама жизнь может осмысляться как нечто текучее / текущее (*спокойное течение жизни; жизнь текла неторопливо*), а одно из изначальных значений лексемы *дно*, как уже упоминалось, – ‘почва под стоячей или текущей водой’ [Семенов [http](http://)]:

Он играл босяка, человека, опустившегося на самое **дно жизни**, обтрепанного, с какими-то волосами-перьями на голове, картавящего – словом, это был совершенно другой человек. В. Розов. Удивление перед жизнью (1960–2000). У них появляется желание переломить проклятую судьбу и вновь стать человеком. Но не у многих хватает запала. Достаточно встретить новую преграду, и человек ломается окончатительно. Тогда его уже ничто не удержит от падения на самое **дно жизни**. Гуров еще тогда подумал, что нужно как-то помочь Виктору устоять на ногах. Н. Леонов. Лекарство от жизни (2001). Потом, когда уже ничего нельзя было вернуть, изменить, она часто задумывалась, пытаясь определить, в какой момент началось это, не внешнее (внешне началось давно, с ареста Дениса), а внутреннее, сползание на **дно жизни**; когда моральные нити стали рваться одна за другой и недопустимое ранее стало допустимо и в итоге допустимо стало все?... Р. Сенчин. Елтышевы (2008) // «Дружба Народов», 2009.

В основе метафорического употребления *дна* в контекстах, в которых *дно* не является непосредственно наблюдаемым феноменом окружающего мира, лежит представление о социальной, духовной, интеллектуальной сферах, о самой жизни и проч. как о некоем пространстве, где есть нижняя часть, нижние слои, нижний предел.

⁹ При невозможности **низ жизни* (см. НКРЯ), в РАС зафиксирована реакция *жизни* на стимул **низ**, а в ЕВ-РАС – реакция *низ* на стимул **жизнь**.

ЗЕМЛЯ – входит в архаические слои сознания; слово общеслав. происхождения, от *zet* – букв. ‘низ’ [Семенов [http](#); Шанский [http](#)]; выражая идею НИЗА, относится к пространственной ориентации: это предельно низко расположенная поверхность, обращенная к миру живых (см., напр.: «Каноническими геоцентрическими ориентирами являются наречия *высоко* / *низко*. При этом *низко* – не обязательно близко к говорящему, но это всегда относительно близко к поверхности земли (разрядка моя – В.К.) (или тому, что условно принимается за эту поверхность: *Лампа висит низко*). Поэтому возможны примеры: *Смотри туда, как низко летают птицы*» [Яковлева 1994: 30]; сюда же: *низкий* = *земной поклон*). В силу этого лексема *земля* может выступать именем максимально низкого размещения / положения, эталона максимально низкого уровня, функцию которого выполняет сама земля:

Остановилась у знакомых мужа. Утром следующего дня пошли на знаменитый Привоз. А там – изобилие овощей и фруктов! Прилавков не хватает, торгуют даже **на земле**. М. Король. *Имейте меня следующим* // «Вечерняя Москва», 2002.03.14. Температура воздуха резко колебалась. <...> К этому стоит добавить, что на суше организм животных стал подвергаться гораздо большей нагрузке, чем в воде. Сила тяжести буквально угнетала, придавливала **к земле**. *Кто заснул первым?* // «Знание – сила», 2003. Чего стоит сцена поднятия парализованной мамы на пятый этаж. «Бывалые грузчики, маму мы должны были поднять и пронести легко и бережно, как поднос с фруктами. Однако, чуть оторвав ее **от земли**, я почувствовал на верхней губе и на лбу под шапкой неприятный пот и увидел, как такой же холодный бисер проступает на одутловатом лице брата». А. Кузнецова. *Функции ума* // «Октябрь», 2002.

Будучи реификацией идеи НИЗА, земля может выступать и в роли опоры, именем которой выступает соответствующая лексема:

– Так, так, так! – раздавался на склоне радостно-воодушевленный голос трактирщика. – Еще взяли, еще... Учитель, не имея никакого инструмента, вместе со всеми толкал камень руками. Рядом также изо всех сил, упираясь ногами **в землю**, усердствовал деревенский пастух. В. Быков. *Камень* (2002). В чем дело? Дело в революции, в ее сокрушительном напоре, сдвинувшем и захватившем всех, независимо от идеологических пристрастий и сочувствий <...>... «Лет через двести-триста все само образуется, – утешал Чехов, и люди теснились к нему толпой. А **земля** под ними уже готова была колыхнуться, – пишет Ходасевич, – как раз перед первым толчком Чехов умер». Вот почему Чехов их не устраивал, вот почему был им скучен, устарел. Обещал «небо в алмазах» через двести-триста лет, рассчитывал на долгий эволюционный путь. Умер «как раз перед первым толчком» – эта фраза звучит как упрек. А. Кушнер. *Почему они не любили Чехова?* // «Звезда», 2002.

Сюда же: *земля* <почва> *уходит из-под ног, выбить почву из-под ног, обрести / дать почву под ногами*¹⁰ и под.:

¹⁰ Лексемы *земля* и *почва* в данном случае обладают не только схожей языковой семантикой (см., напр., [МАС [http](#)]), но и общим культуроносным смыслом: ‘поверхность, расположенная предельно низко и выполняющая функцию опоры’. Сочетания **выбить землю из-под ног* в интересующем нас значении и **обрести / дать землю под ногами* не представляются возможными для русского языка, что подтверждается данными НКРЯ.

Кровь прилила к Валиной голове, **земля** ушла **из-под ног**... Ворвавшиеся в квартиру милиционеры вызвали «скорую», и только после уколов Валентина кое-как пришла в себя. Ю. Кашкин. *Валуха-горюха // «Ковчег», 2013*. Один из миров геймеру неинтересен, другой – виртуален. Такая ситуация **выбивает** у человека **почву из-под ног**, все основания бытия, в том числе социальные и нравственные, порождает феномен виртуального человека, воображаемо живущего в воображаемом мире. Л.В. Баева. *Аксиологический портрет поклонников компьютерных игр // «Информационное общество», 2014*. Женька, сам того от себя не ожидая, схватил камеру и сфоткал мальчишку. <...> Такого счастливого, бесстрашного, беззаботного. Ему показалось, что он вновь **обрел почву под ногами**. Жизнь продолжалась. Г.М. Артемьева. *Фата на дереве (2012)*. А зимой сорок первого меня арестовали. <...> И, представьте себе, когда арестовали, я в каком-то смысле даже обрадовался. Это **давало** мне какую-то **почву под ногами**. Я сразу же объявил следователю свое настоящее имя. И. Грекова. *Хозяева жизни (1960)*.

Земля, как представление «опредмечивая» и как лексема оязыковляя базовую метафору НИЗ, являющуюся одним из полюсов базовой оппозиции ВЕРХ – НИЗ, встраивается в противопоставление неба и земли:

Алеф, первая буква священного алфавита, переворачиваясь, превращается в рисунчатый знак головы быка, по другой версии – в образ человека, указывающего одной рукой **в небо**, а другой **в землю**. А. Кузнецова. *Функции ума // «Октябрь», 2002*.

Сюда же: *небо и земля, с небес на землю*:

Условно говоря, 10 лет назад весь город Нефтеюганск был на балансе компании. Дома, коммуникации, котельные, магазины. Сегодня мы занимаемся точечной социальной поддержкой. Это **небо и земля**. <...> У городов денег недостаточно, но с 1991 года ситуация изменилась радикально. Е. Семёнова. *Олигарх без галстука // «Аргументы и факты», 2003.01.29*. «А что вы кончали?» – вдруг сменила тему разговора дама. «Такую-то среднюю школу», – ответил Жора. Тогда дама спустилась **с небес на землю** и, по-видимому, вспомнила, где она и чем должна заниматься. Она вернула экзаменационный лист Жоре и промолвила: «Скажите спасибо вашему учителю!». Ю. Кашкин. *Сельский учитель. Год первый // «Ковчег», 2012*.

В ряде контекстов оппозиция ВЕРХ – НИЗ предстает как противопоставленность возвышенного и земного / приземленного / будничного / «простого»:

Но додуматься до сопоставления Чехова с Державиным! Державин у Ходасевича «мускулистый», весь – **«парение, порывание, взлет»**. Чехов – «хилый» «весь обычаен» «совсем не хочет парить» **«привязан к земле, ко всему простейшему, самому будничному**, и в бессмертие души он, по-видимому, не верит». А. Кушнер. *Почему они не любили Чехова? // «Звезда», 2002*.

Земля как предельно низкий уровень в реальном мире, в котором обитает человек, выступает и как нижняя граница между миром живых и миром мертвых (см. [Пропп 1986: 281]); см. также: «В древнейших представлениях слово *земля*, несмотря на свою многозначность, изначально связывается с территорией, принадлежащей роду-племени, т.е. со “своим”, родным, пространством, а также с местом, “срединным” между небом и преисподней» [Большой... 2006: 639] (статья И.В. Захаренко). Отсюда: *[как] сквозь землю провалиться, хоть из-под земли*:

Сколько раз бывало – наговорят с три короба... и того, и сего... и что все их устраивает, и что другой-то такой не найти, и что цена-то подходящая, и что деньги-то есть, и все-то вообще сейчас в порядке, а будущее сулит и вовсе лучезарные перспективы... а потом бац – и ни слуху ни духу. Как **сквозь землю провалились**. Бог ты мой. *А. Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001*. Крайняя дата – 1 октября 2003 года: к этому дню эксперимент в 76-й дивизии должен завершиться, а военкоматы – найти добровольцев любой ценой, **хоть из-под земли** выкопать. *Никто не записался добровольцем (2003) // «Московский комсомолец», 15.01.2003*. Этого гада мы обязательно как-нибудь на досуге поймаем, **хоть из-под земли** достанем, а при желании – **и с небес** тянем-потянем да стащим, никакая адвокатура неба не поможет, мы ее не испугались, у нас из гильдии адвокатов профессионалы почище да побойчей небесных! *В. Володин. Повесть временных лет // «Волга», 2011*.

Во многих культурах «в самом низу», «ниже нижнего предела», находится подземный мир, мир мертвых, см.: древнегреч. *царство Аида / Эреб* и находящийся еще ниже *Тартар*; древнеегип. *Аменти / Дуат*; сканд. *Хельхейм*, расположенный под корнями дерева Иггдрасиль; индуист., будд. *Нарака*; мусульм. *Джаханнам*; *Миктлан* у ацтеков; кит. *Диюй*... Все эти миры – преисподняя, ад: «лат. (*locus infernus*, ‘нижнее место’, отсюда итал. *Inferno*, франц. *l’Enfer*; нем. *Hölle*, англ. *Hell*, ‘место сокрытия’, др.-сканд. *Hel – Хель*», а также «*некло* в слав. языках, напр. польск. *piekło*, букв. – ‘смола’» [Мифологический... 1990: 20]. В представлениях о преисподней / аде прослеживаются «топика поздне-иудейских апокрифов (напр., “Книги Еноха”, 2 в. до н.э.)» и «мотивы языческих (греческих, особенно орфических, отчасти египетских) описаний загробного мира»¹¹ [Там же: 21] (статья С.С. Аверинцева).

ПРЕИСПОДНЯЯ – входит в архаические слои сознания; слово заимствовано из ст.-сл. языка, субстантивир. прил. *прѣисподний* (в форме мн. ч. ср. р.) ‘самый низкий’, ‘находящийся в самом низу’, < преф. *прѣ-* + прил. *исподний* – ‘нижний’ < *исподь* – ‘низ’ [Крылов [http](http://); Шанский [http](http://)]. Преисподняя (в отличие от собственно ада – см. далее) «отражает верования о нахождении ада под землей, совпадающие или восходящие к древнееврейским ветхозаветным представлениям ада как “рва преисподнего”, “царства мрака” (Псалтырь), где сам свет подобен темной ночи (Книга Иова). В этой модели не было противопоставления ада ирая» [Славянские древности Т. 1 1995: 94] (разрядка моя. – *В.К.*).

Что ж за горняк, если он может работать не то что не в горах – а, напротив, под землей, почти в **преисподней**. *В.О. Авченко. Кристалл в прозрачной оправе. Рассказы о воде и камнях (2015)*. Вход в Катакомбы открыт в левом из них. Спуститься в парижскую **преисподнюю** и отправиться по туристическому маршруту (шаг вправо, шаг влево – побег) можно только в составе экскурсии. *А. Тарханов, А. Асланянц, Дмитрий Бегляров. Париж (2015)*. Загадская Светлана. Добро пожаловать в **преисподнюю**. Все подземные объекты, будь то гараж, метрополитен, железнодорожный или автомобильный тоннель,

¹¹ «В дохристианскую эпоху наглядно-материальные, детализированные картины потусторонних кар <...> присущи не только мифологии, связанной с египетским культом *Осириса*, или проникнутым дуализмом древнеиранским религиозно-мифологическим представлениям, но и философской “мифологии” пифагорейцев и Платона (ср. видение Эра в “Государстве” Платона)» [Мифологический... 1990: 20].

постоянно таят в себе угрозу. С. Загадская. *Добро пожаловать в преисподнюю // «Криминальный отдел», 2011.* Была ли это вершина или **преисподняя** успеха: я спустился в яму, в бездну, в яму телевидения. Л.А. Данилкин. *Человек с яйцом. Жизнь и мнения Александра Проханова (2007).*

АД – предположительно входит в архаические слои сознания (будучи соотнесенным с *преисподней*), хотя само слово и стоящее за ним понятие (как и преисподняя, «в христианских представлениях место вечного наказания отверженных *ангелов* и душ умерших грешников» [Мифологический... 1990: 20] (курсив оригинала. – В.К.)) появилось у нас с принятием христианства (< *αδης* (*hāidēs*) ‘невидимый, незримый’ < преф. *α* ‘не’ + *εἶδον* (*eídon*) ‘видеть’; при этом *Αδης* – Аид). Ад – «часть *того света* (загробного мира. – В.К.), где пребывают грешники, испытывающие муки за свои земные грехи. <...> Наиболее архаичными верованиями можно считать те, по которым ад и рай территориально не расчленены, так что обитатели того света мучаются или блаженствуют по соседству. <...> Ад и рай воображаются то на небе, то на острове, то за морем...» [Славянские древности Т. 1 1995: 93] (курсив оригинала; разрядка моя. – В.К.).

Рассуждение касалось мифа об Орфее и Эвридике. Что вовсе не о любви идет в нем речь и не о смерти-разлучнице. А о том, что, если художник хочет найти свою красоту, он должен **спуститься в ад** – в самую **преисподнюю**, полную мук и терзаний. Должен погрузить туда свою душу: сам, своими руками обречь ее на адовы страдания. А. Волос. *Из жизни одноглавого // «Октябрь», 2013.* Как снимать кино о геноциде, не ударяясь в поэтику мясокомбината? На этот вопрос отвечают – по-разному – камбоджиец Ритхи Пань и американец Джошуа Оппехаймер. Первый заменяет всех актеров в фильме смешными деревянными фигурками <...>. Другой заставляет экс-карателей из индонезийских зондер-команд инсценировать перед камерой былые подвиги, что создает ровно тот же странный эффект одновременного **погружения в ад** и отстранения от него, что и военные симуляторы. В. Корецкий. *Как быть с реальностью // «Русский репортер», 2013.* Повторяю, факты скудные, смутные, их можно толковать по-разному, но вывод можно сделать только один: в **недрах** гетто, в **глубине** этого **ада**, зарождалось сопротивление, на первых порах неумелое, примитивное, наивное, но люди готовились к борьбе, и это главное! А. Рыбаков. *Тяжелый песок (1975–1977).*

Интересно отметить, что расположение ада внизу, безусловно, присутствует в сознании (см. данные ассоциативных экспериментов), но контексты в НКРЯ практически не содержат контекстов, в которых это проявляется. Даже приведенные примеры из весьма немногочисленного числа аналогичных, только с большими оговорками позволяют говорить о пространственной ориентации, которая скорее может быть обнаружена в сочетаниях, характерных для определенных типов, видов и жанров (*сошествие в ад; низвергнуть в ад* и под.). Рассуждая о разнице между этнолингвистикой Н.И. Толстого и его школы, с одной стороны, и этнолингвистикой Е. Бартминьского – с другой, С.М. Толстая пишет о характерном для школы Н.И. Толстого разграничении языковых и неязыковых значений и утверждает, что существуют «какие-то культурные смыслы, не подтверждаемые языком» (пример: представления о способности камня расти, отмеченные в Полесье, которые «никак языком не “улавливаются”») [Толстая 2010: 13]. Думается, что нечто похожее мы имеем в случае с адом.

После краткого представления весьма ограниченного материала позволю себе высказать следующие умозаключения: **НИЗ** – базовая метафора, общая «метасема»; **дно и земля** выполняют функцию максимально низко расположенной границы между мирами, которая обращена поверхностью в мир живых («этот свет»); **преисподняя и ад** – пространство, расположенное ниже этой границы, это «тот свет» в мифологическом «трехчастном», «трехуровневом» мире, это «нижний», «хтонический мир в космической вертикали “сакральный верх – земной мир – подземный мир”» [Славянские древности Т. 4 2009: 103].

Обобщая результаты проведенного анализа, представляется возможным утверждать, что в Ψ-структуру значения слова *низ* входят следующие вполне очевидные компоненты (языковленные / оязыковляемые представления):

1. противопоставленность верху (оппозиция ВЕРХ – НИЗ) (напр., *противоположность*), реализующаяся в конкретных образах – наглядных представлениях верха (напр., *вершина, пик, потолок*);
2. конкретные образы артефактов, реифицирующих идею максимально низкого положения (напр., *бампер, бордюр, дно, земля, плитус, порог, твердь, фундамент*);
3. представление об основе, опоре (напр., *основание*);
4. конкретные образы пространства, расположенного ниже предельно низкого уровня и, возможно, символически связанного с хтоническим миром (напр., *колодец, подвал, подземелье, пропасть*);
5. образы и представления, непосредственно связанные с хтоническим миром¹² (напр., *ад, бездна, преисподняя*);
6. представления, связанные с нравственной, морально-этической сферой (напр., *низость*¹³);
7. представления о жизни (*дно жизни*);
8. конкретные образы природных феноменов, связанных с идеей низа (напр., *впадина, глубина, грязь, корень, овраг, подножие, яма*);
9. конкретные образы частей телесного низа (напр., *ляжка, ноги, поясница, ступня*);
10. образы отдельных частей одежды, предназначенной для телесного низа или ношения под верхней одеждой (напр., *брюки, подол, шорты, штаны, юбка; обувь, подошва; белье, исподнее*);
11. образы, связанные с устройством и структурой общества (напр., *низвержение, подчинение, пролетариат*);
12. образы наблюдаемого движения вниз (напр., *падать, падение, спуск, опускание*);
13. представления, связанные с изменениями в меньшую сторону (понижением) нематериальных феноменов, не поддающихся непосредственному наблюдению (напр., *деградация, крушение, снижение, спад, упадок*);
14. представления о низких звуках (напр., *бас*).

¹² Подтверждается данными ПС: **низкий** → *мертвый* 1.

¹³ Подтверждается данными ПС: **низкий** → *гадкий, подлый* 1; и ОС: **низкий** ← *ничтожный* 3, *коварный, подлец, подлый* 1.

Данные Национального корпуса русского языка [НКРЯ] и нашего корпуса примеров позволяют сделать вывод о том, что выявленная Ψ -структура значения слова *низ* проявляется в реальных текстах, созданных современными носителями русского языка.

В заключение особо подчеркну, что данная статья, продолжая разговор о базовых метафорах, представляет лишь первую попытку рассмотреть базовую метафору НИЗ с позиций психолингвокультурологии. Существует целый ряд единиц, в которых данная метафора воплощается и которые должны стать предметом детального рассмотрения (напр., *глубина, корень, грязь, подпол, пропасть, яма* и др.).

И, конечно, отдельного большого разговора заслуживает сама базовая оппозиция ВЕРХ – НИЗ, полюсы которой представлены базовыми метафорами. Данные полюсы и оппозиция в целом овнешняются в конкретных знаках языка (лексемах, устойчиво воспроизводимых сочетаниях и т.д.), при анализе которых необходимо учитывать как собственно лексическое значение единиц, так и семантику префиксов; как семантику коллокаций, так и ограничения на сочетаемость, и т.д., и т.п. Напр., *высокое положение – низкое происхождение; высокий стиль – низкий слог; возвышенные чувства – низменные желания; настроение упало – поднять настроение; идти в гору – катиться по наклонной; взлететь по карьерной лестнице – слететь со своего поста; восхождение на престол – низложение монарха; взывать о милости – снисхождение властителя; взмолиться – смилостивиться; «Возвышенное и земное»* (Д. Вейс); *высокий долг – *низкий долг; высокое призвание – *низкое призвание...*

Данная оппозиция, думается, встает «в один ряд» с другой базовой оппозицией, формируя параллель ВЕРХ – НИЗ // ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ: *возродиться к жизни, восстать из мертвых – пасть смертью храбрых*¹⁴. Кстати, это же можно обнаружить и в мифах о богах: с одной стороны, бог-творец, демиург, Сверхестественное Верховное Существо «отдыхающий бог», обитающий на Небе, с другой – есть боги, исчезающие с лица земли: «Морфология этих божеств чрезвычайно богата, и мифы о них многочисленны. Есть тем не менее некоторые существенные общие черты: эти божества *не являются космогоническими*; они возникают на Земле *после* творения и не остаются здесь на долгое время; и убиваемые людьми <...>. О происхождении их чаще всего ничего не известно, кроме того, что они явились на землю, чтобы быть полезными людям, и что главное их предназначение связано с их насильственной смертью. <...> В австралийском племени караджери подобная судьба постигает двух братьев Багаджимбири. Во “времена сновидений” они вышли из земли в виде собаки динго, но затем превратились в людей-великанов» [Элиаде 2010: 103–104; 105–106] (курсив оригинала; разрядка моя. – В.К.). Смерть может восприниматься как сон (отсюда *усопший, усение*), что также имеет древние корни¹⁵, и это может быть «сон вниз»: «с одной стороны, в земном существовании человек неизбежно приходит к состоянию “покинутости”, “страха”, “ностальгии” и, с другой стороны, это существование описывается как “сон”, “опьянение”, “забвение”: то есть

¹⁴ См., напр.: *Наши мертвые нас не оставят в беде, Наши павшие – как часовые...* (В.С. Высоцкий).

¹⁵ «В греческой мифологии Сон и Смерть, Гипнос и Танатос – два брата-близнеца. Вспомним, что и у евреев, по крайней мере во времена, следующие за изгнанием, смерть сравнивалась со сном» [Элиаде 2010: 128].

приобретает (если мы исключаем опьянение) все черты, которые в более раннюю эпоху приписывались умершим, находящимся в подземном царстве» [*Jonas H. The Gnostic Religion*. Boston, 1958. P.74] (цит. по: [Элиаде 2010: 131]); при этом может указываться и конкретное место внизу: «Мифология Фридриха Второго не исчезает с его смертью <...> по самой распространенной народной легенде, [он] спит под горой Этна. Но в один прекрасный день он проснется и потребует свой трон» [Там же: 174] (выделено мною. – В.К.). Языковой материал свидетельствует, что данные представления характерны и для носителей современного русского языка: **погрузиться в сон / небытие – вынырнуть из сна / небытия**.

Помимо этого, оппозиция ВЕРХ – НИЗ встраивается еще в один ряд: ВЕРХ – НИЗ // СВЕТ – ТЬМА. См.: **Тьмы низких истин мне дороже / Нас возвышающий обман...** (А.С. Пушкин); **приподнятое настроение – мрачное настроение...**

Таким образом, представляется возможным рассматривать НИЗ как базовую метафору, которая, аналогично базовой метафоре ВЕРХ, носит, по всей вероятности, универсальный характер и формирует с ней базовую оппозицию. Результатом вторичной метафоризации указанной «идеи» является целый ряд конкретных метафор, актуальных «здесь и сейчас», выявляемых в ходе ассоциативных экспериментов и проявляющихся в реальных текстах современных носителей русского языка. Но, повторю, мы все еще только в начале пути, который, хочется верить, приведет нас к составлению реестра базовых метафор, их описанию и – в перспективе – к созданию своего рода словаря таковых.

© Красных В.В., 2022

Литература

Аристотель. Поэтика. [Электронный ресурс] URL: <https://iknigi.net/avtor-aristotel/110580-poetika-aristotel/read/> (дата обращения: 25.04.2019).

Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: Сб. / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск.; Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32. [Электронный ресурс] URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/arutyunova-90.htm> (дата обращения: 11.10.2022).

Бердяев Н.А. Смысл истории. [Электронный ресурс] URL: https://www.bookol.ru/nauka_obrazovanie/filosofiya/257025 (дата обращения: 02.11.2022).

Блэк М. Метафора // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 153–172.

Дорофеева А.А. Что скрывается в тайне метафоры? (О подходах к изучению метафоры западными учеными в XX в.) // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 4. С. 155–160.

Иванов Вяч.Вс, Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древний период). М.: Наука, 1965. 245 с.

Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры: Основы психолингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016. 496 с.

Красных В.В. Когнитивный аспект базовых метафор лингвокультуры // Язык, сознание, коммуникация. Сб. науч. статей. Вып. 57. М.: МАКС Пресс, 2017. С. 142–165.

Красных В.В. Архаические слои сознания современной языковой личности (на примере базовой метафоры ЖИДКОСТЬ) // Вопросы психолингвистики. 2020а. № 3 (45). С. 70–84.

Красных В.В. Базовая метафора ВЕРХ: возможные пути исследования (к вопросу об универсальности феномена) // Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения. Сб. науч. статей к 90-летию профессора Вероники Николаевны Телия. М.: Гнозис, 2020б. С. 248–281.

Красных В.В. Базовая метафора ЕДА/ПИЩА сквозь призму психолингвокультурологии (продолжая разговор с А.В. Оляничем) // Культура. Коммуникация. Дискурс: актуальные вопросы полиязычного пространства. Мат-лы Междунар. научно-практич. конференции, посвященной памяти профессора Андрея Владимировича Олянича. Волгоград: ГАУ, 2022. С. 167–176.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И.В. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: Наука, 1969. 307 с.

Леонтьев А.А. Психологическая структура значения // Семантическая структура слова. М.: Наука, 1971. С. 7–19.

Леонтьев А.А. Психолингвистический аспект языкового значения // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С. 156–169.

Ортега-и-Гассет Х. Две главные метафоры. К двухсотлетию Канта. (1990) [Электронный ресурс] URL: <https://www.libfox.ru/41051-hose-ortega-i-gasset-dve-glavnye-metaforu.html> ИЛИ: <http://lib.ru/FILOSOF/ORTEGA/ortega11.txt> (дата обращения: 27.03.2019).

Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. М.: Наука, 1988. С. 8–69.

Потебня А.А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. 634 с.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1986. 368 с.

Ричардс А. Философия риторики // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 44–67.

Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 150 с. [Электронный ресурс] URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001670314> (дата обращения: 03.04.2020).

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 192 с.

Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Наука, 1988а. С. 26–52.

Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. / Отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988б. С. 173–203. [Электронный ресурс] URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_66.shtml (дата обращения: 06.06.2020).

Телия В.Н. Предисловие // Метафора в языке и тексте. / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Наука, 1988в. С. 3–10.

Толстой Н.И. Очерки славянского язычества. М.: Изд-во «Индрик», 2003. 622 с.

Толстая С.М. Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 368 с.

Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. М.: КомКнига, 2006. 280 с.

Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1994. – 144 с. [Электронный ресурс] URL: http://yakov.works/lib_sec/26_ae/aeli/ade_01.htm (дата обращения: 29.05.2020).

Элиаде М. Аспекты мифа/ Пер. с фр. В.П. Большакова. 4-е изд. М.: Академический Проект, 2010. 251 с. (Философские технологии: антропология).

Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.

Black M. Models and Metaphors: Studies in Language and Philosophy. Ithaca, NY: Cornell Univ. Press. 1962. 267 p.

Black M. More about Metaphor // Metaphor and Thought. Cambridge, ets., 1979. P. 19–45.

Richards I.A. The Philosophy of Rhetoric. Oxford, London, NY: Oxford Univ. Press, 1936 [Электронный ресурс] URL: <https://ru.scribd.com/doc/75493621/Richards-Philosophy-of-Rhetoric> (дата обращения: 29.05.2020); NY: Oxford Univ. Press, 1965. 138 p.

Словари

Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с. (Фундаментальные словари)

Малый академический словарь Евгеньевой А.П. (МАС). [Электронный ресурс] URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/search?s=%D0%BD%D0%B8%D0%B7> (дата обращения: 04.10.2022).

Мифологический словарь. / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Совет. энциклопедия, 1990. 672 с.

Русский ассоциативный словарь. [Электронный ресурс] URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 05.10.2022).

Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС. [Электронный ресурс] URL: <https://iling-ran.ru/web/ru/publications/evras> (дата обращения: 05.10.2022).

Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. 575 с.

Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. 656 с.

Словарь ассоциативных норм русского языка. [Электронный ресурс] URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm> (дата обращения: 05.10.2022).

Словарь ассоциаций русского языка онлайн. [Электронный ресурс] URL: <https://sinonim.org/as/> (дата обращения: 05.10.2022).

Словарь синонимов русского языка онлайн. [Электронный ресурс] URL: <https://sinonim.org/s/> (дата обращения: 04.10.2022).

Толковый онлайн-словарь русского языка Даля В.И. [Электронный ресурс] URL: <https://lexicography.online/explanatory/dal/%D0%BD%D0%BD%D0%B8%D0%B7> (дата обращения: 04.10.2022).

Толковый онлайн-словарь русского языка Ефремовой Т.Ф. [Электронный ресурс] URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/%D0%BD/%D0%BD%D0%B8%D0%B7> (дата обращения: 04.10.2022).

Толковый онлайн-словарь русского языка Ожегова С.И. [Электронный ресурс] URL: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/%D0%BD/%D0%BD%D0%B8%D0%B7> (дата обращения: 04.10.2022).

Толковый онлайн-словарь русского языка Ушакова Д.Н. [Электронный ресурс] URL: <https://lexicography.online/explanatory/ushakov/%D0%BD/%D0%BD%D0%B8%D0%B7> (дата обращения: 04.10.2022).

Школьный этимологический онлайн-словарь Л.В. Успенского «Почему не иначе?» [Электронный ресурс] URL: <https://lexicography.online/etymology/uspensky/%D0%B4/%D0%B4%D0%BD%D0%BE> (дата обращения: 04.10.2022).

Этимологический онлайн-словарь русского языка Крылова Г.А. [Электронный ресурс] URL: <https://lexicography.online/etymology/krylov/%D0%BF/%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%BB> (дата обращения: 04.10.2022).

Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/%D0%BD/%D0%BD%D0%B8%D0%B7> (дата обращения: 04.10.2022).

Этимологический онлайн-словарь русского языка Семёнова А.В. [Электронный ресурс] URL: <https://lexicography.online/etymology/semyonov/search?s=%D0%BD%D0%B8%D0%B7> (дата обращения: 04.10.2022).

Этимологический онлайн-словарь русского языка Шанского Н.М. [Электронный ресурс] URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/search?s=%D0%BD%D0%B8%D0%B7> (дата обращения: 04.10.2022).

Источники

Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 17.11.2022).

Сведения об авторе:

Красных Виктория Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Контактная информация:

119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, 1-й корп. гум. фак-тов

ORCID: 000-0001-8753-4168

email: victoryvk@gmail.com

Для цитирования:

Красных В.В. Базовая метафора «низ» и психологическая структура значения: возможные пути исследования (продолжение разговора) // Вопросы психолингвистики. № 4(54). 2022. С. 36–57. doi: 10.30982/2077-5911-2022-54-4-36-57

UDC 81'23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-54-4-36-57

Research article

**THE BASIC METAPHOR “DOWN” AND
THE PSYCHOLOGICAL STRUCTURE OF MEANING:
POSSIBLE RESEARCH PATHS
(CONTINUING THE DISCUSSION)**

Victoria V. Krasnykh

Lomonosov Moscow State University

Abstract

The article, on the one hand, continues the discussion about the basic metaphors of linguoculture, on the other hand, it briefly presents the basic metaphor DOWN, which has not yet been the subject of a special consideration from the point of view of psycholinguoculturology. The author pays peculiar attention to the psychological (Ψ) structure of meaning, which includes, among other things, the archaic layers of modern linguistic consciousness. Those layers include basic metaphors, i.e., the most ancient, “original” “ideas”, which are often not realized by modern native speakers and which are based on archetypal representations and underlie world perception, comprehension and structuring by human. Data from various dictionaries (5 etymological, 5 explanatory, 4 associative, as well as phraseological, mythological, ethnolinguistic and synonyms dictionary), and data from the National Corpus of the Russian Language were used as the material for the analysis. The given analysis made it possible to determine the Ψ -structure of the meaning of the lexeme *down*, to identify the archetypal representations included in it, which are relevant for the linguistic consciousness of the native speakers of the modern Russian language and to define those of its components that are not fixed in explanatory dictionaries, but appear in speech products. In addition, the article presents a number of phenomena in which the basic metaphor DOWN is reified.

Keywords: metaphor, basic metaphor DOWN, basic opposition, psychological structure of meaning, archaic layers of consciousness

©Krasnykh V.V., 2022

Bionotes:

Victoria V. Krasnykh – Doctor of Philology, Professor, Department of Discourse and Communication Studies, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

Contact information:

Leninskie Gory, MSU, 1 Humanities, Faculty of Philology, Moscow, 119992

ORCID: 000-0001-8753-4168

email: victoryvk@gmail.com

For citation:

Krasnykh V.V. The basic metaphor “DOWN” and the psychological structure of meaning: Possible research paths (Continuing the discussion) // *Journal of Psycholinguistics*. 4(54) 2022. P. 36–57. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2022-54-4-36-57 (in Russian)

УДК 811.134.2

ББК 81.2

DOI 10.30982/2077-5911-2022-54-4-58-71

Научная статья

**ЯЗЫКОВАЯ ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ
В ИСПАНСКОЙ ОЦЕНОЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА
(НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ)**

Мед Наталья Григорьевна

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

Статья посвящена исследованию языковой десакрализации в лексике и фразеологии испанского языка. Объектом исследования является испанская оценочная картина мира, предмет исследования составляют десакрализованные семантические дериваты и фразеологизмы, принимающие участие в формировании оценочных значений. Материалом исследования послужили словари испанской разговорной речи, современные фразеологические словари испанского языка, тексты художественных произведений испанских писателей XX века, испанские газетные тексты и блоги. В качестве основных методов исследования использовались методы анализа словарных дефиниций, семантического и контекстуального анализа. Цель исследования состояла в выявлении семантических полей, относящихся к религиозной сфере, подверженных десакрализации, и различных видов положительных и отрицательных оценок в семантике изучаемых лексических и фразеологических единиц. Результаты исследования показали, что языковая десакрализация лексики и фразеологии охватывает следующие семантические поля религиозной сферы: названия конфессиональных признаков, религиозных атрибутов, предметов культа, книг Библии и библейских персонажей, имена святых, наименования церковных традиций, обрядов, праздников, церковных сооружений, наименования церковных должностей, духовных санов. Десакрализованная религиозная лексика является либо форматором общих и частных положительных или отрицательных оценок, характеризующих человека и окружающий его мир, либо интенсификатором оценочных значений. Также испанскому языковому сознанию присуще использование приема десакрализации для создания комического эффекта. Инверсия моральных ценностей, свойственная испанскому языковому сознанию, обусловлена эстетикой барокко и особенностями западной смеховой культуры. Важный вывод исследования состоит в том, что языковая десакрализация, состоящая в утрате и обесценивании сакрального компонента в семантике слова или фразеологизма, способна передавать информацию о ценностях и антиценностях человеческого бытия.

Ключевые слова: испанский язык, оценочная картина мира, религия, десакрализация, лексика и фразеология

Оценочная картина мира представляет собой фрагмент языковой картины мира, отражающий знаковым способом ценностные представления человека о себе самом и об окружающем его мире. Как отмечал Е.Ф. Тарасов, «номенклатура

общечеловеческих ценностей в определенной мере является общей для всего человечества, но различающейся содержанием в каждой ОЦ¹ за счет этноспецифического компонента» [Тарасов 2012: 9]. Этноспецифический компонент в содержании общечеловеческих ценностей того или иного этноса может проявляться как в количественном соотношении тех или иных видов оценок на оценочной шкале, так и в различии образной составляющей, формирующей на вербальном уровне представления о ценностях.

Важным источником формирования общечеловеческих ценностей является религия. Религиозное осмысление мира «задает ориентационную установку на обязательное внутреннее совершенствование человека, на стремление к достижению высших пределов своих возможностей, идеальным воплощением которых является БОГ» [Зыкова 2014: 123].

Религиозно-нравственные ценности, определяющие этические нормы поведения людей, относятся к духовному коду культуры, определяемому как «совокупность нравственных ценностей, установок и представлений человека; он пронизывает все другие коды, и именно в нем реализуется базовая оппозиция самой культуры: достойно / недостойно человека-личности» [Красных 2017: 25].

Христианская религия, Священное писание оказали большое влияние на языки и культуру, отражаясь в многочисленных лексических и фразеологических номинациях, которые зачастую способствуют формированию разнообразных оценочных смыслов. Как отмечал В.Г. Гак, согласно семантическому закону, сформулированному Г. Шпербером, «чем большее место занимает определенная сфера деятельности (определенный комплекс идей) в жизни общества, тем более значительным источником "метафорической экспансии" и лексических переосмыслений они являются» [Гак 2001: 66]. Так, например, в испанском языке, как и в других языках, наблюдается большое количество фразеологических библеизмов, полных межъязыковых эквивалентов, используемых в повседневном общении и уже утративших прямую связь с библейским источником: исп. *ganar el pan con el sudor de la frente*, франц. *gagner le pain à la sueur de son front*, итал. *guadagnare il pane con il sudore della frente*, порт. *ganhar o pão com o suor do seu rosto*, русск. *в поте лица добывать хлеб свой*; исп. *hijo pródigo*, франц. *fil prodigue*, итал. *figlio prodigo*, порт. *filho pródigo*, русск. *блудный сын*; исп. *venderse por un plato de lentejas*, франц. *se vendre pour un plat de lentilles*, итал. *vendersi per un piatto di lenticchie*, порт. *vender-se por um prato de lentilhas*, русск. *продаться за чечевичную похлебку* и т.д.

Феномен десакрализации, понимаемой как «обесценивание сакральных (священных) образцов, религиозных верований, мировоззренческих установок» [Философия: Энциклопедический словарь 2004: 4]), свойственен и языку. Языковая десакрализация состоит в утрате и обесценивании сакрального компонента в семантике слова или фразеологизма.

В отечественной и зарубежной лингвистике существует ряд работ, посвященных функционированию библейской лексики и фразеологии в испанском и других романских языках [Гак 1997, Гак 2001; Сингаевская 2014; Лаврентьева 2017; Calero Fernández 1999, Calero Fernández 2000; Mellado Blanco 2017; Zholobova 2011; Yongsheng, Luque

¹ Общечеловеческой ценности – Н.Г.

Durán 2017], в которых отмечается наличие десакрализованных языковых единиц, однако десакрализация религиозной лексики как способ формирования оценочных значений в современном испанском языке не была предметом специального изучения. Наше исследование показало, что десакрализация, несмотря на то, что она является инверсией моральных ценностей, способствует появлению оценочных значений, характеризующих человека и окружающий его мир на ценностной шкале с позиции положительных или отрицательных оценок.

В десакрализации, по мнению В.Г. Гака, можно выделить две ступени: 1. устранение положительной семы, характеризующей сакральное, и приобретение нейтрального значения; 2. приобретение отрицательной семы при использовании слова в сниженных стилевых регистрах, просторечии, аргю, или в ироническом либо бранном значении [Гак 2001: 57].

Проведенное исследование показало, что десакрализация в испанском языке охватывает практически все семантические поля, относящиеся к религиозной сфере: названия конфессиональных признаков, религиозных атрибутов, предметов культа, книг Библии и действующих лиц, наименования святых, наименования церковных традиций, обрядов, праздников, церковных сооружений, наименования церковных должностей, духовных санов и т.д. Основной особенностью данных оценочных лексических и фразеологических единиц является полная десакрализация религиозного элемента, состоящая в том, что объектом оценки становится либо человек, не обладающий сакральным статусом, либо неодушевленный предмет. Причем данная полная десакрализация далеко не всегда характеризуется приобретением только отрицательной семы, положительная сема также присутствует во многих лексических и фразеологических номинациях. Хотя проанализированный языковой материал свидетельствует о том, что для испанского языкового сознания больше характерна инверсия моральных ценностей, проявляющаяся в неуважительном, насмешливом, ироническом отношении к христианским ценностям. Испанские исследователи [Díaz-Plaja 1969: 39–40; Mellado Blanco 2017: 64] отмечают неуважительное отношение испанцев к религиозным реалиям, приводя многочисленные примеры, как, например, *sentar como a un Cristo dos pistolas* (букв. ‘подходить как Христу два пистолета’) в тех случаях, когда речь идет о не подходящей человеку одежде. Один из приемов тавромахии, при котором тореро держит развернутый плащ обеими руками, пропуская под ним быка, называется *Verónica*, по имени женщины, отершей своим платом кровь с лица Иисуса Христа во время его Крестного Пути на Голгофу. Плат Вероники, на котором запечатлелся лик Христа, является реликвией католической церкви. Про дружеские отношения людей сомнительной репутации обычно говорится *Dios los cría y se juntan* (букв. ‘Бог их создал, и они соединились’). Восклицание *¡Por los claves de Cristo!* (букв. ‘Гвоздями Христа!’) используется в разговорной речи для выражения удивления, восхищения или негодования. Фразеологизм *Fíate de la Virgen y no corras* (букв. ‘Верь Богородице и не беги’) обычно употребляется в советах не слишком доверять тому или иному человеку (ср. в русск.: *Надейся на Бога, а сам не плошай*).

Остановимся более подробно на некоторых оценочных номинациях религиозного характера, утративших сакральный элемент и активно использующихся в современном испанском языке.

Названия конфессиональных признаков. История фразеологизма общей положительной оценки *hablar en cristiano* (букв. ‘говорить как христианин’) восходит

к X–XII векам, когда на Пиренейском полуострове сосуществовали три религии: христианство, иудаизм и мусульманство, и, соответственно, население Испании изъяснялось как на испанском, так и на иврите и арабском, что затрудняло понимание и общение. Просьба говорить по-христиански означала говорить на испанском языке [Buitrago Jiménez 2004: 353–354]. В настоящее время сема конфессиональности полностью утрачена, и данный фразеологизм используется со значением ‘говорить ясно, четко, понятно’.

Часто в разговорной речи испанцев можно услышать *Hoy no estoy muy católico* (‘Сегодня я неважно себя чувствую’). История фразеологизма *no estar muy católico* (букв. ‘быть не очень католиком’) связана с временами испанской инквизиции. Обвиняемые в ереси подвергались пыткам до тех пор, пока они не признавали вероучение римско-католической церкви [Buitrago Jiménez 2004: 512]. В лексеме *católico* вычленяется семантическое приращение смысла ‘нормальный, правильный, хороший’. Таким образом, во фразеологизме сема конфессиональной принадлежности утратилась, и в современной испанской разговорной речи в нем закрепилось значение отрицательной нормативной оценки ‘быть в плохом физическом или эмоциональном состоянии’.

Религиозные атрибуты, предметы культа

Hostia (гостия, евхаристический хлеб) используется в католической церкви в виде просфоры для таинства причащения. Однако в разговорной речи данная лексема приобретает целый ряд оценочных значений.

Гостия может ассоциироваться с Богом, следовательно, с добром, со всем хорошим, формируя общую положительную оценку: *El central del FC Barcelona, Gerard Piqué, ha asegurado este viernes, en una intervención en Facebook Live, que jugar junto a Leo Messi “es la hostia”*. *Ha agregado que, “obviamente, jugar con los resto de jugadores del equipo, también”* [<https://www.sport.es/es/noticias/barca/pique-jugar-con-messi-hostia-5755443>] (‘Защитник клуба Барселона Жерар Пике сообщил в эту пятницу на Facebook Live, что играть вместе с Лео Мессии – это что-то потрясающее’ (букв. гостия)). Значение положительной оценки обусловлено экстралингвистическим контекстом. Лео Мессии считается одним из лучших футболистов современности, и, следовательно, игру с ним в одной команде можно характеризовать как нечто замечательное, отличное. С другой стороны, в силу инверсии религиозных ценностей *la hostia* ассоциируется с чем-то отрицательным, формируя отрицательную оценку. Так, например, в статье испанской газеты «Эль Паис», озаглавленной “ *La hostia*”, речь идет о повышении тарифов на электричество, что приведет к еще большему обнищанию бедных семей, безусловно, представляя собой отрицательный факт: *Todo esto empieza a ser la hostia*. [https://elpais.com/elpais/2013/12/19/opinion/1387458280_089426.html] (‘Все это становится кошмаром’ (букв. гостией)).

Фразеологизм *ser un saco de las hostias* (букв. ‘быть мешком гостий’) характеризует человека, несправедливо обвиняемого во всех грехах, козла отпущения, по ассоциации с мешком, наполненным песком, боксерской грушей, на которой тренируются боксеры [Buitrago Jiménez 2004: 512].

Отметим еще фразеологизм *de la hostia* (букв. ‘из гостии, как гостия’), который совмещает в себе оценку и ее интенсификацию в зависимости от семантики ключевого слова и окружающего контекста: *Termina ya que tengo un frío de la hostia* (‘Хватит уже, я жутко замерз’); *...como chaval, le tenía un respeto de la hostia* (‘будучи подростком,

я его *невероятно уважал*); *Eran imponentes, imponentes, unas chavalas de la hostia, pero ninguna le duraba mucho* ('они были красавицы, красавицы, **попращающие** девушки, но ни одна из них долго у него не задержалась') (CREA). Также, в качестве междометия ¡*Hostia(s)!* может выражать как положительную, так и отрицательную эмоциональную оценку: ¡*Hostia, qué frío!* ('**Черт возьми, что за холод!**'); ¡*Hostia, que es un ángel!* ('**Боже, это же просто ангел!**') (CREA). Таким образом, данная лексема являет собой яркий пример оценочной энантиосемии.

Катехизис, религиозная книга, руководство по христианской вере, стал форматом отрицательной этической оценки 'жадный человек': *gastar menos que un ruso en catecismos* (букв. 'тратить меньше, чем русский на катехизис'). Представления о русских после революции 1917 г. как об атеистах и связанных с социалистическим строем, отрицавшем существование Бога, послужили источником создания фразеологизма. Те же представления о тотальном атеизме в России отражены во фразеологизме отрицательной этической оценки со значением 'никчемный, бесполезный человек': *tener menos porvenir que un vendedor de catecismos en Moscú* (букв. 'иметь меньше будущего, чем продавец молитвенников в Москве').

Книги Библии являются важным источником оценочной номинации в испанском языке. Само наименование Священного Писания также представляет собой пример оценочной энантиосемии: *la Biblia / en verso* (букв. 'Библия / в стихах'). Данный фразеологизм обязан своим происхождением журналисту и литератору Хосе Марии Карулья (1839–1919), задумавшему создать полный стихотворный текст библии, однако ему удалось переложить на стихи лишь небольшую часть Ветхого Завета [Buitrago Jiménez 2004: 408]. Например, гостиницу Мотель Restaurant в Фигерас восхищенные туристы характеризуют в своем блоге как нечто потрясающее: ¡*La Biblia en verso!* [https://www.tripadvisor.es/ShowUserReviews-g315921-d995810-r270167829-El_Motel_Restaurant-Figueres_Province_of_Girona_Catalonia.html]; *Nos hicieron revisar los dos libretos de contabilidad. ¡La Biblia!* [Martín 1974: 36] ('Нас заставили проверить две толстые бухгалтерские книжищи. Просто кошмар!'). Как можно заметить, оценка является совмещенной, поскольку в первом примере наблюдается общая положительная оценка, связанная с восприятием Библии как великой книги, тем более в стихах, во втором примере отрицательная оценка, видимо, основана на ощущениях от нудной работы, такой же тяжелой и нудной, как чтение объемной Библии.

К тексту **Нового Завета** относится оценочная номинация *adefesio* (букв. 'к ефесянам'), характеризующая неряшливого, небрежно одетого или обладающего дурным вкусом человека, а также уродливый, не доставляющий эстетического наслаждения предмет. Лексема *adefesio* является обратным дериватом фразеологизма *hablar ad ephesios* (букв. 'говорить с ефесянами, говорить бесполезно'), ведущего свое происхождение от Послания ефесянам святого Павла, который напрасно пытался обратить их в христианство, поскольку они отличались упрямством и верностью своим собственным языческим традициям [Buitrago Jiménez 2004: 681]. Таким образом, этноним *ефесянин* по семантическому компоненту 'упрямый, не поддающийся убеждению', т.е. неправильно, некрасиво ведущий себя с этической точки зрения человек, приобретает значение эстетической оценки 'некрасивый', либо обладающий дурным (т.е. неправильным) вкусом: *...no tenía nadie que le cuidase e iba por ahí hecho un adefesio, vestido como un espantapájaros y con unos lamparones en la ropa que nadie comprendía cómo no le daba vergüenza ir así* [Luque Durán, Pamies,

Manjón 2000: 23] ('...за ним некому было ухаживать. И он появлялся всюду как чудовище, одетый как **огородное пугало**, с пятнами на одежде, и никто не понимал, неужели ему не было стыдно ходить в таком виде'). В одном из блогов туристы возмущаются внешним видом собора святой Марии де ла Альмудены, называя его **un adefesio hecho catedral** ('уродом в виде собора') [https://www.tripadvisor.es/ShowUserReviews-g187514-d501698-r161281077-Catedral_de_Sta_Maria_la_Real_de_la_Almudena-Madrid.html#].

Отметим также лексикализованную аббревиатуру отрицательной семантики *el inri* ('насмешка, оскорбление'), представляющую собой инициальное буквенное сокращение латинского словосочетания *Iesus Nazarenus Rex Iudæorum* ('Иисус из Назарета, Царь Иудейский'). В Новом Завете, в Евангелии от Иоанна, повествуется о приказе Понтия Пилата повесить на грудь Иисуса Христа табличку с этой аббревиатурой в качестве причины его распятия на кресте. В настоящее время сакральный компонент полностью утрачен, и данная языковая единица употребляется как самостоятельно, так и в составе фразеологизмов *poner a uno un inri* (букв. 'повесить кому-либо inri', перен. 'выставить посмешищем'), *para más inri* (букв. 'к большему inri', перен. 'к вящему сожалению, как назло'): *Ayer se me estropeó el coche en una carretera por la que no pasaba nadie, y para más inri, a veinte kilómetros del pueblo más cercano* [Buitrago Jiménez 2004: 547] ('Вчера у меня сломалась машина на дороге, по которой никто не проезжал, и как назло, в двадцати километрах от ближайшего поселка').

Названия церковных традиций, обрядов и праздников

Следует выделить ряд фразеологизмов, содержащих в качестве компонента лексику, связанную с церковными традициями, церковными обрядами и праздниками, и формирующих разные виды оценочных значений. Так, например, праздник Пасхи, Светлого Христова Воскресения, ассоциируется с радостью, всеобщим ликованием, и фразеологизм *estar más alegre que unas pascuas* (букв. 'быть радостнее, чем пасха') содержит положительную эмоциональную оценку веселого, радостного человека. Напротив, Страстная Неделя, последняя неделя великого Поста, предшествующая Пасхе и связанная с последними земными днями и крестными страданиями Иисуса Христа, ассоциируется с трауром, со скорбью, с обилием богослужений и религиозных обрядов, что отражается во фразеологизмах отрицательной эмоциональной оценки *más triste que una semana santa* (букв. 'более грустный, чем страстная неделя'), *más largo que el pregón de Viernes Santo* (букв. 'длиннее, чем богослужения в день Страстной пятницы'). Сам Великий пост в обыденном языковом сознании испанцев представляется длительным и скучным событием *más largo que la Cuaresma* (букв. 'более долгий, чем Великий Пост'). Бедность, отсутствие денег ассоциируются с отсутствием у проституток клиентов, соблюдающих нравственные ограничения во время Великого Поста: *estar como puta en Cuaresma / ser más pobre que puta en Cuaresma* (букв. 'быть, как проститутка во время Великого Поста / быть беднее, чем проститутка во время Великого Поста').

Названия церковных сооружений и деталей внутреннего убранства

В испанской разговорной речи активно употребляется фразеологизм *como una catedral / como la catedral de Toledo* (букв. 'как собор / как Толедский собор'). В лексеме *catedral* ('собор') испанское языковое сознание выделяет коннотативный признак 'большой по размеру', формирующий либо параметрическую оценку, либо, в зависимости от семантики ключевого слова или контекста, положительную или

отрицательную оценку / интенсификацию оценки: *¡Y qué vasazo de agua me voy a meter ahora mismo! Como una catedral!* [Jarama, 21]. ('Ну и стаканище воды я сейчас вылью! **Огромный**' (букв. 'как собор'); *Sí, señor juez, un marica como una catedral* [Colmena, 146] ('Да, господин судья, самый что ни есть законченный гомик')); *El guitarrista tocaba muy bien, y cuando yo se lo dije a la Faraona, ella respondió sin mirarme: – Ezo no es una guitarra. Ezo es la catedral de Toledo* [Nancy, 62] ('Гитарист играл великолепно, и когда я сказала об этом Фараоние, она ответила, не глядя мне в глаза: Это не гитара. Это Толедский собор').

Во фразеологизме *ser, parecer un retablo de duelos* (букв. 'быть похожим на скорбящий алтарный образ'), означаящем 'быть несчастным, невезучим человеком', наблюдается ассоциация с изображениями святых, их страданиями, сценами их жития или сюжетами из Страстей Христовых [Buitrago Jiménez 2004: 623].

Наименования церковных должностей и духовных санов

Непочтительное отношение к представителям духовенства также нашло свое отражение в испанской оценочной фразеологии. Отрицательная характеристика представителей церкви, наживающихся на своих прихожанах и живущих в богатстве и довольстве, содержится во фразеологизмах *vivir como un obispo* (букв. 'жить как епископ'), *comer como un cura* (букв. 'есть как священник'), *ser más gordo que un canónigo* (букв. 'быть толще каноника'). Фразеологизм *hacerle a alguien la boca un fraile* (букв. 'сделать священнику рот кому-либо') включает в себе представления о просящих подаяния священниках и характеризует попрошаек. Образ бледной, мало бывающей на солнце и заточенной в монастыре монахини используется как эталон сравнения в компаративных фразеологизмах *más blanco que la teta de una monja* (букв. 'более белый, чем грудь монахини') и *más blanco que el culo de una monja* (букв. 'более белый, чем зад монахини'), интенсифицируя цветовой компонент *белый*. Исполнение Папой Римским обета безбрачия и запрет на плотские утехы формируют отрицательную этическую оценку жадного человека *gastar menos que el Papa en condones* (букв. 'тратить меньше, чем Папа на презервативы').

В отдельную группу можно выделить **фразеологические композиты – наименования неискреннего, лживого человека, ханжи, святоши**, содержащие образ человека, с фанатизмом предающегося неким религиозным фантастическим действиям: *comehostias* (букв. 'поедающий гостии'), *chupacirios* (букв. 'сосущий свечи'), *tragavemarías* (букв. 'глотающий авемарию'), *tear pilas* (букв. 'тот, кто мочится в купель'), *afeitar retablos* (букв. 'тот, кто бреет алтарь').

Библейские персонажи

Проведенное исследование показало, что в испанской разговорной речи имеется большое количество фразеологизмов, включающих библейские антропонимы, в которых испанское языковое сознание выделяет какой-либо признак, связанный с принадлежностью к тексту Библии и десакрализирует его, формируя разнообразные оценочные представления о человеке. Согласно классификации В.Г. Гака, их можно отнести к вторичным библейским фразеологизмам, отдаленно связанным с библейским текстом [Гак 1997: 59]. Так, например, можно выделить группу оценочных фразеологизмов с лексемой *Dios / Señor* ('Бог, Господь'). Бог обладает разнообразными положительными качествами: он великодушен, красив, он храбр и много трудится: *ser como Dios* (букв. 'быть как Бог', перен. 'добрым, великодушным'), *estar como Dios* (букв. 'быть как Бог', перен. 'очень красивым'), *ser más valiente que Dios* (букв. 'быть

храбрее, чем Бог»), *trabajar más que Dios* (букв. ‘работать больше, чем Бог, много трудиться’).

Приведем яркий пример десакрализации имени Бога: *¿A por quién va Usted? ¿A por la hija o a por la madre? – ¿Usted qué me aconseja? – La madre. Está como Dios. ¿Tiene un culo! Te ahorras el colchón* [Manager, p. 142] (‘А Вам кто больше нравится? Мать или дочь? – А Вы кого мне посоветуете? – Мать. Она божественна. Какой у нее зад! Можно сэкономить на матрасе’).

Положительной гендерной оценки у женщин заслуживают мужчины, обладающие большой сексуальной потенцией: *tener más cojones que Dios* (букв. ‘иметь большие гениталии, чем Бог’).

Отрицательная эстетическая оценка некрасивого человека во фразеологизмах *más feo (-a) que / escupirle a Cristo* (‘страшнее, чем плюнуть в Иисуса Христа’), *más feo(a) que pegarle a Dios* (‘страшнее, чем ударить Бога’), *más feo que pegarle a Cristo en Viernes Santo* (‘страшнее, чем ударить Христа в Страстную Пятницу’) связана с именами Иисуса Христа и Бога, которые являются своего рода точкой отсчета для характеристики внешней непривлекательности, ассоциирующейся с аморальным поступком и надругательством над религиозными чувствами. Таким образом, нарушение эстетических норм приравнивается к нарушению моральных норм, и этическая оценка становится основанием эстетической.

Образ неряшливого, неухоженного, а также израненного, избитого, в кровоподтеках, царапинах и синяках человека во фразеологизмах отрицательной эстетической оценки *estar hecho un Cristo / un eccehomo / un nazareno* (букв. ‘похожим на Христа / се человека / назаретянина’) основан не столько на евангельских сюжетах, сколько на представлениях об изможденном, истекающем кровью, едва прикрытым рваной одеждой Христе на процессиях Святой Пасхальной Недели [Мед 2008: 71]. Так, в статье, озаглавленной “*Es España la que está hecha un ‘Ecce Homo’*” (букв. ‘Испания, ставшая Се Человеком’), речь идет о тяжелой экономической ситуации в Испании и о критике правительства Мариано Рахоя [<https://rosamariaartal.com/2012/08/23/es-espana-la-que-esta-hecha-un-ecce-homo/>].

Как можно заметить, с именем Бога связаны и общая положительная оценка, и эстетическая, этическая, эмоциональная и гендерная оценки. Имя Бога в компаративных фразеологизмах становится интенсификатором разнообразных оценочных значений.

Имя Богородицы также связано с формированием оценочной семантики. Фразеологизм *aparecerle a alguien la Virgen* (букв. ‘появиться Богородице перед кем-либо’) содержит положительную эмоциональную оценку удачливого человека. Фразеологизм *ser de / como / la Virgen del Puño* (букв. ‘быть как Богоматерь Кулака’), образованный по аналогии с наименованиями Богоматери по месту ее явления (*Virgen de Fátima, Virgen de Montserrat* и т.д.), используется для обозначения жадного человека (ср. в русском языке кулак – богатый крестьянин), формируя отрицательную этическую оценку: *Enrique no da nunca propina, es como la Virgen del Puño* [Varela, Kubarth 1994: 290] (‘Энрике никогда не дает на чай, он жуткая жадина’). Фразеологический композит *el vivalavirgen* (букв. ‘да здравствует Богородица!’) обозначает легкомысленного, безответственного человека. В данном случае наблюдается ассоциация с горлопанам, принимающими участие в манифестациях или в религиозных шествиях не из-за определенных убеждений, а ради возможности просто поучаствовать в каком-либо событии, пошуметь и себя показать.

Первый человек Адам также ассоциируется в испанской оценочной картине мира с неухоженностью, неряшливостью: *estar hecho un adán* (букв. 'быть как Адам'). Из лексемы *Adán* отбирается смысл 'голый', а значит, 'не имеющий одежды', значит, 'не придающий этому значения', следовательно, 'неухоженный': *...siempre hecho un adán, que yo no sé qué arte te das que a los días de estrenar un traje ya está para la basura* [Marío 215] ('...всегда **неряшливый**, не знаю, как ты умудряешься за несколько дней так испортить костюм, что его можно отправлять на помойку'). Здесь отрицательная эстетическая оценка складывается из комбинирования отрицательных оценок – рационалистической, сенсорной и эмоциональной. Нагота Адама шутливо обыгрывается во фразеологизмах эмоциональной оценки *más preocupado que Adán en otoño* (букв. 'быть более озабоченным, чем Адам осенью'), а отсутствие родителей – во фразеологизмах *estar más triste que Adán en el Día de la Madre* (букв. 'быть более грустным, чем Адам в День Матери') и *más perdido que Adán el día de la madre* (букв. 'быть более потерянным, чем Адам в день Матери'). Также имя Адама, как и Мафусаила, одного из праотцов человечества, прожившего 969 лет, формируют отрицательную эстетическую оценку 'старый': *ser más viejo que Adán / Matusalén* (букв. 'быть более старым, чем Адам / Мафусаил'). Женская старость ассоциируется с женой Авраама Саррой, которая родила сына Исаака в 90 лет: *ser más vieja que Sara* (букв. 'быть более старой, чем Сара'). Отрицательная этическая оценка пьяного человека связана с именем Ноя, который, выйдя из ковчега, занялся виноделием и однажды, когда опьянел и лежал обнаженным в своем шатре, подвергся насмешкам со стороны сына Хама: *estar más borracho que Noé* (букв. 'быть более пьяным, чем Ной').

Общая отрицательная оценка содержится также во фразеологизме *más malo que Caín* (букв. 'хуже, чем Каин'), связанная с отрицательными коннотациями у имени собственного Каин, ставшего синонимом предательства.

В Ветхом Завете описывается визит легендарной правительницы аравийского царства Саба в Иерусалим к израильскому царю Соломону и решившей посоревноваться с ним в мудрости. Фразеологизм *creerse la reina de Saba* (букв. 'считать себя царицей Савской') дает ироническую гендерную характеристику женщинам, возомнившим себя самыми умными и прекрасными. А имя самого царя Соломона является источником положительной интеллектуальной оценки *ser, parecer un Salomón* ('быть похожим на Соломона').

Мария Магдалина в испанском менталитете отождествляется с безутешным оплакиванием Иисуса Христа и обозначает часто и много плачущего человека: *llorar como una Magdalena / llorar más que una Magdalena con conjuntivitis* (букв. 'плакать как Мария Магдалина / плакать как Мария Магдалина с конъюнктивитом'). Употребление этого имени собственного в мужском роде *ser un magdaleno* используется для отрицательной этической оценки трусливого человека через семантический компонент 'плачущий', что не свойственно настоящим мужчинам.

Имя одного из апостолов, Иуды, в испанском языке, как и в других языках, используется преимущественно для выражения отрицательной этической оценки 'лживый человек': *ser un Judas, ser más falso que Judas / que un Judas de plástico* ('быть Иудой, быть лживее, чем Иуда / чем Иуда из пластика').

Общая положительная оценка доброго, сострадательного человека, всегда готового помочь, содержится в семантическом деривате *ser un cirineo* (букв. 'быть

киринеянином), персонажем Нового Завета, Симоном Киринеянином, который помог Христу нести крест на Голгофу.

Имена святых. Имя святого Бернарда Клервосского, цистерцианского монаха, средневекового богослова и мистика, проповедовавшего воздержание во всем, употребляется для выражения гедонистической оценки *comer con salsa de San Bernardo* (букв. 'есть с соусом Святого Бернардо', перен. 'есть с большим аппетитом любую пищу'), содержащей аллюзию на пословицу *La mejor salsa es el hambre* ('Голод – лучший соус'). Имя святого Лаврентия, архидиакона римской христианской общины, заживо изжаренного на железной решетке, служит для выражения эмоциональной оценки человека, страдающего от сильной жары: *asarse como San Lorenzo* (букв. 'жариться как святой Лаврентий').

Инверсия моральных ценностей приводит к тому, что причастность к божественному, святость может стать синонимом глупости. Так, сама лексема *santo* ('святой'), используется как для выражения общей положительной оценки, ассоциируя святость с добрыми делами, так и для отрицательной интеллектуальной оценки ('глупый, наивный человек'), где святость граничит с юродивостью: *santo varón* (букв. 'святой муж').

Рамки данной статьи не позволяют полно осветить весь инвентарь десакрализованной оценочной лексики и фразеологии. Следует отметить разнообразие самих оценочных значений, характерных для рассматриваемых дериватов и фразеологизмов. Религиозный элемент становится либо форматом общей оценки, либо частных этических, эстетических, психологических, нормативных положительных и отрицательных оценок, либо выступает в качестве интенсификатора того или иного оценочного значения. Во многих случаях использование религиозной лексики в оценочных номинациях служит средством создания комического. Проанализированный языковой материал свидетельствует о том, что для испанского языкового сознания характерна инверсия моральных ценностей, обусловленная карнавальным восприятием действительности, свойственным барочному мироощущению, а также особенностями западной смеховой культуры. В теории остроумия Б. Грасиана, определяющей эстетику барокко, важную роль играют образные средства языка, служащие «как бы материалом и основой, на которой возводит свои красоты остроумие» [Грасиан 1977: 288]. В русской ментальности смех входит в конфликт с православной совестью, не позволяющей шутить или иронизировать над сакральным. С.С. Аверинцев в статье «Бахтин и русское отношение к смеху» отмечает, что в русском языке слово *смех* рифмуется со словом *грех*, и приводит пословицу *Где смех, там и грех* (варианты: *Мал смех, да велик грех; Навели на грех, да и покинули на смех; И смех, и грех; И смех наводит на грех*). В западной же культуре карнавальное раскрепощение личности означает, что смеяться можно и нужно, даже когда нельзя [Аверинцев 1993: 341].

Подытоживая вышесказанное, можно утверждать, что десакрализация религиозной лексики является важным источником формирования испанской оценочной картины мира, и, несмотря на присущую ей инверсию моральных ценностей и направленность на достижение комического эффекта, также может передавать информацию о ценностях и антиценностях человеческого бытия.

Литература

Аверинцев С.С. Бахтин и русское отношение к смеху // От мифа к литературе: Сборник в честь 75-летия Е.М. Мелетинского. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1993. С. 341–345.

Гак В.Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими фразеологизмами) // Вопросы языкознания. 1997. № 27. С.55–59.

Гак В.Г. Десакрализация библеизмов в романских языках // Res Philologica II. Филологические исследования. Сб ст. памяти акад. Г.В. Степанова. К 80-летию со дня рождения. СПб.: Петрополис. 2001. С. 56–66.

Грасиан Б. Остроумие, или искусство изощренного ума // Испанская эстетика. Ренессанс, барокко, просвещение. М.: Искусство, 1977. С. 169–464.

Зыкова И.В. Культура как информационная система: Духовное, ментальное, материально-знаковое. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. 368 с.

Лаврентьева А.С. Десакрализация образов святых в испанском фольклоре // Rhema. 2017. № 1. С. 61–79.

Красных В.В. Психолингвокультурология как наука о человеке говорящем сквозь призму лингвокультуры // (Нео)психолингвистика и (писихо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. И.А. Бубнова, И.В. Зыкова, В.В. Красных, Н.В. Уфимцева / под ред. В.В. Красных. М.: Гнозис, 2017. С. 183–261.

Мед Н.Г. Национально-культурная специфика оценочных фразеологизмов (на материале испанской разговорной речи) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 66. С. 68–74.

Сингаевская А.В. Национально-культурное своеобразие испанских фразеологизмов с компонентом-антропонимом // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. Грамота. 2014. № 4(34). Ч. II. С. 178–184.

Тарасов Е.Ф. Проблема анализа содержания общечеловеческих ценностей (проект) // Вопросы психолингвистики. 2012. № 1(15). 2012. С. 8–17.

Calero Fernández M.A. Jesús y María en la fraseología religiosa del español y del catalán // Paremia. 1999. № 8. P. 76–84.

Calero Fernández M.A. Personajes y episodios bíblicos en las locuciones y frases hechas del español y del catalán // Paremia. 2000. № 9. P. 50–60.

Mellado Blanco C. Locuciones y proverbios de origen bíblico: creación y difusión en alemán y español // Revista de Letras (Centro de Humanidades Universidade Federal do Ceará/UFC – Fortaleza-CE). 2017. № 36. Vol. (1). P. 52–69.

Yongsheng J., Luque Durán J. Un capítulo de linguoculturología: Las comparaciones estereotipadas de carácter cultural en español y chino // Language Design. 2017. № 19. P. 205–227.

Zholobova A. Unidades fraseológicas de origen bíblico en español y ruso. Tesis Doctoral. Universidad de Granada [Manuscrito]. 2011.

Словари

Философия: энциклопедический словарь под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1072 с.

Buitrago Jiménez A. Diccionario de dichos y frases hechas. Madrid: Espasa, 2004.

Dios Luque J., Pamies A., Manjón F.J. Diccionario del insulto. Barcelona: Ediciones Península, 2000.

Martín J. Diccionario de expresiones malsonantes del español. Léxico descriptivo. Madrid: Ediciones Istmo, 1974.

Varela F., Kubarth H. Diccionario fraseológico del español moderno. Madrid: Gredos, 1994.

Источники примеров

Colmena – Cela C.J. La colmena. Madrid: Alianza Editorial, 1992.

CREA – Corpus de referencia del español actual [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rae.es/banco-de-datos/crea> (дата обращения: 15.07.2019).

Es España la que está hecha un “Ессе Homo” [Электронный ресурс]. URL: <https://rosamariaartal.com/2012/08/23/es-espana-la-que-esta-hecha-un-ecce-homo/> (дата обращения: 10.05.2022).

Jarama – Sánchez Ferlosio R. El Jarama. Barcelona: Destino, 1994.

¡La Biblia en verso!» [Электронный ресурс]. URL: https://www.tripadvisor.es/ShowUserReviews-g315921d995810-r270167829-El_Motel_Restaurant_Figueres_Province_of_Girona_Catalonia.html (дата обращения: 30.03.2021).

La hostia [Электронный ресурс]. URL: https://elpais.com/elpais/2013/12/19/opinion/1387458280_089426.html (дата обращения: 18.02.2021).

Manager – Vázquez Montalbán M. La soledad del manager. México: Planeta, 1987.

Mario – Delibes M. Cinco horas con Mario. Moscú: Editorial Progreso, 1978.

Nancy – Sender R.J. La tesis de Nancy. Madrid: Magisterio Español, 1988.

Piqué: “Jugar con Messi es la hostia” [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sport.es/es/noticias/barca/pique-jugar-con-messi-hostia-5755443> (дата обращения: 25.04.2018).

Un adefesio hecho catedral [Электронный ресурс]. URL: https://www.tripadvisor.es/ShowUserReviews-g187514-d501698-r161281077-Catedral_de_Sta_Maria_la_Real_de_la_Almudena-Madrid.html# (дата обращения: 17.09.2022).

Сведения об авторе:

Мед Наталья Григорьевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романской филологии Санкт-Петербургского университета.

Контактная информация:

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9

ORCID: 0000-0002-8232-3481

email: natalia_med@mail.ru

Для цитирования:

Мед Н.Г. Языковая десакрализация в испанской оценочной картине мира (на материале лексики и фразеологии) // Вопросы психолингвистики. № 4(54). 2022. С. 58–71. doi: 10.30982/2077-5911-2022-54-4-58-71

UDC 811.134.2

LBC 81.2

DOI 10.30982/2077-5911-2022-54-4-58-71

Research article

LINGUISTIC DESACRALIZATION IN THE SPANISH EVALUATIVE VIEW
OF THE WORLD
(A CASE STUDY OF VOCABULARY AND PHRASEOLOGY)

Natalia G. Med

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract

The article deals with the linguistic desacralization in vocabulary and phraseology of the Spanish language. Spanish evaluative view of the world is the object of the study. Desacralized semantic derivatives and phraseological units participating in the formation of evaluating meaning are the subject of research. The research material was collected from Spanish dictionaries of colloquial speech, modern phraseological dictionaries of the Spanish language, literary texts of Spanish writers of the 20th century, texts from Spanish newspapers and blogs. The analysis of dictionary definitions, semantic and contextual analysis were used as the main analytical methods of the research. The purpose of the study was to identify the semantic fields related to religious sphere which were the object of desacralization and to find different types of positive and negative linguistic evaluation in the semantics of the studied vocabulary and phraseological units. The results of the study showed that linguistic desacralization of vocabulary and phraseology covers the following semantic fields: the names of confessional signs, religious attributes, religious objects, the Bible books and biblical characters, the names of saints, the names of church traditions, rituals, holidays, church buildings, the names of church positions and clergy. Desacralized religious vocabulary is either the formator of general and private evaluations characterizing a person and the surrounding world or it is the intensifier of the evaluative meanings. Spanish linguistic consciousness is characterized by the usage of desacralization technique to create a comic effect. Inversion of moral values inherent in Spanish linguistic consciousness is due to baroque aesthetics and the peculiarities of the Western laughter culture. The important conclusion of the study is that linguistic desacralization embracing loss and depreciation of the sacral component of the semantics of a word or phraseological unit is capable of conveying information about values and anti-values of human existence.

Keywords: the Spanish language, evaluative view of the world, religion, desacralization, vocabulary and phraseology

© Med N.G., 2022

Binotes:

Natalia G. Med – Doctor of Philology (Linguistics), Professor, Saint-Petersburg State University, Faculty of Philology, Department of Romance Philology.

Contact information:

Universitetskaya nab., 7/9, Saint-Petersburg, 199034

ORCID: 0000-0002-8232-3481

email: natalia_med@mail.ru

For citation:

Med N.G. Linguistic desacralization in the Spanish evaluative view of the world (a case study of vocabulary and phraseology) // *Journal of Psycholinguistics*. 4(54). 2022. P. 58–71. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2022-54-4-58-71 (in Russian)

ЯЗЫК – ЭМОЦИИ – СОЗНАНИЕ – КУЛЬТУРА В ТЕОРИИ А. ДАМАСИО

Мягкова Елена Юрьевна

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Тверь, Россия

Аннотация

Автор рассматривает теоретические основания психолингвистических исследований, заложенные на первом семинаре по психолингвистике под руководством А.А. Леонтьева (1966 г.). Базой для этих исследований стала разработанная в психологии теория психики, учитывающая историческую природу психики и ее историческую обусловленность, а также активность живого организма по отношению к окружающей среде и единство физиологического и психологического. Краткий обзор новых направлений в исследованиях взаимосвязи эмоций и языка подводит к обоснованию необходимости поиска новых подходов к изучению этого феномена. Изложенные во второй части статьи основные положения теории чувств, разработанной нейробиологом Антонио Дамасио, хорошо согласуются с этими принципами и объясняют роль чувств в возникновении и становлении сознания и самости, а также в формировании культуры.

Ключевые слова: единство физиологического и психологического, эмоции, чувства, личность, культура

Введение

Еще на первом семинаре по психолингвистике, состоявшемся в Москве летом 1966 года, А.А. Леонтьев, давая обоснование необходимости единой теоретической трактовки речевой деятельности, указывал, что такая теория должна исходить из трактовки психики, господствующей в советской психологической науке. В ее основе «лежат представления: а) о социальной природе психики человека, б) об ее исторической обусловленности, в) об активности организма по отношению к окружающей среде (теория деятельности), д) о *единстве психологического и физиологического* в функционировании высшей нервной системы (высшие психические функции как результат формирования определенных физиологических образований; физиологические особенности высшей нервной системы человека как продукт исторического развития его психики)» [Леонтьев А.А. 1966: 6] (выделено мною. – *Е.М.*). В таком контексте индивидуальный опыт человека понимается как «эволюция внутренней психофизиологической организации индивида» [Там же: 5]: именно из этого необходимо исходить при определении как тематики психолингвистических исследований, так и в плане развития психолингвистической теории.

В материалах семинара, как представляется, были в основном заложены основания дальнейших психолингвистических изысканий в обоих этих направлениях. Стоит также привести здесь еще несколько высказываний участников этого исторического собрания, поскольку до настоящего момента их точки зрения оказываются важными для разработки методологии психолингвистики, особенно в свете ее современного состояния (которое можно было бы охарактеризовать как «ожидание теоретического прорыва»), с одной стороны, и с учетом новой насущной проблематики как теоретических, так и прикладных исследований, с другой. Так, Г.П. Щедровицкий указывает на два основных подхода к анализу деятельности: культурно-исторический и индивидуально-психический и считает, что учет разных, соответственно, предметов изучения дает «возможность подойти к структурному анализу речевой деятельности и процессов коммуникации» [Щедровицкий 1966: 8]. С.Д. Кацнельсон критикует подход к процессу речеобразования как к реализации внутренних потенций, заложенных в системе языка: такая трактовка не учитывает, что речь является носителем «мыслительной информации»; при этом «процессы генерации мысли и формирования речи так тесно переплетаются между собой, что в своих решающих фазах они образуют единый процесс генерации мысли-речи» [Кацнельсон 1966: 12]. Он понимает мышление как процесс актуализации элементов сознания, протекающий в формах речи, а сознание – как совокупность знаний, накопленных и накапливаемых при содействии языка» [там же: 12]. В то время едва ли можно было говорить о «самостоятельной теории психолингвистики» [Дубровский и др. 1966], ещё не вышли «Основы теории речевой деятельности» [Основы... 1974], но это было начало. На этом же семинаре обсуждались вопросы различных методик исследования понимания текста [Фрумкина 1966], семантического анализа [Брудный 1966], значения слова [Клименко 1966].

Со времени первого семинара по психолингвистике прошло более полувека, психолингвистика прошла большой путь и многого достигла (см.: [Российская психолингвистика... 2021]). Требования современности определили появление новых направлений исследования, в частности, в качестве объекта психолингвистики рассматривается функциональная неграмотность [Функциональная... 2022], вызывающая тревогу у всех, кого волнует судьба человечества. С феноменом функциональной неграмотности тесно связаны проблемы общей грамотности и, особенно, грамотности чтения (см., например, [Мягкова 2018; 2020; 2022]), при этом «под грамотностью (функциональностью) чтения предлагается понимать способность ученика к осмыслению письменных текстов и их рефлексии, к использованию их содержания для достижения собственных целей» [Васильева <http>]. Вопросы функциональности чтения целесообразно рассматривать в связи с задачами исследования внутреннего метаязыка. С одной стороны, успешность / функциональность чтения (и в целом уровень владения языком) зависит от степени сформированности «системы» внутреннего метаязыка (его «системность» определяется тем, что всякая мысль есть «сопоставление мыслимых объектов друг с другом в каком-либо отношении» [Сеченов 2001: 214] (курсив оригинала. – Е.М.)). С другой стороны, результат чтения определяется также соответствием внутренних моделей нормам «внешнего» языка, в противном случае понимание невозможно. Еще один аспект проблемы функциональной неграмотности связан с нейропсихологией – учетом специфики организации работы мозга: если синаптические связи не используются, они деактивируются. Как указывает В.А. Пищальникова, «...экспериментально доказано, что мозг человека не может эффективно функционировать, если у него в ран-

нем детстве не сформирована чисто человеческая способность к отложенному вознаграждению – важный механизм когнитивного контроля, позволяющего корректировать поведение в соответствии с целями и обстоятельствами. А если такого механизма нет, воспитать функционально грамотных людей невозможно» [Пищальникова 2022а: 34]. Кроме того, необходимость исследования проблем функциональной неграмотности делает актуальной дальнейшую разработку вопросов, связанных с пониманием текста (см., например, [Аверьянова, Щербакова 2002; Кружилина 2014, 2022]).

Язык и эмоции

Есть, однако, тематика, не исчезающая из языковедческих исследований самых разных направлений: это связь языка и эмоций. Количество работ, посвященных эмоциям в языке, постоянно растет (ср., например, обзоры в [Кремнева 2011; Мягкова 2000; 2020; Шаховский 2009] и др.). Тема взаимоотношений эмоций и языка – тема вечная, однако в последнее время можно наблюдать новые разнообразные направления исследований в этой области.

Так, популярным становится исследование эмоций в контексте «вынужденного» взаимодействия культур: Сара Ахмед, посвятившая свою книгу вопросам инкультурации и социализации иммигрантов, считает, что эмоции нельзя отделить от телесных ощущений, и показывает, как это можно подтвердить анализом текстов [Ahmed 2014: 22]; она исследует «фигуры речи», которые, по ее мнению, имеют первостепенное значение в формировании эмоционального настроения текста. В частности, показано, как эти «фигуры речи» «работают» в тексте и как эмоциональность текста оказывается одним из способов усиления его воздействия на аудиторию.

Начинает формироваться еще одно направление – эмоции в преподавании: несмотря на то, что роль и специфика проявления эмоциональных явлений в указанной сфере исследованы, по-видимому, значительно меньше, чем в других областях, этот аспект чаще всего упоминается как исключительно важный и заслуживающий большего внимания [Zembylas 2005: 465].

Весьма популярным в последние годы стало исследование эмоционального интеллекта: сам этот термин появился в научном обиходе в 1990 году [Fernandez-Bertrócal, Extremera 2006]. В этой работе, которая содержит обзор теоретических и эмпирических исследований за первые 15 лет истории изучения эмоционального интеллекта, приводятся данные по количеству публикаций в этой сфере, а также указывается, что более 600 из них уже стали «хитами» и охватывают самые разные области, включая здравоохранение, кадровую политику, спортивную психологию, культурную психологию, различные виды экспертизы и пр. Эмоциональный интеллект подразумевает способность правильно воспринимать, оценивать и *выражать* эмоции (используя, в частности, средства языка), способность использовать и осознавать эмоции в мыслительной деятельности, а также способность контролировать и регулировать эмоции, обеспечивая эмоциональный и интеллектуальный рост [Mayer, Salovey 1997: 10]. В настоящее время разработаны модели эмоционального интеллекта [Mayer, Salovey 1997; Mayer, Caruso, Salovey 1999; Bar-On 2000], которые находят применение в разных прикладных областях. Четырехкомпонентная модель, предложенная в [Mayer, Salovey 1997] предполагает, что люди отличаются друг от друга по степени владения названными навыками, а эти различия, в свою очередь, проявляются (с определенными позитивными и/или негативными последствиями) дома, в школе, на работе и в общественных отношениях.

Интересные разработки имеются и в области взаимодействия человека с компьютером: в работе [Volkova 2010] рассматривается возможность применения системы смыслового анализа (SA) для повышения эмоциональности взаимодействия человек–компьютер.

Все чаще к проблеме эмоций обращаются при исследовании билингвизма и многоязычия. А. Павленко ставит своей целью показать, что связанные с эмоциями слова необходимо рассматривать как отдельный класс слов в ментальном лексиконе, так как они репрезентируются и обрабатываются не так, как абстрактные и конкретные слова. Кроме того, эмоциональные концепты могут варьироваться в зависимости от языка, и у билингвов могут отличаться от концептов, сформированных у монолингвов. Автор считает, что эмоциональность является важнейшей характеристикой лексикона билингвов, в котором разные языки и разные типы слов проявляют разные степени эмоциональности [Pavlenko 2008: 147]. А. Павленко различает два основных типа связанных с эмоциями слов: слова-эмоции (EMOTION WORDS непосредственно указывают на конкретные эмоциональные состояния, например, *happy, angry*) и эмоционально заряженные слова (EMOTION-LADEN WORDS выражают эмоции, например, *loser, darling*). В первую категорию не попадают связанные с эмоциями слова (EMOTION-RELATED WORDS, например, *tears*). Границы между этими категориями не являются жесткими: слова могут переходить из одной категории в другую (в зависимости от контекста/ситуации), а также могут приобретать эмоциональные характеристики в речи [Там же: 149] (ср. обсуждение классификаций эмоциональной лексики в [Мягкова 2000]). Обсуждению вопросов, затронутых в исследовании А. Павленко, посвящен специальный номер журнала “Bilingualism: Language and Cognition” (см., например, работы [Paradis 2008; Wierzbicka 2008] и др.). Как указывает М. Парадис, аффект играет важную роль в снижении барьера активации любой репрезентации [Paradis 2004]. И это означает, что с любыми изменениями (переходом в другой социальный статус, изменением образа жизни, переездом из города в сельскую местность или наоборот) концепты, стоящие за называющими эмоциями словами, и эмоции, которыми могут быть “нагружены” слова, меняются, и носителю языка при этом даже не приходится осваивать иностранный язык [Paradis 2008: 183].

Специальный выпуск журнала Russian Journal of Linguistics (Вестник РУДН, серия: лингвистика) также посвящен проблемам взаимодействия языка и эмоций в дискурсивно-прагматической перспективе. Авторы вступительной статьи отмечают, что в прошлом столетии лингвистика в основном занималась изучением референциальной функции языка и лингвистического кода как такового: язык рассматривался как абстрактный и логичный инструмент для работы с фактической информацией. Тот факт, что язык осложнен эмоциями и сильно зависит от эмоций, почти полностью игнорировался. Но к концу XX – началу XXI века представители основных направлений научных исследований стали приходить к мысли о том, что язык/дискурс – это нечто большее, чем код или некоторые грамматические, морфологические или фонологические правила [Alba-Juez, Larina 2018]. Таким образом, лингвистика совершила то, что теперь называется «эмоциональным поворотом» [Le Doux 2000]. Авторы статьи подчеркивают, что эмоции, безусловно, являются «важной составляющей любого типа общения и пронизывают все уровни языка и каждую систему дискурса» [Alba-Juez, Larina 2018]. Более того, как отмечают многие авторы, каждое слово может приобрести эмоциональный заряд в дискурсе [Мягкова 2000, Шаховский 2008].

Представления о соотношении биологического и психического

Представляется, однако, что дальнейшая разработка проблемы взаимоотношений языка и эмоций невозможна без учета современных достижений нейробиологии, которые во многом подтверждают психологические теории, лежащие в основе отечественной психолингвистики. При анализе специфики эмоциональных характеристик слова необходимо исходить из представлений о слове как единице индивидуального лексикона.

Обсуждая специфику функционирования слова как единицы индивидуального лексикона, А.А. Залевская указывает, что «пользование словом обеспечивается “выходом” на определенный сегмент индивидуального образа мира во всем богатстве его связей и отношений при обязательной “помеченности” в плане эмоционально-оценочных переживаний, что подразумевает наличие перцептивно-когнитивно-аффективной природы того, что лежит за словом у индивида, к тому же выступающего как личность, включенная в определенное естественное и социальное окружение» [Залевская 2010: 176]. При этом «в критические периоды жизни общества возникают особые условия, позволяющие выявлять специфику психологической структуры значения слова, проследить ее динамику, обнаруживать пути “вращения” новых слов и значений в речевой обиход носителей языка» [Там же: 177]. Но в реальной жизни слова часто «на первый план выступает не денотативное значение слова, а увязываемые со словом “верования” и переживания, формирующие “поле” представлений и оценок, которое позволяет носителю языка успешно оперировать словом даже при отсутствии сформированного понятия. Такое поле должно поддаваться описанию и “измерению” с применением тех или иных экспериментальных процедур» [Залевская 1994: 12].

Если придерживаться такой точки зрения на слово и особенности его функционирования, особое значение приобретает понимание того, как овладевает языком ребенок. Л.И. Божович указывает, что «исследования аффективно-потребностной сферы ребенка <...> привели к выводу, что развитие этой сферы происходит принципиально по тем же самым законам, что и развитие познавательных процессов. Первоначально элементарные, непосредственные потребности ребенка, опосредуемые социально приобретаемым опытом, вступают в определенные связи и отношения с различными психическими функциями, в результате чего возникают совершенно особые психологические новообразования. В их состав входят и аффективные, и познавательные компоненты, что порождает специфичные только для них свойства. <...> К такого же рода новообразованиям, но еще более сложным, относятся, например, нравственные чувства, сознательно поставленные цели и намерения, убеждения, – словом, все высшие системные образования, которые характеризуют личность» [Божович 1988: 112]. Важно, что формирование эмоций связано с развитием потребностей (об этом говорил Л.С. Выготский в рамках культурно-исторической теории развития психики [Выготский 1983]), т.е. развитие потребностей и чувств – две стороны одного и того же процесса. Исследование Л.И. Божович «подтверждает мысль о том, что чувства, возникающие в процессе социального развития человеческих потребностей (нравственных, эстетических, интеллектуальных и пр.), представляют собой новые по своей психологической природе системные образования. По сравнению с элементарными (“натуральными”) эмоциями они имеют качественно иное, опосредствованное строение, занимают иное место в структуре личности и выполняют иную функ-

цию в поведении, деятельности и психическом развитии человека. <...> Развитие аффективно-потребностной сферы проходит тот же путь культурно-исторического развития, что и познавательные процессы» [Божович 1988: 114]. Для Л.И. Божович самым интересным «была личность – человеческие страсти, аффекты, эмоции, чувства. И хотя ее теория личности построена преимущественно на других положениях культурно-исторической концепции, рискнем предположить, что “смыслообразующими” для нее были работы Л.С. Выготского по проблеме аффекта, которую, впрочем, сам он с проблемой личности непосредственно не связывал» [Прихожан, Толстых 1996: 68].

Л. Блум считает, что «сердцевину развития, которое приводит ребенка к языковому порогу на втором году жизни, представляет *интеграция аффекта, познания и социальных связей с другими людьми*. Дети овладевают языком прежде всего потому, что они пытаются установить межсубъектные отношения с другими личностями, чтобы разделять с ними свои чувствования и мысли» [Bloom 1993: 245] (выделено мною. – Е.М.). Усвоение слов изначально связано с эмоциональной жизнью ребенка, поскольку дети учатся языку для того, чтобы говорить о вещах, к которым относятся их чувства: о людях, объектах и событиях, составляющих причину и обстоятельства для возникновения эмоций. Но «выражение эмоций и усвоение слов требуют взаимодействия между познанием и аффектом, и результатом такого взаимодействия оказываются состояния нейтрального аффекта. Нейтральный аффект обеспечивает состояния внимания, необходимые для конструирования ментальных значений для планирования того, как *говорить* слова в актах выражения и для *научения* словам в актах интерпретации» [Там же: 263–264].

В теории А.Н. Леонтьева эмоции также занимали значительное место. Обсуждая проблемы, связанные с понятием образа мира, он писал: «Углубление познания требует снятия модальностей и состоит в таком снятии, поэтому наука не говорит языком модальностей, этот язык в ней изгоняется. В картину мира входят невидимые свойства предметов: а) амодальные – открываемые промышленностью, экспериментом, мышлением; б) “сверхчувственные” – функциональные свойства, качества, такие, как “стоимость”, которые в субстрате объекта не содержатся. Они-то и представлены в значениях! Здесь особенно важно подчеркнуть, что природа значения <...> – во всей совокупности человеческой практики, которая в своих идеализированных формах входит в картину мира. Иначе это можно сказать так: знания, мышление не отделены от процесса формирования чувственного образа мира, а входят в него, прибавляясь к чувственности» [Леонтьев А.Н. 1983: 260–261].

С идеями Л.С. Выготского хорошо согласуются теории А.Р. Лурии, С.Л. Рубинштейна и других ученых. Так, А.Р. Лурия говорил о том, что никакой подтекст невозможно понять без совместной актуализации эмоционально-интуитивных компонентов познания и задействования формально-логических операций [Лурия 2006]. Необходимость учета взаимообусловленности и взаимодействия когнитивных и эмоциональных процессов подчеркивает Л.М. Веккер [Веккер 1998].

Теория А. Дамасио: чувства, сознание, язык, культура

Обоснование этой необходимости и объяснение такой взаимообусловленности предложены в теории А. Дамасио [Damasio 1994, 2003, 2018; Дамасио 2018]. Последняя из указанных книг переведена на русский язык и в последнее время широко обсуждается, в частности, в связи с теорией М. Тернера и Ж. Фоконье (см., например,

[Cánovas http]). Как указывает автор, гипотеза соматических маркеров, предложенная Дамасио, а также его теория чувств, с учетом сетевой модели концептуальной интеграции, могут сделать вклад в более цельное представление об эмоциях, соединяя тело, мозг, разум и культуру. С точки зрения Дамасио, значение создается посредством нейронных репрезентаций стимула, тела и себя (self). Можно утверждать, что сетевая модель мышления М. Тернера и Ж. Фоконье снимает напряжение между разграничением отдельных компонентов эмоции и объединением их в единый опыт (пониманием переживания как цельного опыта). Эмоционально значимые объекты приобретают аффективное значение в рамках сети концептуальной интеграции. В процессе интеграции решающий вклад создают соматические маркеры. Избирательное восприятие телесных чувств (ощущений), так же как внешнее восприятие и проприоцепция, являются частью процесса концептуализации и способствуют созданию значения. Эмоция и когниция, чувства и концептуальная интеграция неразрывно связаны. Значение аффективно по своей природе [Указ. соч.].

В теории Дамасио центральное место занимает понятие гомеостаза: это фундаментальное свойство жизни, которое управляет всеми функциями клеток, неважно обособлены они, являются ли частью тканей, органа или сложной системы. В одном из своих интервью А. Дамасио говорит: «Обычно, когда люди слышат слово “гомеостаз”, у них оно ассоциируется с балансом или равновесием. И это неправильно, потому что если бы наш организм находился в состоянии постоянного “равновесия”, то был бы мёртв <...>. Равновесие – последнее к чему стремится природа» [Странный порядок... http]. Рассматривая историю гомеостаза и его современные теории, Дамасио подводит итог: гомеостаз нельзя рассматривать как способ поддержания status quo, наоборот, он является двигателем эволюции, путем к созданию защищенного клеточного пространства, в котором совершают свою работу каталитические циклы – и (в буквальном смысле слова) оживают [Damasio 2018: 48–49].

Это непрекращающееся движение проявляется и в становлении механизма эмоциональной сферы: на самом нижнем уровне организации гомеостаза находятся простые реакции (движение организма по направлению к объекту или от него, повышение или замедление активности и т.п.). Дамасио изображает «машину» гомеостаза в виде раскидистого дерева, ветви которого представляют разные уровни автоматической регуляции гомеостаза. Важно, что геном обеспечивает активность всех этих уровней еще при рождении (или вскоре после этого), и эти процессы не зависят от научения, хотя в течение жизни научение начинает играть значительную роль в том, когда и как эти процессы будут активированы. Роль процессов научения зависит от сложности реакции [Damasio 2003: 33–34]. Рис. 1 демонстрирует уровни автоматической регуляции гомеостаза – от самых простых к самым сложным.

Следующий этап формирования эмоциональной сферы – возникновение чувств, которые представляют собой следующий, более высокий уровень регуляции гомеостаза. По сути, на этом уровне собственно эмоции тоже представлены на разных уровнях, причем эти «ярусы» организованы по тому же принципу: они не похожи на матрешку, потому что та их часть, которая больше по объему (см. рис. 2) является не просто увеличенной (включенной в ее состав) меньшей частью [Указ. соч.: 37–38.]

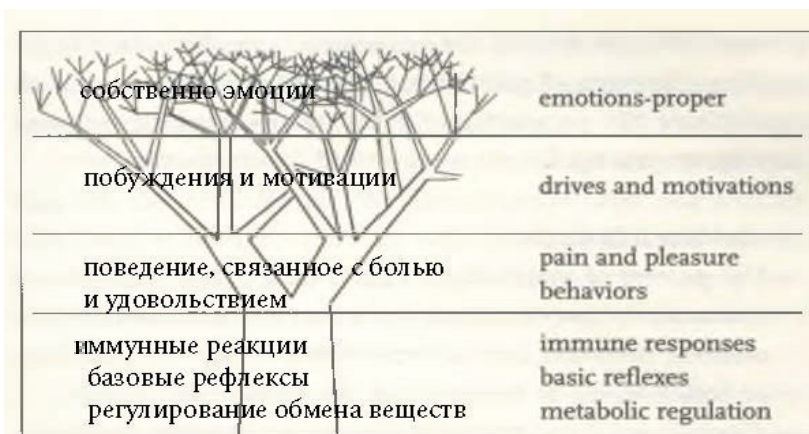

Рис. 1. Уровни автоматического гомеостаза от простого к сложному [Damasio 2003: 32].

Как указывает Дамасио, природа не настолько аккуратна: здесь соблюдается гнездовой принцип. Каждая из регуляторных реакций, которые показаны на рисунке, не представляет собой уникальный, кардинально отличающийся от других процесс, но, скорее, «собирается» по необходимости для конкретной ситуации [Там же: 38].

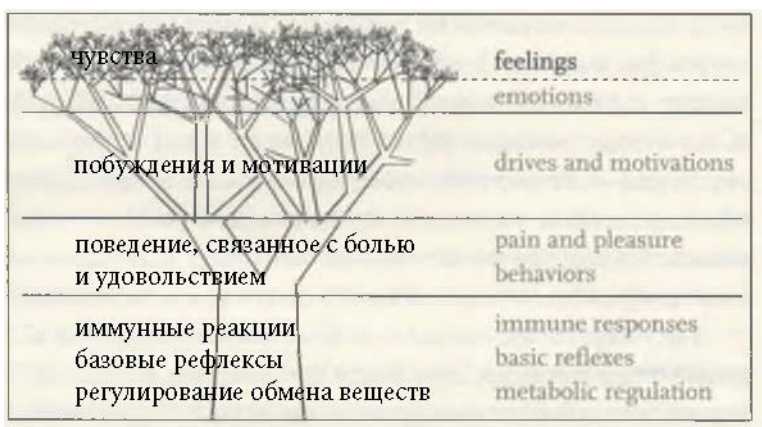

Рис. 2. Чувства, которые поддерживают ещё один уровень регуляции гомеостаза: они являются ментальным выражением всех остальных уровней регуляции [Damasio 2003: 37].

Следующая ступень классификации касается высшего уровня – собственно эмоций. Дамасио считает, что удобнее всего распределить собственно эмоции по следующим трем уровням: фоновые эмоции, первичные эмоции и социальные эмоции [Там же: 43]. Эта классификация представлена на рис. 3.

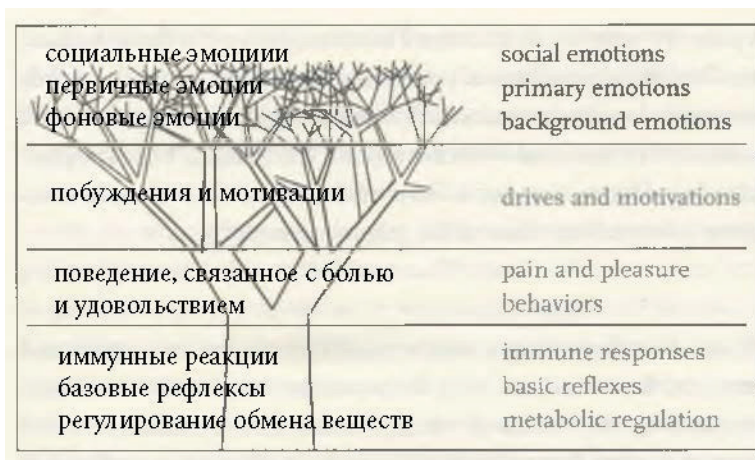

Рис. 3. Три вида собственно эмоций. Здесь также соблюдается гнездовой принцип: например, социальные эмоции инкорпорируют реакции, являющиеся частью первичных и фоновых эмоций [Damasio 2003: 45].

Существенным аспектом теории Дамасио является рассмотрение работы мозга в активации эмоциональной сферы. Следует понимать, что даже в том случае, если возникающая эмоциональная реакция неосознаваема, она, тем не менее, означает результат оценки ситуации организмом. «Одним из важнейших аспектов истории развития человека является то, как большинство объектов, окружающих наш мозг, становятся способными запустить какую-то эмоциональную реакцию, которая может быть слабой или сильной, хорошей или плохой, и может возникать на сознательном или бессознательном уровне» ([Указ. соч.: 55]; ср. со схемой эмоциональной сферы в [Мягкова 2010]).

Но все сказанное выше должно рассматриваться в контексте участия эмоциональных процессов в формировании культуры. В культурном развитии человека задействованы все его умственные способности, и в их числе А. Дамасио отдельно отмечает способность создавать образы, аффект и сознание – потому что невозможно представить себе «культурный разум», не обладающий ими [Damasio 2018: 165]. Он констатирует, что, к сожалению, аффект и сознание были несправедливо забыты в ходе рационалистической и когнитивной революции [Там же].

Возникновение и развитие человеческой культуры следует считать заслугой осознанных чувств и творческого интеллекта: если процессы, лежащие в основе того, что впоследствии стало осознаваться как боль, не были бы *пережиты*, они остались бы просто состояниями тела, каким-то обычным событием в работе организма. То же самое можно сказать и относительно радости, страха, печали и пр. *Пережить* – это значит почувствовать, то есть телесные изменения должны приобрести *ментальное лицо*, стать *субъективными*, а значит, *осознаваемыми* [Там же: 188]. «Чувства сфокусировали интеллект на определенных целях, расширили пределы его досягаемости и усовершенствовали его таким образом, что на свет появился культурный человеческий разум» [Там же: 191].

В теории Дамасио сознание начинается как чувство, но чувство особенное. Конечно, оно не похоже на другие чувства: это не зрительный или звуковой образ, оно не связано с какой-то конкретной модальностью. Мы не видим его и не слышим. Оно не пахнет и не имеет вкуса. Но, тем не менее, это чувство: оно ощущается как некая модель, встроенная в невербальные знаки телесных состояний [Damasio 2000]. Язык, в свою очередь, обеспечивает способность с точностью переводить мысли в слова и предложения – и наоборот, слова в мысли. Он помогает быстро классифицировать знания и дает возможность выражать простыми словами воображаемые конструкты или абстракции [Там же]. Но язык не есть сознание. Сознание – «это состояние психики, дополненное процессами» [Дамасио 2018: 181].

Само понятие гомеостаза связывает человечество с ранними формами жизни, а человеческую культуру – с видами поведения одноклеточных организмов. Дамасио говорит, что мы часто думаем о человеческой культуре как продукте наших знаний и интеллекта, но следует считать, что культура глубоко «встроена» в чувства: они направляют, контролируют и опосредуют все человеческие начинания (включая искусство, философию, религиозные убеждения, системы морали, право и многое другое).

«Между телом и мозгом нет дистанции, если тело и мозг взаимодействуют и образуют единый организм, то чувство – это не восприятие состояния тела в обычном смысле. Здесь нарушается двойственность субъекта и объекта, воспринимающего и воспринимаемого: в этой части процесса вместо этого возникает единство. И чувство – ментальный аспект этого единства» [Damasio 2018: 126].

Заключение

Теория А. Дамасио объясняет многие трудности, возникающие в ходе исследования функционирования языка как достояния человека, и хорошо согласуется с современными психолингвистическими теориями (см., например, [Залевская 2014]). Такое видение роли чувств в функционировании сознания и языка хорошо согласуется и с определенными на первом семинаре по психолингвистике основаниями психолингвистических исследований и которые должны приниматься во внимание в самых разных аспектах изучения названных феноменов. Учитывая роль эмоциональных процессов в нашей жизни, можно перефразировать знаменитое шекспировское «Нет ничего ни хорошего, ни плохого, все это – результат наших чувств». И мы должны их учитывать при исследовании всех сторон жизни человека и функционирования его живого языка.

© Мягкова Е.Ю., 2022

Литература

Аверьянова В.А., Щербакова О.В. Между текстом и читателем: инструментарий для изучения понимания имплицитных смыслов вербальных текстов. Часть 1 // Вопросы психолингвистики. № 3(53). 2022. С. 42–61.

Божович Л.И. О культурно-исторической концепции Л.С. Выготского и ее значении для современных исследований психологии личности // Вопросы психологии. 1988. № 5. С. 108–116.

Брудный А.А. Экспериментальные методы семантического анализа // Семинар по психолингвистике (30 мая – 1 июня 1966 г.): тезисы докладов и сообщений. М., 1966 (факсимильное переиздание). С. 55–56.

Васильева О.Ю. Четверть россиян не владеют функциональным чтением. [Электронный ресурс.] URL: <https://tass.ru/obschestvo/5413075?ysclid=15xqkm0tbs144159985> (дата обращения: 21.11.2022).

Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998. 685 с.

Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 3. Проблемы развития психики / Под ред. А.М. Матюшкина. М.: Педагогика, 1983. 368 с.

Дамасио А. Так начинается «я». Мозг и возникновение сознания / Пер. с англ. И. Ющенко. М.: Карьера Персс, 2018. 384 с.

Дубровский В.Я., Непомнящий Н.И., Сазонов Б.В., Щедровицкий Г.П. О методе анализа задач и предмета психолингвистики // Семинар по психолингвистике (30 мая – 1 июня 1966 г.): тезисы докладов и сообщений. М., 1966 (факсимильное переиздание). С. 24–26.

Залевская А.А. Вопросы выбора слов и заданий для экспериментального психолингвистического исследования // Слово и текст: актуальные проблемы психолингвистики. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1994. С. 12–19.

Залевская А.А. Значение слова в зеркале психолингвистического портретирования // Вестник Тверского государственного университета. 2010. № 5. Серия: «Филология». Вып. 3. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». С. 175–193.

Залевская А.А. Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова: монография. М.–Берлин: Директ-Медиа, 2014. 328 с.

Кацнельсон С.Д. Сознание – мышление – язык – речь // Семинар по психолингвистике (30 мая – 1 июня 1966 г.): тезисы докладов и сообщений. М., 1966 (факсимильное переиздание). С. 12–14.

Клименко А.П. Вопросы экспериментального изучения значений слов // Семинар по психолингвистике (30 мая – 1 июня 1966 г.): тезисы докладов и сообщений. М., 1966 (факсимильное переиздание). С. 65–67.

Кремнева А.В. Эмоциональная составляющая образа, стоящего за иностранным словом в лексиконе младшего школьника: монография. Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2011. 207 с.

Кружилина Т.В. Понимание текста детьми дошкольного возраста с учетом факторов социального окружения ребенка (экспериментальное исследование): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2014. 19 с.

Кружилина Т.В. Метаязыковая способность в онтогенезе в контексте функциональной неграмотности // Функциональная неграмотность как объект психолингвистики. Монография / Под ред. В.А. Пищальниковой. М.: «Р. Валент», 2022. С. 155–179.

Леонтьев А.А. О различии психологической основы психолингвистических исследований // Семинар по психолингвистике (30 мая – 1 июня 1966 г.): тезисы докладов и сообщений. М., 1966 (факсимильное переиздание). С. 5–6.

Леонтьев А.Н. Образ мира // Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. В 2-х т. Т. II. М.: Педагогика, 1983. С. 251–261.

Лурия А.Р. Лекции по общей психологии. СПб.: Питер, 2006. 320 с.

Мяглова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент психологической структуры значения слова: монография. Курск: Изд-во КГУ, 2000. 112 с.

Мяглова Е.Ю. Эмоциональная сфера человека и язык: подходы к исследованию // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Под ред. Н.В. Уфимцевой, В.В. Красных, А.И. Изотова. М.: МАКС Пресс, 2010. Вып. 40. С. 118–124.

Мягкова Е.Ю. Навык чтения и проблемы понимания текста // Языковое бытие человека и этноса: сборник научных трудов по материалам XV Березинских чтений (Москва, 25 мая 2018 г.) / под ред. В.А. Пищальниковой, Л.Р. Комаловой, Н.Н. Германовой. М.: ИНИОН РАН, 2018. Вып. 20. С. 83–94.

Мягкова Е.Ю. Беглое чтение и понимание текста как важнейшие условия формирования и развития когнитивных навыков современного человека // Язык для специальных целей: система, функции, среда: Сборник научных статей VIII Международной научно-практической конференции / Отв. ред. Е.Г. Баянкина. Курск: ЮЗГУ, 2020. С. 310–316.

Мягкова Е.Ю. Путь к функциональной грамотности: внутренний метаязык, его специфика, функции и связь с навыками беглого чтения // Функциональная неграмотность как объект психолингвистики. Монография / Под ред. В.А. Пищальниковой. М.: «Р. Валент», 2022. С. 129–154.

Основы теории речевой деятельности: коллективная монография. М.: Наука, 1974. 367 с.

Пищальникова В.А. Функциональная неграмотность: аспекты психолингвистического исследования (по материалам круглого стола XX симпозиума по психолингвистике) // Вопросы психолингвистики. 2022. № 3 (53). С. 32–41.

Прихожан А.М., Толстых Н.Н. «Интересная психология»: Л.С. Выготский и Л.И. Божович // Вопросы психологии. 1996. № 5. С. 63–72.

Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021): Коллективная монография / Научн. ред. И.А. Стернин, Н.В. Уфимцева, Е.Ю. Мягкова. М.: Институт языкознания–ММА, 2021. 626 с.

Сеченов И.М. Элементы мысли. СПб.: Питер, 2001. 416 с.

Странный порядок вещей: интервью с Антонио Дамасио. [Электронный ресурс.] URL: <https://zen.yandex.ru/media/rearticle/strannyi-poriadok-vescei-interviu-s-antonio-damasio-5ac363c0fd96b1a448da9ab2> (дата обращения: 28.10.2022).

Фрумкина Р.М. Понимание текста в условиях ограниченного знания словаря // Семинар по психолингвистике (30 мая – 1 июня 1966 г.): тезисы докладов и сообщений. М., 1966 (факсимильное переиздание). С. 40.

Функциональная неграмотность как объект психолингвистики. Монография / Под ред. В.А. Пищальниковой. М.: «Р. Валент», 2022. 216 с.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

Шаховский В.И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии: учеб. пособие по дисциплинам по выбору «Язык и эмоции» и «Лингвокультурология эмоций» для студ., магистрантов и асп. Ин-та иностр. яз. Волгогр. гос. пед. ун-та. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. 170 с.

Щедровицкий Г.П. О возможных направлениях изучения «речевой деятельности» // Семинар по психолингвистике (30 мая – 1 июня 1966 г.): тезисы докладов и сообщений. М., 1966 (факсимильное переиздание). С. 7–8.

Ahmed Sara. The Cultural Politics of Emotion. 2 ed-n. Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd, 2014. 256 pp.

Alba-Juez Laura, Larina Tatiana. Language and emotion: Discourse-pragmatic perspectives // Russian Journal of Linguistics (Special issue: The Discourse of Emotion), 2018. № 22 (1). P. 9–37.

Bar-On R. Emotional and social intelligence: insights from the emotional quotient inventory // R. Bar-On and J.D.A. Parker (eds.): *Handbook of emotional intelligence*. San Francisco: Jossey-Bass, 2000. P. 363–388.

Bloom L. The transition from infancy to language. Acquiring the power of expression. New York: Cambridge University Press, 1993. 350 p.

Cánovas C.P. Towards a theory of integrated emotions: Antonio Damasio and conceptual blending. [Электронный ресурс.] URL: www.neurohumanitiestudies.eu (дата обращения: 19.11.2022).

Damasio A.R. Descartes' error: emotion, reason, and the human brain. NY: Avon books, 1994. 313 p.

Damasio A.R. The feeling of what happens: body and emotion in the making of consciousness. NY: Mariner books, 2000. 400 pp.

Damasio A.R. Looking for Spinoza: joy, sorrow and the feeling brain. Orlando, Austin, NY, etc.: A Harvest book, Harcourt, Inc., 2003. 356 p.

Damasio A.R. The strange order of things. Life, feeling and the making of cultures. NY: Vintage books, 2018. 310 p.

Fernandez-Berrocal P., Extremera N. Emotional intelligence: A theoretical and empirical review of its first 15 years of history // *Psicothema* 2006. Vol. 18, suppl. P. 7–12.

LeDoux J.E. Emotion circuits in the brain // *Annu. Rev. Neurosci*, 2000. № 23. P. 155–184.

Mayer J.D., Caruso D.R., Salovey P. Emotional intelligence meets traditional standards for an intelligence // *Intelligence*, 1999, 27. P. 267–298.

Mayer J.D., Salovey P. What is emotional intelligence? // P. Salovey, D. Sluyter (eds.): *Emotional development and emotional intelligence: educational applications*. New York: Basic Books, 1997. P. 3–31.

Paradis M. A neurolinguistic theory of bilingualism. Amsterdam: John Benjamins, 2004. 293 p.

Paradis M. Bilingual effects are not unique, only more salient // *Bilingualism: Language and Cognition* 11 (2), 2008. P. 181–183.

Pavlenko Aneta. Emotion and emotion-laden words in the bilingual lexicon // *Bilingualism: Language and Cognition* 11 (2), 2008. P. 147–164.

Volkova E. PETaLS: Perception of Emotions in Text – a Linguistic Simulation: Master's Thesis in Computational Linguistics submitted to the Seminar für Sprachwissenschaft, Universität Tübingen. Tübingen, Germany, October 25, 2010. [Электронный ресурс.] URL: https://www.researchgate.net/publication/50402418_PETaLS_Perception_of_Emotions_in_Text_a_Linguistic_Simulation (дата обращения: 19.11.2022).

Wierzbicka A. A conceptual basis for research into emotions and bilingualism // *Bilingualism: Language and Cognition* 11 (2), 2008. P. 193–195.

Zembylas M. Beyond teacher cognition and teacher beliefs: the value of the ethnography of emotions in teaching // *International Journal of Qualitative Studies in Education*, 2005. Vol. 18. No. 4, July–August. P. 465–487.

Сведения об авторе:

Мягкова Елена Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка, перевода и французской филологии ФГБОУ ВО ТвГУ

Контактная информация:

170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33

e-mail: Myagkova.EY@tversu.ru

Для цитирования:

Мягкова Е.Ю. Язык – эмоции – сознание – культура в теории А. Дамасио // Вопросы психолингвистики. № 4 (54). 2022. С. 72–85. doi: 10.30982/2077-5911-2022-54-4-72-85

UDC 81'23

Review article

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-54-4-72-85

**LANGUAGE – EMOTION – CONSCIOUSNESS – CULTURE
IN A. DAMASIO'S THEORY**

Elena Yu. Myagkova

Tver State University

Tver, Russia

Abstract

The author characterizes theoretical foundations of psycholinguistic research formulated at the 1st seminar of psycholinguistics. Psychological theory of mental events became the basis for such kind of research. It took into account the historical character of mentality, its historical dependence, the active character of living organism within its environment and the unity of its physiological and psychological aspects. A short review of new research in emotion/language interrelations is given. The second part is devoted to the theory of feeling by Antonio Damasio. The theory closely agrees with the principles mentioned above and explains the role of feelings in the origin and formation of consciousness, self and culture.

Keywords: unity of physiological and psychological aspects, emotion, feelings, self, culture

© Myagkova E.Yu., 2022

Bionotes:

Elena Yu. Myagkova – Professor, Doctor of Philology, Chair of Language Theory, Translation and French Philology, Tver State University.

Contact information:

170100 Tver, ul. Zhelyabova, 33

e-mail: Myagkova.EY@tversu.ru

For citation:

Myagkova E.Yu. Language, emotion, consciousness, and culture in A. Damasio's theory // Journal of Psycholinguistics. 4(54). 2022. P. 72–85. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2022-54-4-72-85 (in Russian)

УДК 81'271, 159.9.07

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-54-4-86-99

Научная статья

ПОИСК И ВЫБОР СЛОВА В ХОДЕ ПОРОЖДЕНИЯ ТЕКСТА КАК МНОГОВЕКТОРНЫЙ ПРОЦЕСС

Норман Борис Юстинович

Независимый исследователь

Минск, Республика Беларусь

Аннотация

Статья анализирует процесс поиска и выбора слова в сознании говорящего (во внутренней речи). Приводится новый материал, подтверждающий участие парадигматических (семантических и формальных) оснований в выборе слова, а также влияние синтагматического фактора (сочетаемости). Вектор семантического поиска означает движение от замысла к лексическим кластерам, к группировкам синонимов – вплоть до выбора конкретной лексемы (*копна – скирда – стог; опрос – допрос*). Учитывается также использование описательных, перифрастических наименований (*медицинский скотч* вместо *пластырь*). Вектор формального поиска означает активизацию буквенно-звуковых связей, с опорой на слоговую структуру слова, консонантные группы и т.п., включая случаи использования омонимов и паронимов (вместо *термины – тернии*; вместо *панамки – помадки*). Особое внимание уделяется случаям явных обмолвок (оговорок). Синтагматическое влияние находит свое отражение в навязывании типичных лексических партнеров слова (к уже выбранному *сокровища* автоматически подыскивается партнер *остров*, к определению *губная – помада*). Синтагматические связи могут прогнозировать и довольно значительную часть текста (т.е. служат опорными точками при его порождении). Обращается внимание на специфику порождения текста в разных дискурсивных условиях, в том числе, в рамках отдельных жанров. Осознание взаимодействия формы и содержания слова впервые подробно иллюстрируется на примере разгадывания кроссвордов. Материалом исследования служат тексты русской художественной литературы (от А.П. Чехова до Т. Устиновой), а также собственные записи устной спонтанной речи и данные интернета.

Ключевые слова: говорящий, внутренняя речь, слово, порождение текста, жанры речи, синонимы, омонимы

Введение

В сознании говорящего под воздействием внешних и внутренних стимулов формируется замысел, и его предстоит воплотить в речевую единицу – высказывание. Одна из важнейших составляющих этого процесса – поиск нужных названий, выбор слов. А слово, как известно, – знак, обладающий двумя сторонами: планом содержания (значением) и планом выражения (формой, буквенно-звуковой оболочкой). И говорящий на этапе внутренней речи – не осознаваемого в прямом виде формирования будущего высказывания – имеет дело именно с этими двумя планами, онтологически противоположными, но подразумевающими друг друга.

Конечно, характер речевой деятельности во многом определяется психотипом говорящего. Личность рефлексивная, сомневающаяся, «витающая в облаках» может систематически испытывать затруднения в выборе номинации, вплоть до афатических расстройств. Вот характерный пример – самопризнание персонажа из романа А. Белого «Петербург»:

Я путаюсь в каждой фразе. Я хочу сказать одно слово, и вместо него говорю вовсе не то: хожу все вокруг да около... Или я вдруг забываю, как называется, ну, самый обыденный предмет; и, вспомнив, сомневаюсь, так ли это еще. Затвержу: лампа, лампа и лампа; а потом вдруг покажется, что такого слова и нет: лампа. А спросить подчас некого: а если бы кто и был, то всякого спросить – стыдно, знаете ли: за сумасшедшего примут.

А вот совершенно иной взгляд на язык и на процесс речепорождения. Это цитата из романа Владимира Набокова – признанного мастера языковой игры, который легко экспериментирует со словосочетаниями и купается в игре созвучий:

Мне нравилось – и до сих пор нравится – ставить слова в глупое положение, сочетать их шутовской свадьбой каламбура, выворачивать наизнанку, заставить их врасплох. Что делает советский ветер в слове ветеринар? Откуда томат в автомате? Как из зубра сделать арбуз. («Отчаяние»)

Но если говорить о процессе поиска и выбора слова в «усредненных», обыденных обстоятельствах, то ситуация словесного «блуждания вокруг денотата» [Ляпон 1992: 79–82] так или иначе знакома всем. Другое дело – что она редко становится предметом специального обсуждения. Перейдем к описанию фактического материала.

Поиск по линии плана содержания

Напомним сначала классический пример с «лошадиной фамилией» из рассказа А.П. Чехова. Перебор имен (*Кобылин? Жеребцов? Жеребятников? Лошадкин? Коренной? Коненко? Тройкин? Меринов?* и т.д.) – это, конечно, поиск, определяющийся семантической доминантой ‘лошадь’. Но есть другие литературные свидетельства – с иной, разумеется, доминантой, но совершенно аналогичные по сути. Вот одно из них, из повести Т. Устиновой «Пороки и их поклонники».

– Значит, вы согласны? – возликовал сосед Гаврила Романович. Архипов никак не мог вспомнить его фамилию. <...>

Как же его фамилия?.. Какая-то государственная фамилия – Гимнов или Гражданинов? <...>

Хорошо, что у него душа кедр, а не носорога. Была бы носорога, он бы сейчас кого-нибудь точно боднул. Например, Гаврилу Романовича – Думцева, Министерских, Беззаконова? <...>

Когда дверь захлопнулась, вспомнилась наконец неуловимая фамилия. Соседа звали Гаврила Романович Державный.

Державный, а вовсе не Беззаконных!

Симптоматично, кстати, что варианты *Беззаконов* и *Беззаконных* в данном контексте для говорящего – «одно и то же»: формальные тонкости роли не играют, поиск определяется заданным семантическим вектором.

Разумеется, этот вектор работает не только в случае с фамилиями. Более того, как раз имена собственные в меньшей степени попадают в светлый круг внимания говорящего – хотя бы потому что в большинстве случаев они деэтимологизировались (кто сегодня, кроме маленьких детей, вспомнит о том, что фамилия *Державин* связана с *державой*, а *Пушкин* – с *пушкой*?). Но за пределами онимов поиск нужной номинации означает всеобразный перебор кандидатов на известную синтаксическую роль. Это постоянный спутник речепорождения. Семантические доминанты, которые при этом определяют поиск, могут быть очень широкими – такими как ‘природа’ или ‘что-то восточное’, но могут и сводиться к довольно узкой лексико-семантической группе. Конечно, данный процесс занимает ничтожные доли секунды и сравнительно редко попадает «на выход», во внешнюю речь. Тем не менее, в художественной литературе подобные факты фиксируются.

Перед ним затемнело что-то большое, высокое и округлое вверху. Он передумал всякое, это представлялось ему даже огромной головой, хотя он уже понимал, что это **скирда, или стог, или копна** – как там называется... (А. Битов. Роль.)

Например, в восьмидесятом году познакомилась я с очень интересным мужчиной; он в Доме культуры «Строитель» вел кружок... **то ли баянистов, то ли аккордеонистов** – сейчас уже не вспомню. (В. Пьецух. Потоп.)

Семантический вектор поиска нужной номинации означает для говорящего определенную свободу действий, но подчеркнем, что эта свобода существует в пределах, заданных замыслом. Симптоматичен в данном плане ответ И. Ильфа и Е. Петрова на вопрос о том, как происходит их совместное литературное творчество (выделение в скобках наше. – *Б.Н.*):

Как мы пишем вдвоем? Вот как мы пишем вдвоем: «Был летний (**зимний**) день, когда молодой (**уже немолодой**) человек (**-ая девушка**) в светлой (**темной**) фетровой шляпе (**шляпке**) проходил (**проезжала**) по шумной (**тихой**) Мясницкой улице (**Большой Ордынке**)». Все-таки договориться можно.

Очевидно, каждый из соавторов имеет право на свое видение мира, однако общая рамка замысла уже задана: может происходить только та или иная его детализация.

В рамках семантических связей следует рассматривать и словообразовательное варьирование: говорящий уже выбрал корневую морфему, но с помощью префиксов или суффиксов формирует, уточняет ее лексическое значение. Примеры:

Купив без очереди кружку пива, Социолог предпринял попытку внедриться в какую-нибудь питейную группу и начать конкретное исследование путем профессионально разработанного **допроса**... тьфу, черт возьми, эту дурную привычку, ... **опроса**. (А. Зинovieв. Зияющие высоты.)

...Ежели мотылек рождается для полета, то личность – для счастья. Ты не **личность**, роняет он, ты – **личинка**. (С. Соколов. Тревожная куколка.)

ЭСФИРЬ. ...И вот пожалуйста, она две недели как приехала, а он вчера ей сделал предложение. И сегодня они пошли подавать эту **заявку**... **заявление**... да! Она в него сразу влюбилась, с первого взгляда! (Л. Улицкая. Мой внук Вениамин.)

Доминирующая роль семантических связей в лексической системе очень хорошо обнаруживает себя при наблюдениях над спонтанной устной речью. Примеры такого

рода можно найти уже в новаторском для своего времени сборнике [Русская разговорная речь 1973], например:

...Ну там позавтракали/ и сели на автобус бахчисарайский// Он идет до Бахчисарая/ но нам надо было проехать примерно две трети пути// Ну/ дорога все время **зигзагами/ этим серпантинном/** я раньше не знала/ что есть такое название серпантин//

...Потому что/ обычно/ когда играешь/ то думаешь **о левой/ о правой** руке// Правой руке больше поручено гораздо//

Ну я главным образом по цветоводству конечно/ у меня цветов было на участке очень много всевозможных// Я была **болельщик**// Знаете когда мы приехали/ муж тогда был жив конечно// И э-э... на участке ничего не было/ я стала... это... цветы сажать... (*болельщик* – вместо *энтузиаст*; выделение в примерах везде наше. – Б.Н.).

Аналогичный материал анализируется в работе [Цейтлин 2015]; в большом разнообразии подобные факты представлены сегодня в Интернете, на сайте народного словесного творчества AdMe. Приведем несколько примеров.

• Вчера в переписке по WhatsApp с заболевшей подругой.

Она: «Все, я старая развалина».

Я: «Ты не развалина, ты...» – и ступор. Крик мужу: «Серег, как называются старые вещи?»

Он: «Хлам».

Я: «Нет, дорогие, произведения искусства и т.п.»

Он: «Антиквариат».

Вот так, пока писала, забыла слово «антиквариат». © [Olga_S / AdMe](#)

• Был у кумы кот, звали Плаксик. Ей нужно было уехать, я ходила кота кормить. И в один прекрасный день у меня вылетело из головы, как его зовут. В итоге ходила и звала: «Печалька! Печалька!» © [Юлия Кулагина / Facebook](#)

• Мой сын (на тот момент 12 лет) рассказывает: «На уроке английского мы проходили м-м-м-м... А! Плачевные предложения – вот что!» После долгих объяснений поняли, что он имел в виду страдательный залог. © [Ksaverija / AdMe](#)

Загруднения, возникающие в процессе поиска слова, могут приводить либо к созданию словообразовательных окказионализмов, описательных наименований, либо просто к обмолвкам, случаям ошибочной номинации. Сначала примеры с того же сайта AdMe.

• Моя жена – доктор ядерной физики. Помнит массы пионов и мионов, любую постоянную величину до десятка цифр после запятой. Но слова забывать – это любимое хобби. Поэтому у нас дома есть «куб на колесиках», «труба с водой», «мохнатая штукovina на полу» и «вон та штукovina, на которой такая другая штукovina, которая похожа на... а ладно, сама возьму». © [Гриб Мухомор / AdMe](#)

• Часто забываю свой возраст, иногда вылетают из памяти какие-то элементарные слова, но вспоминаются на других языках, этим спасаюсь. На последнем совещании не смогла вспомнить слово «коллеги» и начала с «уважаемые люди, которые тоже тут работают». © [Комментаторка / AdMe](#)

• Постоянно забываю слово «пластырь». Приходится объяснять: «Дайте этот, как его... медицинской скотч! Ну я слово забыла, ну вы же поняли». © [MadNat / Pikabu](#)

Любопытен комментарий редактора (или системного администратора) к этим записям: «Мы в AdMe.ru уверены, что небольшие казусы с памятью – это не повод стесняться, а возможность создать новые слова и потренироваться в искусстве подбора синонимов». Иными словами, перед нами – не отходы работы речедеятельностного механизма, а индивидуальный творческий продукт!

Случаи сбоев, обмолвок, ошибочных номинаций попадают и в художественные тексты. Они используются для подтверждения спонтанного, неподготовленного характера речевого акта, а также для демонстрации уровня речевой культуры персонажа, например:

КОЛЯ. ... Даже вот этих вот жуков собирать кучу целую, собирать, да? Посушить их, на иголочку вот так вот натякнуть – раз! – покрывать лаком потом и продавать на базаре этим... ну, как их? **Нумизматам**, вот!

ЗОЯ. Кому-у?

КОЛЯ. Ну, этим... Ну, тем, кто их собирает... (Н. Коляда. Колдовка; слово *нумизмат* употреблено вместо *коллекционер, собиратель, энтомолог*...)

– ... Тут начались, как говорится, мои университеты, и, честно скажу, с мужским контингентом мне **настоячиво** не везло. Никак не попадался мне в жизненном пути хозяин, опора... (В. Пьецух. Потоп; *настоячиво* – вместо *решительно*.)

– ... Он один ключ хорошо сделал, как раз который сложный, а второй не очень, его все время в замке... **закусывает**. Это тетя так говорила. (Т. Устинова. Пороки и их поклонники; *закусывает* – вместо *заедает*.)

Естественно, группировка слов в нашем сознании по тематическому принципу не исключает того, что одна и та же лексическая единица может одновременно входить в разные кластеры: скажем, слово *котна* может актуализироваться при работе с кластерами «сельское хозяйство», «волосы», «конусообразные массы» и т.п. В этом – одно из проявлений многомерности лексической системы. На тех же примерах мы можем наблюдать другое ее свойство: способность к аппроксимации, к приблизительным номинациям. Так, в следующем примере некто употребляет в своей речи словосочетание *полные вилы* (с угрозой). А в речи собеседницы это выражение превращается в *длинные грабли*:

– Ты, курочка, язычок свой прикуси и слушай, – сказали в трубке весело, – если твой козырь из Москвы хоть шаг шагнет, будут ему **полные вилы**. Последние дни дожидает. И не крутись ты, курочка, а слушай!..

<...>

– Он сказал про детей. Мне надо позвонить, Дмитрий Андреевич.

– Кто сказал?

– По телефону... Он сначала сказал, что вы в Киев ехать не должны, или будут вам...

длинные грабли. (Т. Устинова. Саквояж со светлым будущим.)

Определение *полный* отложилось в памяти как *Magn*, т.е. ‘большой, сильный, максимальный’, а сельскохозяйственный инструмент *вилы* трансформировался в другой предмет из той же области *грабли*. Поиск лексической единицы идет в направлении от общего – к частному, и подобных примеров можно привести множество. По данному поводу стоит в очередной раз вспомнить слова А.М. Пешковского: «Совершенно случайные обмолвки открывают иной раз глубокие просветы в области физиологии и психологии речи» [Пешковский 1959: 52].

Но параллельно механизмам семантического поиска в сознании говорящего активируются и формальные связи. Рассмотрим их подробнее.

Поиск по линии плана выражения

В процессе воплощения мысли в текст свою роль играют и формальные корреспонденции [Цейтлин 2015: 208–209; Норман 2018: 43–44 и др.]. Покажем сначала на литературных примерах, как говорящий идет на поводу звуковых (или буквенных) ассоциаций: в конкретном случае он оказывается в плену у консонантных созвучий.

– ...Как такие слова называются, которые непонятны? – скромно спросил Копенкин.

– **Тернии** или нет?

– **Термины**, – кратко ответил Дванов. (А. Платонов. Чевенгур.)

– Тебе повезло, – кричит, – нашли узбека. Мишук его нашел... Где? Да на Кузнечном рынке. Торговал этой... как ее... **хохломой**.

– Наверное, **пахлавой**?

– Ну, пахлавой, какая разница... (С. Довлатов. Чемодан.)

Интересно, как можно за десять минут ознакомиться с таким левиафаном?

Последний вопросительный знак, увы, относится к Симочкиным пробелам: всю жизнь она путала «**фолиант**» с «**левиафаном**». (В. Аксенов. Скажи «изюм»!)

...Он тут же догнал своего нового знакомого и, опять приноровившись к чужому шагу, восхищенно заметил:

– Ты ходишь, как **ублюдок**... То есть, я хотел сказать, как **верблюдо**. (С. Родионов. Долгое дело.)

В подобных ситуациях фонетическое сходство слов носит разовый характер, поэтому данные слова нельзя считать паронимами. Однако можно обнаружить при этом некоторые собственно языковые закономерности, по-своему провоцирующие обмолвки: это сходство слоговой структуры слов, а также опора на редкие и «выразительные» согласные – такие как [х], [ф], [ц], [ш], [р] и др.

В то же время известны примеры повторяющихся, регулярных (и в этом смысле – системных) сбоев: это случаи смешения слов вроде *ветеран* и *ветеринар*, *дипломат* и *дипломант*, *распутица* и *распутница*, *талан* и *талант*, *априорный* и *эмпирический*, *крамольный* и *криминальный* и т.п. Эти примеры традиционно считаются паронимами и многие из них в качестве таковых и фиксируются в словарях паронимов.

Естественно, аналогичные сбои представлены и в реальной устной речи. В собранном нами материале зафиксированы, в частности, следующие факты:

– Эта твоя колбаса, как ее – **преферанс**, что ли... забери ее (женщина, со средним образованием, примерно 55 лет; *преферанс* – вместо *сервелат*).

– Мама знаешь, чем чистила линолеум... этим, как это называется... не **пастила**... это... **мастика** (женщина, с неполным средним образованием, примерно 60 лет).

– пляж, вокруг дети все в **помадках**... (женщина, со средним образованием, примерно 35 лет; *в помадках* – вместо *в панамках*).

Исследователи многократно подчеркивали, что опора на единицы плана выражения при речепорождении представляет собой маргинальный (по сравнению с семантическим) вектор поиска [Ушакова 1979: 43–46 и др.]; однако ситуации, в которых он активизируется, не так уж редки.

Взаимодействие двух планов

В обычном случае два вектора поиска нужной лексики – семантический и формальный – функционируют параллельно и кооперируют свои усилия. А именно: доминирующий семантический поиск поддерживается более или менее спорадическими формальными подсказками. Но взаимодействие данных векторов усиливает и вероятность ошибки: если слова, сходные в плане выражения, относятся к одной тематической сфере (это нередко встречается среди паронимов), то последнее обстоятельство усиливает влияние формального фактора (ср. появление понятия таронимии в современной лингвистике: [Мандрикова 2011; Норман 2018: 46–47; Норман 2020: 173–175 и др.]). Примеры таких сбоев в спонтанной устной речи:

– Эта **кошмара... мошкара** не дает жить (мужчина, с высшим образованием, примерно 40 лет).

– Ну, марки – это государственная **привилегия**, их всех легко учесть, а вот значки шлепает любая контора, любой завод – какой уж тут каталог (мужчина, с высшим образованием, 30 лет; *привилегия* – вместо *монополия*).

– В письмах Белинского, в этом издании, масса **лакун**, и их можно объяснить цензурными поводами (мужчина, с высшим образованием, примерно 35 лет; *лакуны* – вместо *купюры*).

Понятны семантические предпосылки таких оговорок: это общие семы в составе значений. *Кошмар(а)* и *мошкара* – это ‘что-то плохое’, *привилегия* и *монополия* – это ‘что-то официальное’ (ограничение или льгота), а *лакуны* и *купюры* – какие-то пропуски, пробелы...

Приведем теперь иллюстрации из литературных контекстов:

ЧЕБУТЫКИН. И угощенье было тоже настоящее кавказское: суп с луком, а на жаркое – **чехартма**, мясное.

СОЛЕНЬИЙ. **Черемша** вовсе не мясо, а растение вроде нашего лука.

ЧЕБУТЫКИН. Нет-с, ангел мой. **Чехартма** не лук, а жаркое из баранины.

СОЛЕНЬИЙ. А я вам говорю, **черемша** – лук. (А.П. Чехов. Три сестры.)

– ...О братья-разбойники, поддержите в тяжелую годину своих страждущих собратьев! Иначе я в муках голода съем ваш гриб из семейства ядовитых и скончаюсь на ваших глазах в ужасных **конвульсиях**.

– Очень просто! Я лично даже без **конфузий**, – сказал крапивный человек, – нам помереть ничего не стоит. (Л. Кассиль. Кондуит и Швамбрания.)

Скучая, я все чаще мучаю – как коса означенный знак – свой **казенный**, виноват, **казенный** будильник. (Б. Кенжеев. Обрезание пасынков.)

Я ведь, ступив с корабля на пристань, уже в лагере был, а **заключение** свое осознал только, когда вошел в ворота. Написал по ошибке – **злоключение**, тоже неплохо. (Е. Володазкин. Авиатор.)

Если в примере из А.П. Чехова путаница с названиями грузинских блюд объясняется, кроме созвучий, единой темой разговора, а в примере из Л. Кассиля недоразумение сводится к несовпадению в лексиконах собеседников, то в последних двух цитатах семантические предпосылки обмолвок более глубокие и завуалированные. По-видимому, как в паре *казенный* – *казенный*, так и в паре *заклучение* – *злоключение* можно усмотреть наличие поддерживающей семы отрицательной оценки: ‘плохо, опасно’.

Не будем останавливаться здесь специально на фактах народной этимологии, приводящих к коммуникативным недоразумениям, приведем только дополнительно один показательный пример:

Расстелив простыню, Маша распрямилась и увидела, что внизу, под картиной, есть печатная надпись: «Плакетка. Св. Бонавентура. Флоренция. XVII в. Флорентийская мозаика». Слово «**плакетка**» Маше совсем не понравилось, потому что в нем слышалось ей слово «**плакать**». (Ю. Мориц. От разрушения, от размыва и оползания...)

Народная, или ложная, этимология – это очень яркое проявление сложного взаимодействия формального и содержательного аспектов слова.

Жанрово-стилевая специфика поиска

Разумеется, говоря о том, как взаимодействуют два вектора поиска и выбора слова в процессе порождения текста, следует делать поправку на специфику дискурсивных условий. Хорошо известно, в частности, сколь велика сила формальных ассоциаций в создании поэтического текста. Иосиф Бродский в диалогах с Соломоном Волковым откровенно сказал: «Поэт работает с голоса, со звука. Содержание для него не так важно, как это принято думать. Для поэта между фонетикой и семантикой разницы почти нет» [Волков 2004: 312].

Поэтому заслуживает внимания характер взаимодействия плана содержания и плана выражения в отдельных функциональных стилях речи и даже жанрах. Речь публичная, официальная предполагает значительно более строгий контроль за использованием лексики. В то же время хорошо известно, что в жаргонной сфере номинации очень часто опираются на формальное сходство с другими, вполне литературными словами. Таково происхождение жаргонизмов *лимон* ‘миллион’, *шпора* ‘шпаргалка’, *молоток* ‘молодец’, *фанера* ‘фонограмма’, *контрабас* ‘контрабанда’, *стопудово* ‘стопроцентно’ и др. В последние десятилетия данный процесс захватывает сферу компьютерной лексики, ср.: *клава* ‘клавиатура’, *винт* ‘винчестер’, *лазарь* ‘лазерный принтер’, *мамка* или *матка* ‘материнская плата’ и т.п.

Остановимся здесь на участии двух указанных факторов в ходе разгадывания кроссвордов. Этот жанр языковых забав вообще чрезвычайно показателен как фокус взаимодействия семантических и формальных составляющих в процессе нахождения слова. Кроссворд – головоломка, представляющая собой в классическом варианте переплетение рядов клеток, которые надо заполнить словами согласно заданным определениям. Определения эти основываются на энциклопедических толкованиях с некоторыми сокращениями: обычно в них приводятся только основные (дифференциальные) семантические признаки. Если в ходе разгадывания кроссворда, благодаря пересечениям горизонтальных и вертикальных рядов, какая-то буква становится известна, то это сильно облегчает поиск слова. К примеру, если в условии кроссворда задано: «Краткое иносказательное нравоучительное стихотворение», а первая буква уже известна – это *Б*, то нетрудно догадаться: это *басня*.

Но в последнее время (практически после 2000 года) в российских периодических изданиях, например, в еженедельнике «Аргументы и Факты», стали публиковаться кроссворды, в которых вместо редуцированного энциклопедического толкования слова дается его «фантазийное», ассоциативное описание. Например:

Толкование: *Мера изюма*. Ответ: *Фунт*.

Толкование: *Птица с плохим почерком*. Ответ: *Курица*.

Толкование: *Оппонент орла*. Ответ: *Решка*.

Толкование: *Ребенок для священника*. Ответ: *Чадо*.

Толкование: *Пораженец в дуэли с комаром*. Ответ: *Паук*.

Понятно, что для ответа на первый вопрос надо вспомнить старый русский фразеологизм *не фунт изюма*; точно так же ответ на второй подразумевает активизацию в памяти устойчивого выражения *как курица лапой*. В третьем случае надо нужно выстроить ассоциативный ряд «оппонент – противник – противная сторона – оборотная сторона», а кроме того, вспомнить, что *орел* – это еще и название одной из сторон монеты. Четвертый пример напоминает нам, что предлог *для* выполняет в русском языке несколько различных функций. А пятый отсылает к стихотворной сказке К. Чуковского «Муха-Цокотуха»... Можно было бы счесть это своего рода языковой игрой с читателем, внутрижанровым проявлением речевой эмпатии. Но заметим, что с позиций психолингвистики такого рода метафорические и метонимические смещения усложняют ментальную деятельность и расширяют сеть ассоциаций, через которые происходит поиск слова.

Рассмотрим подробнее один пример. В кроссворде дается толкование: *Искусство смены кадров*. Что имеется в виду? Мысленный поиск идет в направлении понятий, связанных с профессиональной специализацией, штатным расписанием в учреждении, отделом кадров, кастингом в модельном бизнесе, конкурсами, профайлами, послужным списком кандидатов (куррикулум вите, Си-Ви), трудовой книжкой, увольнением... Перебираются все ассоциации, связанные с составом работников предприятий и учреждений. Но искомое слово – всего 4 буквы, причем первая уже известна из другого слова: *К*. Это важная формальная подсказка. Значит, должно быть что-то типа *кадр*? *Круг*? *Каст*? И вдруг, опять-таки из другого ряда, от другого слова, появляется еще одна формальная подсказка: третья буква в слове – это *Н*. И вот тут наступает озарение: это *кино*! Оказывается, *кадр* в исходном толковании надо было понимать совсем в другом смысле: это не 'штатная единица', а 'элемент киноленты'! Оставим в стороне остроумие составителя кроссвордов, но обратим внимание на важность сотрудничества семантического и формального векторов в поиске слова. Если бы не было двух формальных подсказок, мысль, скорее всего, так и блуждала бы в ошибочном направлении.

Сотрудничество двух упомянутых парадигматических факторов – содержательного и формального – своеобразно преломляется в ходе речепорождения в третьей действующей силе: сочетаемости слова.

Влияние синтагматических связей на выбор слова

Речь идет о синтагматических потенциях, заложенных в значении каждого слова. Причем психологические эксперименты показывают, что «синтагматические группы (типа *дом горит, собака лает*) возникают гораздо раньше и строятся с гораздо большей легкостью, чем "ассоциативно" организованные парадигматические связи – вхождение в общую категорию (типа *солнце – луна*), подчинение (*собака – животное*) и т.д.» [Лурия 1975: 37]. Говоря по-другому, слово существует в сознании вместе с целым шлейфом своих речевых партнеров.

На практике же это означает, что уже выбранная говорящим лексема предлагает ему круг своих привычных лексических связей (с большей или меньшей их устойчивостью). Говорящий их, естественно, учитывает, а иногда и ошибочно «клюет» на эту подсказку. Рассмотрим несколько примеров.

Для целого поколения русскоязычных людей название города *Горький* (ныне – Нижний Новгород) автоматически вытягивает в сознании строку из популярной в свое время песни на слова Е. Долматовского:

...Смерч начался, как утверждают официальные источники, в Горьковской области, под городом Горьким, где «**ясные зорьки**», и это особенно подозрительно... (Е. Попов. Прекрасность жизни.)

В новелле М. Веллера рассказывается, как радиолюбитель-коротковолновик конструирует оригинальную антенну из старого железного хлама:

И вот, скромно и горделиво бормоча комплименты своим способностям, как взлетевший на насест петух, он сноровисто сгребает в бочонок свой **остров сокровищ**: стальную арматуру, мотки медной проволоки, паяльники, гаечные ключи и пассатижи. (М. Веллер. Премия Дарвина.)

Понятно, что *сокровища* употреблено здесь с сильной иронией (оно отражает точку зрения персонажа), но слово это настолько сильно ассоциируется со словом *остров* (после романа Р.Л. Стивенсона), что последнее появляется в авторской речи и там, где никакого основания для его появления, казалось бы, быть не могло.

В следующем отрывке, из детективной повести, вопрос обращен к женщине-следователю, которая, по ее словам, редко чувствует себя «как белый человек»:

– Ты, между прочим, почему так поздно на работе сидишь, белый человек? У вас опять **сиятельные трупы**? (А. Маринина. Имя потерпевшего – Никто.)

Судя по всему, трупы в работе следователя – самые обычные, но определение *сиятельные* пришло из названия итальянского кинофильма «Сиятельные трупы». К описываемой ситуации оно отношения не имеет, но словосочетание в целом укоренилось в сознании русскоязычного зрителя.

А еженедельник «Аргументы и Факты» в 2019 году (№ 51) опубликовал интервью с певицей, обладающей множеством музыкальных способностей. Журналистка спрашивает ее:

– Я открыла «Википедию» на вашей странице, прочитала про инструменты, которыми вы владеете: акустическая гитара, аккордеон, балалайка, домра, **губная**... и вот тут почему-то первая мысль – «**помада**»...

Определение *губная* должно было бы относиться к существительному *гармошка*, но его «перебила» женская ассоциация *помада*. Ошибочный выбор слова объясняется устойчивыми связями лексем в сознании.

Синтагматическое влияние может простираться и на большую, чем слово-партнер, единицу текста – в частности, на целое предложение. Тогда мы имеем дело с воспроизведением цитаты – точным или же *приблизительным* (*реминисценцией*). Примеры:

Много работала, уставала и **счастья** не хотела. Зачем хотеть то, чего **нет**. **А есть покой и воля**. Вот этого сколько угодно. (В. Токарева. Сказать – не сказать.)

ЮРА. Погоди, пусть ответит за это. Чем это мы не подходим?

ГАЛЯ. Неужели?

ЮРА. Что – неужели?..

СЛАВА. Неужели в самом деле все качели погорели? (Л. Петрушевская. Лестничная клетка.)

В первой цитате выражение *счастья нет* автоматически вытягивает в качестве продолжения цитату из А.С. Пушкина; во второй – слово *неужели* провоцирует собеседника на воспроизведение строк «Телефона» К. Чуковского (не имеющих отношения к сути разговора).

Обсуждение результатов

Чаще всего под синтагматическими сбоями при порождении речи понимаются нарушения грамматической нормы: ошибки в выборе управляемых форм и т.п., см.: [Овчинникова 2018]. Но и отклонения в лексической сочетаемости – тоже факт синтагматики, линейной цепи, формирующейся на выходе. В рассмотренных только что случаях вербальное решение говорящего обусловлено катафорическим давлением уже выбранного слова: предыдущий коммуникативный опыт ищет новое подтверждение своим коллокациям. Используя тезис герменевтиков, можно сказать, что это те ситуации, когда «die Sprache uns spricht» [Gadamer 1975: 439], т.е. «язык говорит человеком».

Причем синтагматические связи могут выстраиваться в последовательность, в цепочку, которая и становится своего рода костяком или «пунктиром» для развития сюжета. Две иллюстрации из художественной литературы:

– ...Аннушка... Аннушка?... – забормотал поэт, тревожно озираясь, – позвольте, позвольте... К слову «Аннушка» привязались слова «подсолнечное масло», а затем почему-то «Понтий Пилат». Пилата поэт отринул и стал вязать цепочку, начиная со слова «Аннушка». И цепочка эта связалась очень быстро и тотчас привела к сумасшедшему профессору. (М. Булгаков. Мастер и Маргарита.)

Ты думаешь о яблоках, которые забыл купить, к этой мысли прицепляется образ коня в яблоках, конь тащит за собой легендарного героя Чапаева с саблей, на картине в школьном коридоре, слышен шум, ребята вываливаются из класса, что-то глядит на тебя из окон, являются странные привязки, необъяснимые сближения – спохватываешься: о чем же я думал? (Б. Хазанов. Посох Мафусаила.)

Частным случаем синтагматических влияний можно считать хиазм. Это ситуация, когда слова говорящим уже выбраны, но «на выходе» они произвольно обмениваются своими синтаксическими позициями. (Разумеется, хиазм может использоваться и преднамеренно, как художественный прием, но об этом мы сейчас не говорим.) Два примера:

ГОРОДНИЧИЙ. ...О лукавый народ! а так мошенники, я думаю, там уж просьбы изпод полы и готовят. Пусть каждый возьмет в руки **по улице**, черт возьми **по улице, по метле**, и вывели бы всю **улицу**, что идет к трактиру, и вывели бы чисто. (Н.В. Гоголь. Ревизор.)

ВИКТОР (протягивает руку). Виктор Кораблев. Заслуженный строитель СССР...

ЮРИЙ ПАВЛОВИЧ. Юрий Павлович. **Отец запаса. Полковник этой красавицы!**

ДАША. Папа, ты все перепутал! (Ю. Поляков. Контрольный выстрел.)

Будучи по своей природе антиподами, парадигматические и синтагматические связи вполне уживаются в рамках речевого акта – как в «положительном» смысле, подсказывая говорящему нужную лексему, так и в «отрицательном», сбивая его с нужного пути.

Очень важно отметить, что все рассмотренные кейсы практически укладываются в ту схему лексических связей слова, которую предлагают исследователи, использующие метод ассоциативного эксперимента. В частности, в пособии А.П. Клименко указываются 6 основных типов словесных ассоциаций, вокруг которых группируются реакции испытуемых. Это: а) фонетические (без каких-либо семантических предпосылок), б) словообразовательные, в) парадигматические (отличающиеся от стимула лишь одним семантическим признаком), г) синтагматические (составляющие вместе со стимулом подчинительное словосочетание), д) тематические и е) цитатные [Клименко 1974: 49–50]. Существуют и другие попытки классификаций полученного в психолингвистических экспериментах материала. При этом отмечается, что, хотя основную массу словесных реакций можно свести к основополагающей дихотомии «парадигматические vs. синтагматические», нередки «и ассоциативные пары, в которых связь между стимулом и реакцией имеет не синтагматический или парадигматический, а более опосредованный и структурно менее четкий характер: она мотивирована отнесенностью стимула и реакции к одному сложному образу, к одному кругу представлений, к одной теме» [Гольдин, Сдобнова 2008: 22]. Это наблюдение также вполне соответствует рассмотренному нами материалу.

Заключение

Поиск слова во внутренней речи представляет собой сложный многовекторный процесс, в котором задействованы все уровни языковой системы. Доминирует в этом процессе семантический вектор (это очерчивание темы, выбор лексико-семантической группы, подбор синонимов...), но своего рода подсказка может происходить и со стороны формы (опора на конкретные звуки – чаще всего согласные, на слоговую структуру слова...). И если проявления данного процесса, попадающие во внешнюю устную речь: перебор кандидатов, гезитация, обмолвки и т.п., – служат свидетельством естественности и спонтанности речепорождения, то аналогичные факты, представленные в художественной литературе, выполняют и определенную эстетическую функцию: они характеризуют персонажа как языковую личность, а также конкретную речевую ситуацию и т.д.

© Норман Б.Ю., 2022

Литература

- Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М.: ЭКСМО, 2004. 640 с.
- Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. Русская ассоциативная лексикография. Саратов: Научная книга, 2008. 76 с.
- Клименко А.П. Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение. Минск: МГПИЯ, 1974. 206 с.
- Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. 253 с.

Ляпон М.В. «Грамматика» самооценки // Русский язык: Проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке. М.: Наука, 1992. С. 75–89.

Мандрикова Г.М. Таронимия как лингвистический объект. Новосибирск: Новосиб. гос. тех. ун-т, 2011. 150 с.

Норман Б.Ю. О факторах, влияющих на выбор слова говорящим // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 4. С. 42–54.

Норман Б.Ю. К типологии обмолвок в спонтанной русской речи // Лингвистика креатива–5. Колл. мон. / под ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург, 2020. С. 160–179.

Овчинникова И.Г. Синтагматические сбои в русской речи: интерпретация в свете актуальных моделей ментального лексикона // Вопросы психолингвистики. 2018. № 2 (36). С. 84–98.

Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Пешковский А.М. Избранные труды. М.: Учпедгиз, 1959. С. 50–62.

Русская разговорная речь. Тексты / Отв. ред. Е.А. Земская и Л.А. Капанадзе. М.: Наука, 1978. 307 с.

Ушакова Т.Н. Функциональные структуры второй сигнальной системы. Психофизиологические механизмы внутренней речи. М.: Наука, 1979. 248 с.

Цейтлин С.Н. Лексические оговорки: опыт типологии // Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика и образование. 2015. № 4. С. 195–211.

Gadamer H.-G. Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. Tübingen: J.C.B. Mohr, 1975.

Сведения об авторе:

Норман Борис Юстинович – доктор филологических наук, профессор, независимый исследователь

Контактная информация:

220020 Республика Беларусь, Минск, ул. Леси Украинки, 4/1, кв. 16

ORCID: 0000-0001-8520-5387

email: boris.norman@gmail.com

Для цитирования:

Норман Б.Ю. Поиск и выбор слова в ходе порождения текста как многовекторный процесс // Вопросы психолингвистики. № 4(54). 2022, С. 86–99. doi: 110.30982/2077-5911-2022-54-4-86-99

UDC 81'271, 159.9.07

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-54-4-86-99

Research article

SEARCH AND SELECTION OF A WORD IN THE COURSE OF TEXT GENERATION AS A MULTI-VECTOR PROCESS

Boris Ju. Norman

Independent researcher

Minsk, Republic of Belarus

Abstract

The article analyzes the process of searching and choosing a word in the speaker's mind (in inner speech). New material is presented confirming the participation of paradigmatic (semantic and formal) grounds in the choice of a word, as well as the influence of the syntagmatic factor (compatibility). The semantic search vector implies moving from an idea to lexical clusters, to groupings of synonyms – up to the choice of a specific lexeme (*кона – скирда – стог; опрос – допрос*). The use of descriptive, periphrastic names is also taken into account (*медицинский скотч* instead of *пластырь*). The formal search vector implies the activation of letter-sound connections, based on the syllabic structure of the word, consonant groups, etc., including cases of using homonyms and paronyms (*тернии* instead of *термины; помадки* instead of *панамки*). Particular attention is paid to obvious slips of the tongue. The syntagmatic influence is reflected in the imposition of typical lexical partners of the word (the partner *остров* is automatically searched for the already chosen lexeme *со-кровища*, the partner *помада* – for the attribute *зубная*). Syntagmatic links can also predict a fairly significant part of the text (i.e., they serve as footholds during its generation). Attention is drawn to the specifics of text generation in different discursive conditions, including within individual genres. The awareness of the interaction between the form and content of a word is for the first time illustrated in detail on the example of solving crossword puzzles. The study is based on the texts of Russian fiction (from A. Chekhov to T. Ustinova) as well as the author's own recordings of spontaneous oral speech and Internet data.

Keywords: speaker, inner speech, word, text generation, speech genres, synonyms, homonyms

© Norman B. Yu., 2022

Bionotes

Boris Ju. Norman – Doctor of Philology, Professor, Independent researcher

Contact information:

Ap. 16, Lesy Ukrainki Str., 4, Minsk, Belarus, 220020

ORCID: 0000-0001-8520-5387

email: boris.norman@gmail.com

For citation:

Norman B. Yu. Search and selection of a word in the course of text generation as a multi-vector process // *Journal of Psycholinguistics*. 4(54). 2022. P. 86–99. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2022-54-4-86–99 (in Russian)

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ РУССКОГО СОЗНАНИЯ: *содержательные формы концепта*

Колесов Владимир Викторович

Санкт-Петербургский университет, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

В статье на основе авторитетных текстов описана экспликация основных понятий концептологии, синергично связанных в «концептуальном квадрате» – динамической форме семантического треугольника. Последовательность распределения содержательных форм концепта как отражение «четырёх причин» (категория Причинность): *образ – понятие – символ* и их основание *концептум* («зерно первосмысла») – представляет каузальный ряд, раскрывая сущности исходного смысла в его динамической перспективе.

Ключевые слова: концепт, концептуальный квадрат, семантическая константа, содержательные формы концепта (*образ, понятие, символ, концептум*), основание, условие, причина, цель

*Поле является полем лишь постольку,
поскольку даёт урожай.*

Гегель

В настоящей статье представлено описание основных ментальных составляющих когнитивного *концепта* в четырёх его измерениях – как *образ*, как *понятие*, как *символ* и как «*зерно*» первосмысла, определяющее динамику концептуальных форм. Описание ведётся на основе произвольно избранных текстов, преимущественно философского содержания, из которых, как из *материала*, извлекаются необходимые *факты*, готовые для научного анализа.

Установление семантического треугольника в конце XIX века связало все три состава *реальности*, доступные сознанию человека: субъект *видит* вещь, *слышит* слово и *понимает* их идею. В восточнославянской культуре, на самой ее заре, обнаруживается та замечательная подробность, что все три состава именовались общим термином – заимствованным в XI веке из Восточной Болгарии словом *вещь*, обозначающим одновременно и предмет *мысли*, и знак *слова*, и *идею* реального действия. Сравните одно из высказываний Даниила Заточника (XII век): «Князь не самъ впадаетъ во многия въ вещи злыя, но думци вводитьъ». Здесь все три возможных значения слова слиты, обозначая одно и то же действие со стороны разных субъектов: князь действует в вещи, советники – советуют в идее, а сам автор соединяет все это в общем слове, описывая их обоюдные действия. Синкретизм мышления создавал символически лаконичную речь: все сказано одним словом. Ориентация же на *вещь* как на совокупность всех трех проявлений, указывает, что в ментальном плане до начала XV века восточные славяне по своим философским воззрениям были номиналистами.

Влияние славянского перевода Ареопагитик, сделанного в 1389 году, привело к выделению в качестве самостоятельной *идеи*, которая предстала выражением помысленной сущности вещи и переключила характер мировоззрения на реализм, который и стал философским ядром нарождающейся великорусской народности. Только к началу XVIII века в общественном сознании сложилось представление и о третьем составе семантического треугольника – *слове*, из которого вообще-то реалисты постоянно исходили, оценивая взаимные силы вещи и идеи, но до поры включенные в общий состав Логоса. «Слово рождено, чтобы всему назначить свое место в системе», – заметил А.А. Потебня, и система сложилась, обозначив новое направление мысли – философский концептуализм. Так постепенно исходный синкретизм слова *вещь* разложился на свои составы. Конечной точкой развития общей мысли в XX веке стало открытие *концепта* – лингвистической формы проявления членов *семантического* треугольника, обогащенной наличием *четвертого* состава. Четвертый состав выявляется при сопоставлении референтов **R** вещи с денотатами **D** предметных значений слова (*идеи* вещи):

	R	-R
D	2 понятие идеи	1 образ мысли
-D	3 символ слова	0 «зерно» первосмысла

Концепт обязательно выражает все свои составы в их законченном виде; только в полном виде он *есть* концепт сознания, отличный от частного его проявления в виде логического понятия. Помысленный концептуальный квадрат отличается от статичного семантического треугольника способностью разворачивать и сжимать свои составы в действии, «играя» значениями по мере необходимости выражения. Философ С.Н. Булгаков пронизательно заметил, что «четверица – та же триоца, но только в движении», А.Ф. Лосев добавил: «Тетрактида есть цельность триады, она порождается Одним», т.е. зерном первосмысла. Именно, движение задано нулевой точкой с отсутствием признака предметности (это «туманное нечто» С.А. Аскольдова) и собственного значения (инвариант *принципиального* значения С.Л. Франка). Это материально не оформленный состав концепта, «чистая ментальность», которая в современной науке имеет много имен (при частом смешении с полным концептом): *понятие, эпистема, сантиентема, архетип, номинатема, первотектон* и т.д., отражающих какую-то одну сторону *концептума* («зерна»), попавшую в поле зрения того или иного автора. При этом концепт обычно определяется как *цельное* образование (целое по части), вне его содержательных форм, то есть с точки зрения исследователя и в прямой перспективе *на объект*, а не в обратной – от самого концепта в богатстве его содержательных форм. Взгляд со стороны представляет объект в его целом, лишая возможности описать его конструктивные детали.

Предпочтителен все же термин *концептум* (лат. *conceptum* ‘зерно, зародыш’) как однокоренной с выражением *концепта*, первоисточником которого концептум является. Ср. аналогию с физическим миром в других номинациях: «В главном ряду исходным явлением служит абсолютный вакуум, или *парен*, он есть вещество

без структуры и поведения. *Парен* представляет собой как бы первозданный кисель, служащий источником строительного материала для всех объектов Вселенной. Эта сущность неосознаваема из-за отсутствия структуры, движения и явленных форм» [Вейник 1991: 8, 71]¹. Именно таков и концептум в ментальном ряду помысленного. Самое время вспомнить пронизательное замечание еще одного русского философа, П.А. Флоренского, который писал: «Нужно обратиться к последнему, четвертому виду объектов, не могущим быть различными никакими методами, помимо мистического восприятия» [Флоренский 2000: 21]. Поиск этого объекта и станет предметом нашего изложения.

Сведем воедино все четыре содержательные формы концепта в общую систему Причинности, то есть совокупности «четырех причин» Аристотеля: *основания* («все имеет свое основание» – Лейбниц), *условия*, собственно *причины* и конечной *причины – цели*. Каждый член Причинности объясняет действия соответствующей содержательной формы концепта: 0 – основания (*что это такое?*), 1 – условия (*как проявляется?*), 3 – причины (*почему действует?*), 4 – цели (*зачем создается?*). Постановка указанных вопросов определяет позицию каждого из выявленных денотатов, выстраивая их каузальную связь в виде *семантической константы* – устойчивой и постоянной структуры смыслов.

Сначала опишем смысл каждой содержательной формы по отдельности, а затем совместим их в общей системе. Последовательность операций такова. На основе представленных текстов выявляются *предикаты*, которые редуцируются до *денотатов*, выражающих объемы понятий в виде предметных значений слов, с последующей редукцией денотатов до *содержательных* форм концепта и выявлением концептума в виде *внутренней* формы слова («зерно первосмысла»).

Образ

Общеславянский концепт; в древнерусском языке «слово *образ* выражало целый ряд значений – конкретных и отвлеченных» (В.В. Виноградов): ‘внешний облик’ (1057), ‘портрет, изваяние’ (1057), ‘икона, образ’ (1096), ‘образец’ (1073), ‘прообраз, пример’ (XI в.), ‘сущность, идея’ (XI в.), ‘поэтический образ, троп’ (1073), ‘род, разновидность’ (XII в.), ‘образ действия’ (XII в.), ‘лицо, лик’ (XII в.), ‘знак, символ’ (XII в.), ‘лицо (грамматический термин)’ (XV в.) – по текстам, приведенным в [Словаре русского языка... 1987].

Предикатные признаки извлекаем из текстов [Словарь русский ментальности 2014]:

Сотворим человека по нашему образу и подобию, – сказал Он. Этот образ божий, Его подобие – это наша свобода (П. Чаадаев). – *Человеческое творчество создает не «образ», который дан, но «подобие», которое задано воспроизводить в свободном, трудовом, историческом процессе то, что предвечно есть, как идеальный первообраз* (С. Булгаков). – *Но образ Божий в человеке есть нормативная, а не природная его сущность* (Н. Бердяев). – *Волнение жизни постоянно беспрестанно изменяет образ слова* (А. Хомяков). – *Мысль, извне привитая к слову, никогда не осилит живого образа, в нем впервые воссозданного* (Ф. Буслаев). – *А если исчезнет образ, то исчезнет и искусство* (К. Аксаков).

¹ Лат. причастие *раген* ‘дающий, производящий на свет’, ‘создающий, добывающий’ от *rāgeo*.

Наши актуальные ощущения сами по себе вообще не могут составлять того объективного образа, в котором для нас существует предмет. Отсюда ясно, что этот образ предшествует всяким действительным ощущениям... Образ предмета тем самым переводится из состояния возможности в состояние действительности, в актуальное наше сознание: он накладывается нашим умом на полученный извне материал ощущений (Е. Трубецкой). – В аллегории образ всегда больше, чем идея. Образ тут зарисован и расписан, идея же отвлечена и неявлена. (А. Лосев). – Без идеального образа человек вообще не может осуществлять обмен веществ с природой, а индивид не может оперировать вещами (Э. Ильенков). – Библейские образы – это ведь только величайшее обобщение фактов, до какого могли додуматься история и философия (В. Розанов). – Образ предсцируется, что не есть функция фантазии, и образ понимается, что так же не есть функция фантазии (Г. Шпет). – Образ в отношении самого предмета является либо ударом извне, либо даром ему извне, дар неоправданный, лицемерно-льстивый <...> Образ закрывает предмет, и, следовательно, игнорирует возможность его измениться, стать другим <...> В образе еще жива его магическая стадия. Пережитки насилия в образе. Установка на неуничтожимость предмета (Бахтин). – Образ – это то, что «обряжает», «наряжает» действительность, то, что поражает, разительно действует на сознание (Н. Сетницкий).

При очевидном неумении ума постичь загадку снова на помощь призывается иероглиф образа, в нем ключ к непосильному, с уймой неизвестных, уравнению (Л. Леонов). – Образ **является** (его нельзя притянуть), когда художник, чувствуя целое..., всматривается в деталь, и в этой детали, в этой частности ему является целое (Д. Галковский). – Переход образа в символ придает ему смысловую глубину и смысловую перспективу. Дialeктическое соотношение тождества и нетождества. Образ должен быть понят как то, что он есть, и как то, что он обозначает. <...> У мира есть смысл: «образ мира, в слове явленный» (Б. Пастернак). – А слово (а в нем уж живет образ, первичное созерцание) всегда есть древо <...> Образ есть продукт эмпирической способности продуктивной силы воображения (Г. Гачев). Концепт «образа» представляет собой аналог лат. *forma* и греч. *Eidos* <...> В понятии образа обозначилась идея формы, мыслимой отвлеченно от субстанции и поэтому воспроизводимой. Отделившись от природно данной ей материи, форма (образ) слилась с принципиально другим «партнером» – духовной (идеальной) категорией. Понятие формы из области природы перешло в сферу культуры <...> Образ не может быть объектом понимания..., он ближе к миру, чем к смыслу <...> Будучи ориентирован на предметный мир, образ воспроизводит объект в его целостности..., образ синкретичен <...> Образ – это категория сознания, а не признак объекта... Образ формируется интуицией <...> Образы неистребимы <...> Образ – не орудие, а самодовлеющая сущность <...>, образ можно увидеть только внутренним взором (Н. Арутюнова).

Ср.: Но только у Аристотеля видимый образ <...> достигает небывалой актуализации как мир вещей (М. Бубер). – То, что мы воображаем, называется образом (Р. Коллингвуд). – Нет бытия. Существуют образы, это единственное, что существует (И. Фихте).

На основании выявленных по текстам предикатных единиц представим схему наличных денотатов, выражающих предметное значение слова и объем предполагаемого понятия:

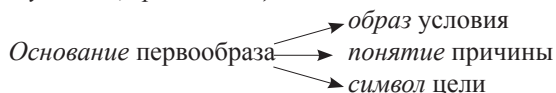
1) *Основания*: иероглифы жизни, ближе к миру, чем к смыслу, самодовлеющая сущность, образ дан как идеальный первообраз, первоначала бытия, категория сознания, а не признак объекта-основания.

2) *Условия*: первичное созерцание, продукт воображения, продуктивная сила воображения, формируется интуицией, синкретичен, предшествует ощущению, нормативен, а не природен, в нем еще жива магическая стадия – условия.

3) *Причины*: замена бытия, материально воплощенный вид, предсцируется и понимается, это удар или дар, при переходе к символу углубляется, закрывает предмет, омертвляя, является сам, его нельзя притянуть, осуществляет обмен веществ с природой причины.

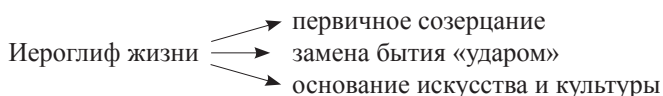
4) *Цели*: обобщение фактов, сохраняет предметный мир и украшает действительность, противопоставление своего чужому, несовпадение со своим собственным смыслом,

Теперь возможно построение схем семантических констант, под которыми мы понимаем наличие постоянной сущности в ментальном представлении, *основания* – смыслового первообраза (концептума) и зависимой от нее *причинности*, т.е. совместной связи *условия*, *причины* и *цели* действия:

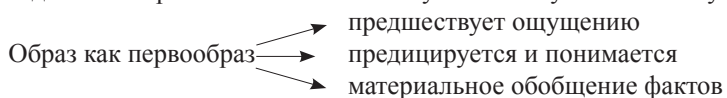
Выделенные курсивом имена указывают на содержательные формы концепта (*основание* = *концептум*), остальные имена указывают на состав каузального ряда.

В семантической константе выбор *основания* произволен, мы можем исходить из любого концептума первообраза, но связанная с ним *причинность* действия в совокупности трех (условие – причина – цель) обязательно определяется этим основанием и им диктуется. Различие может состоять лишь в подборе словесных форм, соответствующих формам основания, но в содержательном плане в границах содержательной формы различия невозможны, они эквивалентны (при условии, если эти формы установлены верно). Определим несколько постоянных связей.

Читается: Образ – это *иероглиф жизни*, *первичным созерцанием* заменяющий бытие «ударом» ради оснований искусства и фактов культуры.

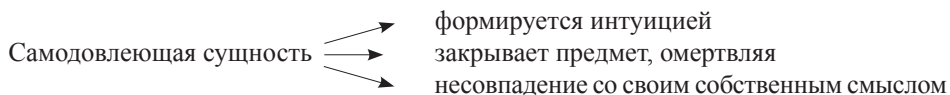
Подбор текстов, ставших основанием денотатов, не случаен, все четыре принадлежат современникам: Л. Леонову – Г. Гачеву – М. Бахтину – Н. Арутюновой.

Читается: Образ – это *идеальный первообраз*, *предшествующий ощущению*, который *предсцируется* и потому понимается как *материальное обобщение фактов*.

Естественно, авторы, «складывающие» такую последовательность, совершенно другие, а именно: С. Булгаков – Е. Трубецкой – Г. Шпет – В. Розанов. Общий смысл передан в различных формах в соответствии с представлениями времени об объекте.

Основание более философского смысла дает следующую картину:

Читается: Образ – это *самодовлеющая сущность, формируемая интуицией, которая закрывает предмет, омертвляя его ради несовпадения со своим собственным смыслом.*

Авторство принадлежит Н. Арутюновой – М. Бахтину – С. Аверинцеву. Ниже авторство не выделяем, его легко можно определить по контекстам.

«Смысл» получается несколько туманный, но, в общем, ясный: под образом подразумевается некая замкнутая сущность, которая разрушает свой собственный смысл, «закрывая» (редуцируя) предмет, отраженный в ней.

Следующим моментом анализа должно стать соединение всех представленных типов Причинности по их отдельным составам, например, *основание* – это основание первообраза (его заместитель) – образ как первообраз – самодовлеющая сущность – иероглиф жизни... На этом основании определяется общий инвариант Текста: основание как «самодовлеющая сущность первообраза», что в точности выражает смысл концептума как *энергии исходного первосмысла*. Точно так же строятся инварианты условия, причины и цели. Например, *условие* Образа есть первичное созерцание – (которое) предшествует ощущению – (и) формируется интуицией; *причина* Образа есть замена бытия «ударом» (восприятия) – (который) предсказывается и понимается – (и) закрывает предмет, омертвляя его; *цель* Образа есть материальное обобщение фактов – (в) несовпадении со своим собственным смыслом – (как) основание искусства и культуры. Перестановка денотатных составов конечного вывода не изменит, поскольку все типы высказываний собраны в соответствии с поставленными к ним вопросами. Так представляют себе концепт Образ в разных научных группах, основываясь на интуитивном понимании концептума, явным образом не выраженного. Характерно употребление слова *удар* («замена бытия ударом»), которое представляет собой константу в самом определении концептума «вырезанное, выдолбленное» [ЭССЯ: 63–66].

Понятие

Понятие – новая русская калька с лат. *conceptio*; древнерусская форма *понятие* ‘вступление в брак’ (XIV в.) от *поняти* ‘взять (в жены)’ (*пояти*).

Предикатные признаки определяем по следующим контекстам:

Разница между образом и понятием та, что чувственный образ есть неразложимый комплекс почти одновременно данных признаков <...> Иное дело, когда я этот чувственный образ <...> превращаю в понятие: одновременность известного количества признаков превращается в последовательность (А. Потебня). – Ум наш так составлен, что понятия у нас не истекают необходимым образом одно из другого, а возникают поодиночке, внезапно, и почти не оставляя по себе следа (П. Чаадаев). – Они и являются в них или как сформулированное сознательное понятие, или

как бесформенное чувство, голос совести (К. Кавелин). – И так с каждым понятием: чем оно отвлеченнее, тем оно субъективнее <...> чем понятие абстрактнее, тем менее конкретных признаков данных явлений включает оно в себе, иными словами, тем менее соответствует оно данной конкретной действительности (П. Ткачев). – Но понятие само по себе, без определенного содержания, есть пустое слово, и саморазвитие такого понятия было бы постоянным творчеством из ничего <...> Все есть, лишь поскольку мыслится. Все есть только в своем понятии (Вл. Соловьев). – Понятие тогда только зрело, когда своим приближением к факту способно оплодотворить его и возвышать его значение (М. Катков).

Вообще можно мыслить вещи только в понятиях. Но ни в каком случае не представлять их в образах <...> Понятие заключается в объединении нескольких или, по крайней мере, двух данных представлений не в каком-нибудь новом представлении, а в одном общем для них положении мысли <...> Понятие по самой природе своей всегда абстрактно и потому оно <...> может определять каждую данную вещь только как часть однородного целого <...> Следовательно, логический процесс образования понятий в переводе его на практику жизни есть не иное что, как процесс сознательного приспособления субъекта к данным условиям жизни (В. Несмелов). – Понятия все-таки остаются символами или схемами жизненной действительности. Они даны ею, ими же заданы проблемы для мысли (С. Булгаков). – Правильное формулирование понятия остается тождественным во всех актах мышления и обладает вневременным характером; отсюда делают вывод, что понятие не дает знания о живой действительности (Н. Лосский). – Новые слова – значит новые понятия <...> Новые понятия – значит новые формы, новый способ мышления (Н. Страхов). – Вневременность и время, взятые в этой отрешенной форме, суть, следовательно, не какие-либо самостоятельные реальности, а лишь «мыслимые содержания», или «понятия» (С. Франк). – Понятия у русских точны, ясны и конкретны (близки к представлению, может быть, односторонни, но не туманны) (П. Ковалевский). – Определить – это значит дать понятие <...> Но, становясь высшим критерием, понятие тем самым делает уже ненужным всякое проявление жизни <...> каждое понятие есть бесконечность, потому что оно объединяет собою множество представлений, которое не является конечным; но так как объем понятия, по существу дела, вполне определен и дан, то эта бесконечность не может быть ничем иным, кроме актуальной бесконечности (П. Флоренский).

Понятие есть смысловое отражение вещи (А. Лосев). – Отрицать объективность понятий, объективность общего в отдельном и особом невозможно <...> Уже самое простое обобщение, первое и простейшее образование понятий (суждений, заключений, etc.) означает познание человека все более и более глубокой объективной связи мира (В. Ленин). – Из объема мы и должны исходить. Для исторического понятия объем не произволен, а дан. Признаки определения должны его исчерпать, не насилуя, как платье, сшитое по мерке. (Г. Федотов). – Подразумевание – не понимание, а только понятие, как по-ятие, схватывание, объятие, конципирование, именование в виду (Г. Шпет). – Машина: перешли в экономистов: язык машины – язык понятий (М. Пришвин). – Важны ведь не слова, а понятия... ибо понять, т.е. отразить в понятии ту или иную сферу явлений, – значит поставить эти явления в надлежащую связь <...> Понятие есть нечто большее, нежели просто абстрактно-общее, зафиксированное термином,

нежели значение общего термина (Э. Ильенков). – Всякое логическое понятие, если и не общезначимо, то по меньшей мере способно стать таковым <...> понятия суть не что иное, как объекты коллективного опыта, являясь «коллективными представлениями» в форме, установленной языком (В. Бехтерев). – Установившиеся раз навсегда подлежащие, постоянные и неподвижные, это ведь и считается идеалом науки о реальности, – идеалом объективности. В действительности это всего лишь успокоенные понятия, приспособленные к тому, чтобы не приходилось их постоянно переинтегрировать (А. Ухтомский). – Логический образ идеи есть не что иное, как понятие – мысль о предмете (явлении), выделяющая его существенные свойства (Чернейко).

Ср. Мысль не есть мнение о предмете, а понятие самого предмета (Г. Гегель). – Понятия не изобретаются, не возникают из ничего. Понятие, или идея, – это всегда идея о чем-то (Х. Ортега-и-Гассет). – Понятие есть конкретно универсальная идея, то есть это единство всеобщего и индивидуального, даже больше – суждение в действии (Б. Кроче). – Понятия – это абстрактные формы, воплощенные в представлениях <...> Понятие – это все, что реально передает некий смысл (Лангер). – Понятие есть та понимающая себя понятость самости, в качестве какой самость собственно есть как она может быть, т.е. свободная (М. Хайдеггер). – Понятие является подлинной и единственной силой.... Понятия уничтожают существование и фальсифицируют бодрствование (О. Шпенглер).

Предикатные признаки выделяют следующие денотаты:

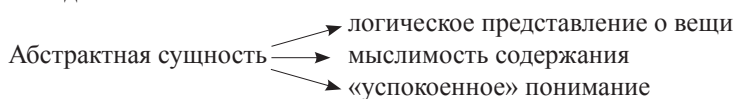
1) *Основания*: абстрактная сущность, эквивалент сущности, конкретность универсальной идеи, объективность общего в отдельном и особом, понятость самости – основания.

2) *Условия*: логическое представление о вещи, логический образ идеи, всегда абстрактно и бесконечно, абстрактные формы представлений, коллективное представление в языке, смысловое отражение вещи, аббревиатура чувственного восприятия, близость к представлениям и ощущениям, объем не произволен, а дан, символ или схема действительности, именование в виду – условия.

3) *Причины*: мыслимые содержания, подразумевание – только схватывание, вневременность и время в отрешенной форме, одновременность признаков в образе – их последовательность в понятии, истинная мысль, смысловой организм – сам себя творит мыслью, познание все более глубоких связей, обращение ума на себя, мгновенная мысль, чем отвлеченнее, тем субъективнее и тем менее соответствует действительности (уничтожает существование), соединение несколько представлений, процесс индуктивного умозаключения, процесс сознательного приспособления субъекта к условиям жизни – все есть только в понятии, поставить в связь, смысловое отражение вещи – причины...

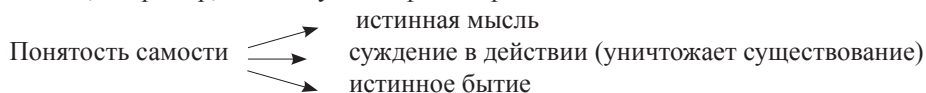
4) *Цели*: «успокоенное» понимание, уничтожает существование, в понятии жизнь замирает, остановка движения; это есть «истинное бытие» – цели...

Исходная семантическая константа:

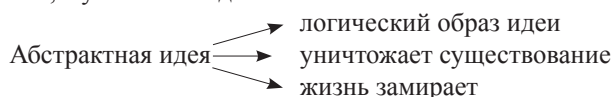
Читается: Понятие – это *абстрактная сущность логического представления о вещи как мыслимость его содержания в целях «успокоенного» понимания.*

Возможно и любое иное построение константы на основе свободно избранного Основания, например, более глубокое философское:

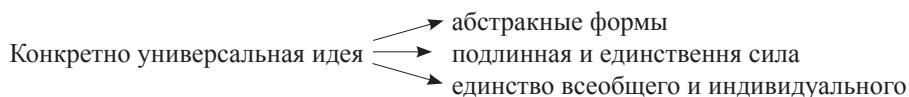
Читается: Понятие – это *понятость самости как истинной мысли, сама себя творящей ради (осознания) истинного бытия.*

Или, с уклоном в идею:

Читается: Понятие – это *абстрактная идея, создающая логический образ, и чем отвлеченнее, тем субъективнее и тем менее соответствует действительности – жизнь замирает.*

Западные определения от русских отличаются, они конкретно рационалистичны, см.:

Читается: Понятие – это *конкретно универсальная идея в абстрактной форме как подлинная и единственная сила (в воссоздании) единства всеобщего и индивидуального.*

Последовательное накопление формулировок отражает разнообразные субъективные представления авторов, метафорически выражающих свое мнение об одном и том же, но в разных проекциях смысла. Таких определений может быть достаточно много, и каждое из них *верно* отражает существенную часть «вещи-в-себе» – концептума исходного смысла. За каждым высказыванием скрывается *своя* правда, но правда односторонняя: авторы сосредотачиваются только на одной-двух сторонах (на всех одновременно – редко) и потому не достигают истины полного определения. Это же замечание относится и ко всем последующим семантическим константам.

По мысли В.В. Налимова, «Вероятностная логика позволяет оперировать с размытыми понятиями»; например, многочисленные переводы текстов Лао-Цзы или Омара Хайяма часто не совпадают по смыслу и по форме, возникает необходимость «соединения всех переводов, уже сделанных и тех, которые еще появятся, чтобы раскрыть богословие Лао-Цзы» [Налимов, Дрогалина 1995]. Воссоздание *метатекста* на основе множественных высказываний, в принципе, имеет те же основания. Поскольку концептология постулирует единство слово-мысли (языка и логики), становится возможным «постмодернистское» раздельное рассмотрение денотатов D и десигнатов S, независимые друг от друга, они одинаково связаны с языком и с мыслью, ибо D – предметное значение слова и объем понятия, а S – словесное значение слова и содержание понятия. Все обилие текстовых вариантов объединено общим составом исходных смыслов: помысленное *основание* (концептум) в *условиях*

своего проявления (образ) преобразуется в действующей *причине* (понятое понятие) ради достижения результата (*цели*) в законченной форме символа. Все высказывания, сколь много бы их не было и какими бы индивидуальными оттенками значения они не обладали, сводятся к абстрактному инварианту *данного* Текста на глубинном уровне связей. Общий *стержневой смысл* покрывает все возможные оттенки индивидуальных значений («человеческое, только человеческое...»).

В данном случае соотношение между образом и понятием эквивалентно: *образ* – *самодостаточная сущность*, в сознании посредством «удара» со стороны реальности обобщающая наличные факты в их целостном виде. *Понятие* – *абстрактная сущность*, в общем представлении о вещи в процессе мыслимости содержания образует застывшую схему реальности. В процесс познания обе сущности равновелики, и на это указывает наш анализ, в котором понятийные категории определяются посредством образных метафор. В этом отношении справедливы слова Канта, отметившего, что «образы без понятий глухи, а понятия без образов слепы», так что в любом исследовании необходимо пользоваться обоими источниками познания; в противном случае о том, что при этом получается, повествует древняя легенда о слепце и хромце. Концептум лежит на поверхности, поскольку философский термин *понятие* известен только с начала XVIII в. (1704 г.). Понятие – *схваченное* (мыслью).

Выразительность отдельных составов концепта удостоверяется идентичностью идей, выраженных в различных определениях, ср. описание условия: *Понятие есть – логическое представление о вещи – логический образ идеи – истинная мысль*, и т.д.

На этом противопоставлении двух содержательных форм концепта основано важнейшее положение философского реализма о равенстве вещи (лингвистически – означаемым) и идеи (означающим), которое снимается третьей содержательной формой – символом, и особенно *образным понятием* (*das Sinnbild* ‘символ’) в виде сочетания прилагательного с существительным (*белый дом*). Являясь *пониманием* в данной ситуации, образное понятие выступает в качестве оперативного понятия в данный момент. *Белый дом* отличается от *желтого дома* или от *казенного дома* как оперативно схваченное сочетание прилагательного и существительного и «в конечном счете проливает свет на принципы организации человеческого мышления» [Лакофф 1981: 356].

Символ

Предикатные признаки представлены в следующих текстах:

Символизм служил восполнению импрессионизма до содержательности – суррогатом синтеза. Символика – суррогат отсутствующей интуиции (М. Алданов). – *Переход образа в символ придает ему смысловую глубину и смысловую перспективу <...> Содержание подлинного символа через опосредствованные смысловые сцепления соотносено с идеей мировой целокупности <...> Каждое частное явление погружено в стихию первоначал бытия* (С. Аверинцев). – *Всякая интерпретация символа сама остается символом, но несколько рационализированным, то есть несколько приближенным к понятию* (М. Бахтин). – *Символ значит единение образов <...> Символизм – встреча текущего мгновения с вечностью, а место встречи – личность <...>* (М. Пришвин).

Символ – это упреждающее знание (М. Барг). – *Символ – форма познания Абсолютного или универсума <...> Символ с его антиномической сопряженностью трансцендентного и имманентного, духовного и душевного задает матрицу, внутри*

которой движется мыслящий разум, разрешающий противоречия <...> Символы суть преобразенная чувственность или воплощенный дух <...> Грань между символом и понятием есть одновременно и их переход (Бурлака). – Символ есть схождение, сочетание, супружество горнего и дольного, а без такого супружества дольное горестно сиротствует <...> Указание на недостающее – вот символ в исходном понимании (греч. символон) (Бибихин). – Ведь символ, или выражение, есть выражение всей сущности, со всеми ее отдельными моментами (А. Лосев).

Некогда дух не был занят строгим мышлением, и тогда он серьезно посвящал себя выдумыванию символов и форм (Ф. Ницше). – Сигналы и символы принадлежат двум различным универсумам дискурса: сигнал есть часть мира физического бытия; символ – часть человеческого мира значения (Э. Кассирер). – Символ и значение создают человеческий мир в гораздо большей степени, чем ощущение <...> Символизация является домыслительной, но не доразумной <...> В фундаментальном понятии символизации – мистическом, практическом или математическом, не важно – мы имеем лейтмотив всех гуманистических проблем. На нем основывается новая концепция «ментальности» (Лангер). – Все, что вообще стало, все, что проявляется, есть символ, есть выражение души (О. Шпенглер). – Знаки – это стимулирующие обозначения... Символы, наоборот, – это условные обозначения... Знак – часть физического мира, символ – часть мира человеческого (Вальверде).

На основе некоторых текстовых предикатов установим перечень денотатов:

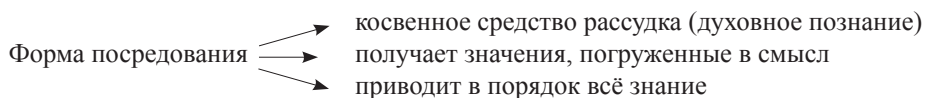
1) *Основания*: указание на недостающее, схождение горнего и дольного, сращение идеального и реального, форма посредования, транскрипция неведомого на язык понимания – основания, условное обозначение, все, что есть, замена интуиции, упреждающее знание, форма познания Абсолютного, выражение всей сущности.

2) *Условия*: предполагает веру, отсутствие строгого мышления, духовное познание, знамение идеи, условное обозначение, отношение знака к предмету, косвенное средство сознания, ценностный компонент – условия, часть человеческого мира, преобразенная чувственность.

3) *Причины*: замкнут на себе самом, можно понять только через понятие, уподобление вещи, получает значения погружением в смысл, создает человеческий мир, обесцвечивает мир, образное понятие – причины, придет смысловую глубину, единение образов, – Задает матрицу для мыслящего разума.

4) *Цели*: часть человеческого мира, культурный конструкт, приводит в порядок всё знание – цели, лейтмотив гуманизма, основание ментальности.

Семантические константы определяются на основе выявленных из контекстов денотатов:

Читается: Символ – это форма посредования – косвенное средство рассудка, которое обретает значения погружением в смысл с целью приведения в порядок наличного знания.

Сращение идеального и реального (схождение горнего и дольнего) → предполагает веру (знамение идеи)
→ можно понять только через образное
→ понятие культурный конструкт

Читается: Символ – это сращение идеального и реального (знамение идеи), которое предполагает веру, но понять (её) как культурный конструкт можно только через образное понятие.

Указание на недостающее → отношение знака к предмету
→ уподобление вещи (обесцвечивает мир)
→ часть человеческого мира

Читается: Символ – это указание на недостающее отношением знака к предмету как уподобление вещи ради (утверждения) части человеческого мира.

Перестановки внутри выделенных составов Причинности полученных результатов также не изменят, потому что все они, одинаково связанные с основанием и от него зависимые, в своем значении взаимозаменяемы и только усиливают однажды данное определение. Ср.:

Последовательность оснований: указание на недостающее – сращение идеального и реального – форма посредования.

Последовательность условий: отношение знака к предмету – предполагает веру – как косвенное средство рассудка.

Последовательность причин: уподобление вещи – можно понять только через (образное) понятие – получает значения, погруженные в смысл.

Последовательность целей: часть человеческого мира – культурный конструкт – (который) приводит в порядок все знание.

Во всех следованиях заметно усиление отвлеченности и переключение на смежные концепты, что в отношении символа представляет собою вполне понятное действие.

Концептум

Концептум, как выясняется из многих высказываний, приведенных в книге [Колесов 2002], представлен в метафорических выражениях неопределенного содержания, как это обычно и бывает в самом начале исследовательского пути, когда научная мысль еще находится в поисках самого предмета описания. Суммарно выделенные из контекстов предикаты относительно этого члена концептуального квадрата можно представить в виде следующих денотатов:

1) *Основания*: сущность смысла, вещь-в-себе, первоначало бытия, туманное нечто, неопределенное нечто, нечто, воплощающее ничто, огненное слово, просто зародыш – основания, зародыш самой актуальности, первооявление, бесформенная потенциальность, начало чистой безосновности.

2) *Условия*: первосмысл/первообраз, скрытая категория на глубинном уровне сознания, точка схождения полюсов, концепт в синкретизме, намёк – условия, источник всего и связи со всем, благородный корень.

3) *Причины*: форма форм, лишен структуры, нематериальный нуль, последняя структура, искомый Абсолют, раскрывается понятийно – причин, творческий элемент, источник творческой активности и самотворения, познание живой глубины.

4) *Цели*: принципиальное значение, инвариант всех возможных значений, вневременное содержание, основа обыденного сознания, реальная сущность сознания в подсознательном – цели, национальная субъективность.

В зависимости от выбора основания, возможны следующие семантические константы, выражающие систему Причинности:

Сущность смысла (первоначало бытия) → первосмысл, скрытая категория на глубинном уровне
→ искомый Абсолют, раскрываемый понятийно
→ реальная сущность сознания в подсознательном

Читается: Концептум – это *сущность первосмысла – скрытой категории на глубинном уровне сознания, то есть искомый Абсолют, раскрываемый понятийно в целях понимания реальной сущности сознания в подсознательном – основы обыденного сознания.*

Туманное нечто (неопределенное) → точка схождения полюсов
→ форма, лишенная структуры-
вневременное содержание

Читается: Концептум – это неопределенно *туманное нечто в точке схождения полюсов (смысла), форма, лишенная структуры со вневременным содержанием.*

Простой зародыш → концепт в синкретизме смыслов
→ последняя структура, форма форм
→ инвариант всех возможных значений

Читается: Концептум – это *простой «зародыш» концепта в синкретизме смыслов как конечная структура формы форм – принципиальное значение, инвариант всех возможных значений,*

Последовательность оснований в инвариантах представлена как смысловое сгущение: *туманное нечто – простой зародыш – сущность смысла.* Последовательность условий дается в том же порядке: *точка схождения – концепт в синкретизме смыслов – категория на глубинном уровне сознания.* Последовательность причин такова же: *форма вне структуры – форма форм как последняя структура – искомый Абсолют.* Последовательность целей также устанавливается вполне адекватно: *вневременное содержание – как инвариант всех возможных значений – данное как реальная сущность сознания в подсознательном.*

Взаимное соответствие составов концепта подчеркивает точность выделенных денотатов и четкость их определений. Попутно отметим, что и в авторской квалификации концептума исследователи обычно отмечают только одну какую-то конкретную сторону этого феномена, так что наша сводная схема, включающая все составы Причинности, в совместном действии способствует приближению к осознанию понятия «концептум», не достигая, впрочем, его окончательных пределов – из-за описательного характера текстов, часто прибегающих к метафорам.

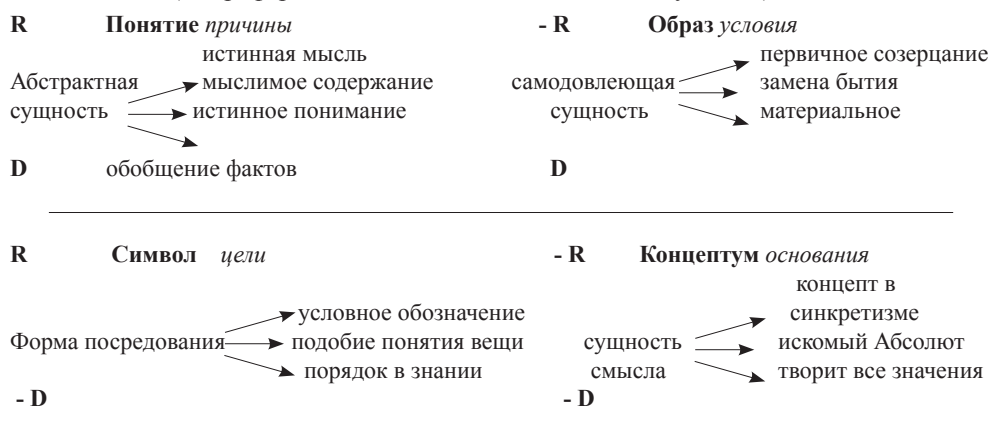
Например, русский философ С.Л. Франк в своем толковании «концептума» [Франк 1956] дал несколько текстовых определений, четко выстраивая каузальную связь в последовательности денотатов: 1) *что это? – зародыш самой актуальности (!), 2) как*

проявляется? – *бесформенная потенциальность (!), начало чистой безосновности, 3) почему действует? – творческий элемент активности (!), 4) зачем создается? – познание живой глубины (!)*. В построении семантической константы мы получаем, по существу, законченное философское понятие концептума:

Концептум есть *зародыш самой актуальности в (своей) бесформенной потенциальности и чистой безосновности как творческий элемент активности в познании живой глубины*.

Философ в своем подсознании понял сущность того, что в его время в понятии не существовало. В подобном «высветлении» подсознательных импульсов мышления и состоит задача концептологии как раздела когнитивистики.

В заключение представим содержательные формы концепта *Концептуальный квадрат* в их формальном соответствии, используя инварианты описанных семантических констант (R – референт, D – денотат, –R и –D – их отсутствие):

На основе представленной развертки содержательных форм концепта можно сделать выводы относительно понимания нашими авторами состава концептуального квадрата (ментальной матрицы сознания).

Левые части схемы – понятие и символ – реальные, правые идеальны (помысленны). Верхние и нижние попарно связаны наличием или отсутствием денотата, т.е. предметного значения / объема понятия. Нижние составы имеют дело со *смыслом*, верхние – со *значением*. Это значит, что символ и концептум суть свернутые высказывания, концептум потенциально, символ реально. По всем составам Причинности понятие коррелирует с концептумом (является его актуальным воплощением), а символ – с образом, как реальное воплощение идеального. Все четыре состава концепта в *основаниях* содержат *сущности*, но разного содержания: сущность смысла (*концептум*) отражена в достаточности первичного созерцания *образа* и формирует абстрактную сущность *понятия*. В *условиях* образ идеален, символ реален в своих замещениях, но их содержание совпадает; цель во всех составах в определениях также общая – *видеть* или *обозначать мир*; семантический синкретизм концептума воплощается в конкретной «истинной мысли» понятия. В составе *причины* такое же соотношение: образ – замена *бытия* вещи созерцанием, символ – подобие *понятия* вещи (образное понятие). В границах *целей* такая же картина: идеальное обобщение

фактов в образе в символе приводит к установлению их порядка в составах знания. В целом, в символе воплощено знание, в образе – сознание, в понятии – познание, а в концептуме – подсознание («бессознательное»).

Таким образом, все частные описания авторов, данные в разное время и по различным поводам, в том числе и случайные (подсознательные) метафорические определения, вполне укладываются в реальную картину научного знания как актуального целого. Описательные определения, накапливаясь в текстах, постоянно приближают науку к абсолютному знанию, но всего лишь в затронутых описанием фрагментах, и только по этой причине носят частный характер. Это тот случай, когда установить объект целиком по его частям затруднительно, если не невозможно.

Бесконечное приближение к исчерпывающе адекватным определениям заставляет вспомнить заключительные слова Дж. Лакоффа в одной из его статей: «Но это прекрасно! Если ваша задача бесконечна, вы не можете потерпеть поражения» [Лакофф 1981: 368]. *Объективность в познании всегда субъективна, субъективное в выражении всегда многозначно.* В принципе, полный состав текстов определенного автора или группы авторов, близких по своим воззрениям, способен представить четкую картину только тех толкований описанных содержательных форм, которая отражает уровень знания, свойственного авторам текстов, и характерного для их времени.

© Колесов В.В., 2022

Литература

Вейник А.И. Термодинамика реальных процессов. Минск: Навука і тэхніка, 1991. 576 с.

Колесов В.В. Философия русского слова. СПб: Юна, 2002. 447 с.

Колесов В.В. Концептология. СПб: Изд-во СПбГУ, 2012. 168 с.

Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике, вып. X. М.: Прогресс, 1981. С. 350–368.

Налимов В.В, Дрогалина Ж.А. Реальность нереального. М.: МИР ИДЕЙ, 1995. 432 с.

Флоренский П.А. Вопросы религиозного самопознания. Харьков: Фолио, 2000.

Франк С.Л. Реальность и человек. Париж: Умса-press, 1956. 416 с.

Словари

Словарь русской ментальности – Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб, «Злагоуст», 2014.

Словарь русского языка XI-XVII вв. Выпуск 12. О - Опарный / Гл. редактор Шмелев Д.Н. М.: Наука, 1987. 383 с.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков / Ред. О.Н. Трубачев. М.: «Наука».

Сведения об авторе:

Колесов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Для цитирования:

Колесов В.В. Концептуальное поле русского сознания // Вопросы психолингвистики. № 4(54). 2022. С.100–115. doi: 10.30982/2077-5911-2022-54-4-100-115

UDC 81'23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-54-4-100-115

Survey article

**CONCEPTUAL FIELD OF RUSSIAN CONSCIOUSNESS:
the Meaningful forms of the concept**

Vladimir V. Kolesov

Saint-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia

Abstract

On the basis of the authoritative texts, the article describes the explication of the principal notions of Conceptology mutually connected in the conceptual square, i.e., the dynamic form of the semantic triangle. The sequence of distributing the meaningful forms of concept as the reflection of “four reasons” (the category of Causality: image – notion – symbol, and their foundation – conceptum) represents a causal number, revealing the essence of the initial sense over its dynamic prospect.

Keywords: concept, conceptual square, semantic constant, the meaningful forms (image, notion, symbol, conceptum), foundation, cause, purpose

© Kolesov V.V., 2022

Bionotes:

Kolesov V.V. – Professor, Doctor of Philology (Dr. habil.), Saint Petersburg State University

For citation:

Kolesov V.V. Conceptual field of Russian consciousness: The meaningful forms of the concept. *Journal of Psycholinguistics*. 4(54). 2022. P. 100–115. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2022-54-4-100-115 (in Russian)

УДК 81.23

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-54-4-116-121

Обзорная статья

**XX МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО ПСИХОЛИНГВИСТИКЕ
И ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ «РОССИЙСКАЯ ПСИХОЛИНГВИСТИКА:
ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ»
26 – 27 мая 2022**

Полянская Анастасия Геннадьевна

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

В уходящем году случилось знаковое для всех нас событие. 26 и 27 мая 2022 года в онлайн-формате состоялся юбилейный XX Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Российская психолингвистика: итоги и перспективы». Организаторами выступили филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Российский университет дружбы народов и Московская международная академия. Вслед за вышедшей в конце 2021 года коллективной монографией под редакцией И.А. Стернина, Н.В. Уфимцевой, Е.Ю. Мягковой, симпозиум подвел итоги развития российской психолингвистики с 1966 г. по настоящее время и вынес обсуждение перспектив развития научных направлений на международный уровень, чтобы помочь исследователям сформулировать рекомендации и определить ключевые области изучения на ближайшие годы и десятилетия с учетом социокультурных, экономических, технологических, политических и иных факторов.

В этом году симпозиум был посвящен проблемам методологии и теории речевой деятельности, языковому и неязыковому сознанию, производству и смысловому восприятию речи, механизмам восприятия гипертекста, проблемам ментального лексикона, речевого общения и речевого воздействия, проблемам этнопсихолингвистики, ассоциативной лексикографии и эвристического потенциала ассоциативных словарей, онтогенеза языковой способности, экологии языкового сознания и родного языка, новым методам анализа речевых практик в условиях цифровой реальности и психолингвистическим аспектам преподавания русского языка.

Доклады представили более 160 участников из разных стран, в том числе 48 профессоров, известные исследователи, молодые ученые, аспиранты и магистранты.

Первый день работы симпозиума начался с приветственных слов декана филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова Андрея Александровича Липгарта и директора института Русского языка Российского университета дружбы народов Анжелы Викторовны Должиковой. В своих выступлениях они подчеркнули статус мероприятия, важную роль психолингвистики в контексте изменяющихся реалий и пожелали успехов и плодотворной работы всем участникам.

Открыл пленарное заседание доклад д.ф.н., проф. Е.Ф. Тарасова «Деятельностный и коммуникативный подход к анализу речевых действий», следом выступили д.ф.н., проф. В.В. Красных («Базовая метафора и психологическая структура значения слова»), д.ф.н., проф. Н.П. Пешкова («Восприятие и понимание текста: новые тенденции речевой

коммуникации»), д.ф.н., проф. М.А. Пильгун («Мультилингвальная коммуникация в кризисный период: нейросетевой подход»), д.ф.н., проф. Н.М. Нестерова («Перевод как герменевтическая задача»), д.ф.н., проф. Л.О. Чернейко («Невербальный семантический дифференциал: истоки метода и его роль в изучении восприятия культурно значимых феноменов»), д.ф.н., проф. А.В. Кирилина («Инновации в институционализации и научной интерпретации гендера (на примере Германии)») и д.ф.н., проф. И.В. Шапошникова («Векторы смысловых акцентуаций русской языковой личности сквозь призму ассоциативной грамматики»). Завершил пленарную секцию доклад д.ф.н., проф. Н.В. Уфимцевой «Архетипы культуры и структура языкового сознания».

В рамках второго дня симпозиума с пленарной лекцией «Модель порождения речи Леонтьева–Ахутиной: 50 лет спустя» выступила д.ф.н., проф. Т.В. Ахутина. Поскольку регламент второго дня был менее строгим, лекция переросла в длительную дискуссию с обсуждением представленной модели и нейропсихологии в целом, что стало ярким завершением научной программы мероприятия и подчеркнуло, что подобные встречи могут и должны заканчиваться «многоточием», сподвигая и вдохновляя участников на новые труды и подходы, особенно в рамках междисциплинарных направлений.

В рамках симпозиума состоялось также 12 секционных заседаний и 4 круглых стола, один из которых был посвящен памяти Иосифа Абрамовича Стернина, покинувшего нас в марте этого года. Несомненно, данный круглый стол стал самым эмоциональным для всех участников. В рамках встречи были представлены достижения известного ученого и результаты его научной деятельности, а также видеофрагменты выступлений. Коллеги из Ярославля, Борисоглебска, Воронежа, Москвы и других городов делились воспоминаниями о работе с Иосифом Абрамовичем, рассказывали смешные и трогательные истории, восхищались личностными качествами коллеги.

В рамках круглого стола «Гендер как инструмент изменения модели человека в третьем тысячелетии» обсуждались современные глобалистские концепции небинарного гендера. Участники пришли к выводу о необходимости мониторинга гендерной идеологии глобализма и разработке концепций, ей противостоящих, что никак не отменяет признания социоконструктивистской методологии. По мнению участников, необходимо не позволить предать забвению (что, к сожалению, зачастую происходит сейчас) гендерные модели советского периода, во многом опередившие западные теории и в то же время предлагавшие неэкстремистский подход к модели человека.

В работе круглого стола «Функциональная неграмотность как психолингвистический феномен» приняло участие 22 человека. Участники постановили представить обзор материалов круглого стола для публикации в журнале «Вопросы психолингвистики», подготовить официальную записку, которая может помочь в формировании целей корректирования программ обучения в школе, с представлением результатов психолингвистических исследований функциональной неграмотности, а также подготовить и опубликовать монографию «Функциональная неграмотность: психолингвистический аспект исследования».

В рамках круглого стола «Исследование проблем полиглотии: теоретический анализ и практика» доклады делались без перерыва на обсуждение. Зато после презентации докладов в формате круглого стола состоялось часовое их обсуждение, и каждый из докладов вызвал вопросы слушателей и заинтересованные отклики.

Прошедший круглый стол стал важной вехой, знаменующей динамику научных исследований феномена полиглотии в России. По сравнению с предыдущим круглым столом на конференции «Жизнь языка» в РУДН в мае 2019 года, он отразил как рост числа участников – в том числе, молодых исследователей-магистрантов, работающих над ВКР в русле этой проблематики – так и расширение круга обсуждаемых тем. Это проявилось и в плане привлечения к обсуждению самих полиглотов – Яна Алешкевич-Суслова и Алана Бигулова, которые владеют более чем 20 языками, – и в общенаучной проекции исследований полиглотии. В плане обсуждения опыта полиглотов интерес вызвала предложенная Яном Алешкевич-Сусловым экспериментально выведенная математическая модель экспоненты, связывающей количество изученных ранее языков со скоростью усвоения последующих языков, а также авторская методика Алана Бигулова по гиперинтенсивному вхождению в разговорную практику на пяти языках романской языковой группы. Доклад Д.Б. Никуличевой и презентация В.Л. Бигулати были посвящены научной апробации этой методики. В плане расширения общенаучной проблематики были представлены результаты коллективного исследования социальных аспектов самоидентификации полиглотов и образа полиглота в сознании студентов языкового вуза (А.В. Виролайнен, Н.С. Коваленко, Д.С. Комаров), сопоставление принципов ввода языковой информации при обучении искусственного интеллекта и при изучении языков полиглотами (Г.А. Казаков), роли концептуальных метафор при усвоении языков (Н.М. Бринцина). Особое место занял доклад Т.А. Ивушкиной, главного редактора обновленного лингвистического журнала МГИМО «Linguistics and Polyglot Studies», ставшего с 2021 года важной платформой для научных дискуссий в области полиглотии. Круглый стол продемонстрировал широкие научные перспективы развития исследований полиглотии в России.

В первой части секции «Языковое и неязыковое сознание» выступили Н.В. Акованцева, К.В. Антонян, Е.Г. Борисова, Л.О. Бутакова, А.С. Григорьева, Е.Н. Гуц и М.Л. Ковшова. Всем докладчикам были заданы вопросы, состоялось обсуждение каждого доклада, поскольку все они вызвали большой интерес у слушателей. После перерыва работа секции велась по двум основным направлениям. Первое объединило докладчиков, излагавших результаты своих изысканий в области теоретического осмысления языкового и неязыкового сознания, человеческого мышления, ментального лексикона и общей семантики (А.Э. Левицкий, А.А. Яковлев, Цзинь Тао). Второе направление объединило докладчиков, работающих в конкретных областях психолингвистики, теории коммуникации, лингвистической семантики и ассоциативного эксперимента (С.А. Песина, Р.А. Арынбаева, Ю.А. Литвинова, А.Ю. Пыхтина, Т.В. Сивова, В.Г. Фатхутдинова). Участники заседания отметили актуальность, высокий теоретический уровень и прикладной характер заслушанных докладов, плодотворность научных дискуссий, а также большой вклад симпозиума в развитие идей отечественной психолингвистики и теории коммуникации.

На секции «Проблемы ментального лексикона» было заслушано 6 докладов. Три из них осветили результаты экспериментальных исследований: доклад И.В. Вашуниной, в котором были представлены результаты сопоставления тестирования смыслового восприятия текста на иностранном языке с использованием русских и иноязычных шкал; доклад М.А. Семеновой, в котором были описаны результаты эксперимента по решению задач после восприятия прайминга; доклад В.В. Модиной, в котором нашли отражение результаты эксперимента по восприятию русских модальных глаголов

в зависимости от частотности их употребления. Еще в двух докладах была дана интерпретация обширного актуального языкового материала: доклад М.Я. Розенфельд, в котором приведены результаты многолетнего изучения ментального лексикона трех воронежских поэтов на базе изучения ключевых слов произведений и текстов; и доклад Т.Ю. Власкиной, обобщающий материалы по новым номинациям, полученным в регионах, где идут боевые действия в рамках спецоперации. В одном из докладов (Е.В. Дмитриевой) рассматривались особенности функционирования компьютерной терминологии в индивидуальном лексиконе студентов.

В рамках секции «Би-, поли-, транслингвизм: теоретический анализ и практика» состоялось 6 из 8 заявленных докладов, разнообразных по тематике. Рассматривались дидактические аспекты, включая пути коррекции проблем письменной речи детей-билингвов, методы оценки языковой компетенции билингвов. Были рассмотрены вопросы, связанные со статусом языков в полилингвальном сообществе, ассоциативном поведении билингвов, исследован механизм индивидуального двуязычия и его динамики. Сделан вывод об актуальности исследования проблем билингвизма в современном обществе, сложности и многоаспектности самого явления и необходимости междисциплинарного подхода при исследовании би-, поли- и транслингвизма. После окончания секции состоялся обмен мнениями между некоторыми участниками секции.

В процессе обсуждения докладов на секции «Психолингвистические аспекты преподавания русского языка» было отмечено, что в последнее время среди преподавателей русского языка как родного, как неродного и иностранного усиливается интерес к психолингвистической методике, поскольку традиционные методические подходы в обучении не дают должных результатов. Новое поколение носителей русского языка плохо владеет устной и письменной речью и не интересуется национальной культурой. Основная причина, на которую указали участники секции, кроется в практикуемой в школах методике преподавания русского языка и слабой мотивации к изучаемому предмету. Психолингвистические аспекты преподавания русского языка открывают нам новые перспективы. Особый интерес вызвал доклад Марины Владимировны Яйич Новоградец (Хорватия) «Психолингвистические исследования овладения русским языком в хорватской лингводидактике». Марина Владимировна заострила внимание на важной проблеме: это лексическая, морфологическая и культурная интерференция, с которой сталкиваются студенты в процессе изучения русского языка. В ходе дискуссии выступающие вынесли следующие предложения:

1. Обратить внимание Министерства просвещения на необходимость включения в программу школ предмета «Развитие устной речи»;

2. Обратить внимание на целенаправленное формирование детского дискурса как в рамках преподавания русского языка, так и с точки зрения широкого просветительского контекста. В настоящее время, по данным участников и руководителей секции, наблюдается нехватка современных детских фильмов, песен и детской литературы, воспитывающих интерес и уважительное отношение к русскому языку и национальной культуре народов России. Эту проблему предлагается решить совместными усилиями педагогов, работников культуры и просвещения и исследователей.

В рамках секционного заседания «Ассоциативная лексикография. Эвристический потенциал ассоциативных словарей» обсуждались следующие конкретные проблемы:

– содержание ассоциативного поля «культура» в языковом сознании школьников Красноярска;

- социокультурные факторы, влияющие на языковое сознание;
- классификация психолингвистических словарей и перспективы развития ассоциативной лексикографии;
- моделирование динамики оценки в русском языковом сознании;
- маркеры территории в ассоциативных словарях.

Общение с коллегами позволило установить научные контакты, которые, по мнению участников секционного заседания, будут способствовать развитию современной психолингвистики.

В рамках секций «Производство и смысловое восприятие текста», «Аксиологическое языковое сознание: проблемы анализа», «Психолингвистические проблемы речевого общения и речевого воздействия», «Проблемы этнопсихолингвистики», «Новые методы анализа речевых практик», «Русское языковое сознание и экология русского языка» большая часть докладов сопровождалась презентациями, вызвала активный интерес слушателей и также завершалась плодотворной дискуссией.

Прошедший 27–28 мая 2022 года симпозиум объединил большое количество ученых из разных стран. Участники обсудили итоги развития российской психолингвистики с 1966 г. по настоящее время, сопоставили их с актуальными мировыми исследованиями и подтвердили важность исследования языкового и неязыкового сознания, производства и смыслового восприятия речи, механизмов восприятия гипертекста, ментального лексикона, речевого общения и речевого воздействия, актуальность исследования проблем этнопсихолингвистики, ассоциативной лексикографии, экологии языкового сознания и родного языка, разработки новых методов анализа речевых практик в условиях цифровой реальности, изучения психолингвистических аспектов преподавания русского языка и разработки методов устранения функциональной неграмотности. Был сделан вывод об актуальности исследования проблем билингвизма в современном обществе, сложности и многоаспектности самого явления и необходимости междисциплинарного подхода при исследовании би-, поли- и транслингвизма. Обсуждена важность привлечения внимания Министерства просвещения к необходимости включения в программу школ предмета «Развитие устной речи», а также к целенаправленному формированию детского дискурса как в рамках преподавания русского языка, так и с точки зрения широкого просветительского контекста. Было отмечено, что в настоящее время наблюдается нехватка современных детских фильмов, песен и детской литературы, воспитывающих интерес и уважительное отношение к русскому языку и национальной культуре народов России. Эта проблема должна быть решена совместными усилиями педагогов, работников культуры и просвещения и исследователей.

По итогам мероприятия были выпущены Сборник материалов симпозиума, а также коллективная монография под редакцией В.А. Пищальниковой «Функциональная неграмотность: психолингвистический аспект исследования (по материалам круглого стола XX симпозиума по психолингвистике)».

© Полянская А.Г., 2022

Сведения об авторе:

Полянская Анастасия Геннадьевна — ассистент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Института русского языка Российского университета дружбы народов

Контактная информация:

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

ORCID: 0000-0003-3131-9113

e-mail: nayzze@yandex.ru

Для цитирования:

Полянская А.Г. XX Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Российская психолингвистика: итоги и перспективы» 26 – 27 мая 2022 // Вопросы психолингвистики. № 4(54). 2022. С. 116–121. doi: 10.30982/2077-5911-2022-54-4-116-121

UDC 81.23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-54-4-116-121

Survey article

**XX INTERNATIONAL SYMPOSIUM ON PSYCHOLINGUISTICS
AND COMMUNICATION THEORY “RUSSIAN PSYCHOLINGUISTICS:
RESULTS AND PROSPECTS”
May 26–27, 2022**

Anastasia G. Polyanskaya

The Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

© Polyanskaya A.G., 2022

Bionotes:

Anastasia G. Polyanskaya — Assistant, Department of the Russian Language and Intercultural Communication, Institute of the Russian Language, The Peoples' Friendship University of Russia

Contact information:

117198, Moscow, Miklukho-Maklaya str., 6

ORCID: 0000-0003-3131-9113

e-mail: nayzze@yandex.ru

For citation:

Polyanskaya A.G. XX International Symposium on Psycholinguistics and Communication Theory “Russian Psycholinguistics: Results and Prospects”. May 26–27, 2022 // *Journal of Psycholinguistics*. 4 (54). 2022. P. 116–121. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2022-54-4-116-121 (in Russian).

Институт лингвистики и межкультурной коммуникации
Сеченовского университета
Филологический факультет МГУ
Донецкий национальный университет
Московский политехнический университет

проводят Международную конференцию

**Язык, сознание, коммуникация:
проблемы информационного общества**

3–5 апреля 2023 г. формат: онлайн,
в рамках «Недели медицинского образования – 2023», на платформе
Сеченовского университета

Проблематика

1. Речевая деятельность: методология и теория исследований.
2. Языковое и неязыковое сознание: проблемы онтологии и гносеологии.
3. Мультиmodalность как свойство современной коммуникации.
4. Новые медиа как объект психолингвистических исследований.
5. Психолингвистический анализ медиаконтента в мультиmodalном аспекте.
6. Психолингвистические методики и нейросетевые технологии в обработке речевых данных.
7. Цифровые технологии в социокультурной сфере.
Искусственный интеллект в медицине: предиктивные модели, экспертные системы, обработка медиа-контента.
Невербальная коммуникация: распознавание и синтез жестов, жестовая лексикография, антропоморфная робототехника, коммуникация с киберфизическими системами.
Машинное обучение и информационные технологии в образовании.
8. Психолингвистический анализ больших данных.
9. Текст в новых условиях коммуникации. Моделирование текстов.
10. Языковая способность: норма и патология.
Междисциплинарная парадигма в изучении детской речи: норма и отклонения.
Междисциплинарные исследования нарушений речи и коммуникации.
11. Язык и социум.
Региональное языковое сознание: комплексные исследования. Функциональная неграмотность как проблема XXI века.
Язык на территории военного конфликта: воздействие и восприятие.
12. Межкультурная коммуникация.
Межкультурное общение. Контакты и конфликты.
Психолингвистические аспекты перевода. (Перевод как психолингвистический феномен). Би-, поли-, транслингвизм: теоретический анализ и практика.
13. Ассоциативная лексикография. Эвристический потенциал ассоциативных словарей.

Условия участия в конференции

До **10 февраля 2023 г.** необходимо предоставить в оргкомитет **заявку** на участие в конференции (см. приложение) и **материалы** для публикации (тезисы) по адресу *language.consciousness.2023@mail.ru*
Участие в конференции бесплатное.

Убедительная просьба посылать заявку и текст публикации **ДВУМЯ** отдельными файлами в **ОДНОМ** письме (**ИвановАИ_заявка, ИвановАИ_тезисы**), указав в теме сообщения свою фамилию (**Иванов**).

Приглашаем принять участие в конференции **молодых исследователей** – магистрантов, аспирантов, соискателей. По результатам участия на основе конкурсного отбора победители получают приглашение опубликоваться в журнале «Вопросы психолингвистики».

ФОРМА ЗАЯВКИ НА УЧАСТИЕ В КОНФЕРЕНЦИИ

«ЯЗЫК, СОЗНАНИЕ, КОММУНИКАЦИЯ:

ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА»

3-5 АПРЕЛЯ 2023г.

Имя, отчество, фамилия (полностью)	
Город, страна	
Организация (полное название)	
Должность	
Ученая степень	
Ученое звание	
Домашний адрес с почтовым индексом	
Контактный телефон с кодом междугородней связи	
E-mail	
Название доклада	
Тематическое направление (из списка в информационном письме)	

ТРЕБОВАНИЯ

к оформлению публикации в сборник материалов международной конференции
«Язык, сознание, коммуникация: проблемы информационного общества»,
проводимой в рамках «Недели медицинского образования – 2023»

Сборник материалов передается для включения в Российскую информационную систему цитирования (РИНЦ)

1. От одного автора принимается не более двух научных работ.
2. Объем текста не должен превышать 2-х страниц формата А4 в текстовом редакторе Microsoft Word, в формате *.doc (на русском языке; шрифт Times New Roman, 14 пт; межстрочный одинарный интервал, правое поле – 1,5 см, остальные – 2,0 см; абзацный отступ – 1,25 см, выравнивание текста по ширине страницы, без переносов, рисунков, таблиц и формул).

Название файла (на русском языке) должно соответствовать фамилии и инициалам первого автора без пробелов (например, ИвановАИ.doc).

3. ВАЖНО! Письменная электронная копия согласия автора(-ов) на обработку электронной версии публикации и передачу ее третьим лицам для обработки в специальных системах для размещения в системе РИНЦ.

Образец согласия.

СОГЛАСИЕ АВТОРА

Настоящим я, _____,

подтверждаю свое согласие на размещение электронной версии публикации в открытом доступе в сети Интернет на безвозмездной основе, передачу права использования электронной версии публикации третьим лицам с последующей ее обработкой с целью включения в базу данных РИНЦ и доведения до всеобщего сведения, обработки и систематизации в других базах цитирования.

Автор _____
(подпись)

«__» _____ 20__ г.

(ФИО полностью)

Название файла (на русском языке) должно соответствовать фамилии и инициалам первого автора без пробелов (например, ИвановАИ.pdf).

Порядок следования и правила оформления основных элементов материалов для публикации

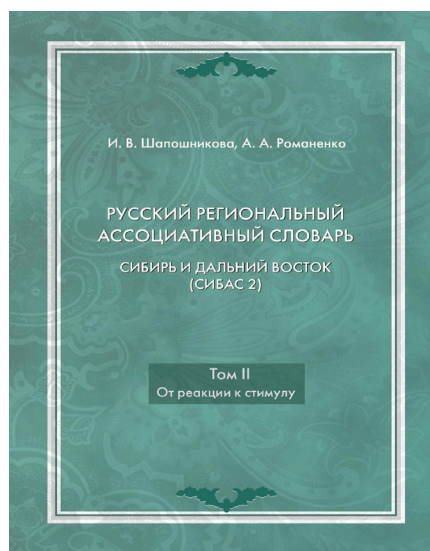
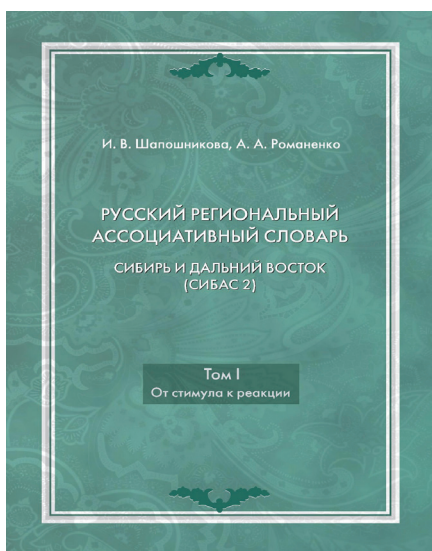
1. Название публикации.
 2. Сведения об авторе(-ах):
 - фамилия, имя, отчество (полностью); степень, звание;
 - место работы (учебы) автора(-ов) – в именительном падеже с указанием почтового адреса с индексом. Важно четко, не допуская иной трактовки, указать место работы конкретного автора, должность автора. Если все авторы статьи работают или учатся в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора отдельно;
 - контактная информация, e-mail.
 3. Аннотация (не более 4–6 строк).
 4. Ключевые слова (до 10 слов): каждое слово или словосочетание отделяется от другого запятой.
 5. Тематический рубрикатор: УДК/ББК и/или другие классификационные индексы или системы регистрации (ГСНТИ, SPIN код и т. п.)
 6. Библиографический список литературы (только на языке цитируемой публикации; перевод и транслитерация не требуются).
- Ссылки на неопубликованные или находящиеся в печати работы не допускаются.*

ВАЖНО! Пункты 1, 2, 3, 4 – приводятся на русском и английском языках.

За достоверность данных и научное содержание работы ответственность несет автор. Работы, оформленные с нарушением данных требований рассматриваться не будут.

Материалы следует направлять в Оргкомитет конференции по электронной почте: *language.consciousness.2023@mail.ru* до 10 февраля 2023 г. с указанием контактной информации одного из авторов.

РЕЦЕНЗИИ

Семейство региональных ассоциативных словарей русского языка пополнилось. Закончен сбор экспериментального материала и его обработка на втором этапе создания Русского регионального ассоциативного словаря: Сибирь и Дальний Восток (СИБАС 2). Пополнена не только электронная база словаря (adictru.nsu.ru), но и изданы два его очередных тома: прямой словарь – от стимула к реакции и обратный – от реакции к стимулу. (издан электронный вариант словаря в книжном формате, который можно скачать бесплатно на вышеуказанном сайте). Традиционно методом сбора материала послужил массовый свободный ассоциативный эксперимент с регистрацией первого ответа, а респондентами выступали студенты различных вузов Сибири и Дальнего Востока. Список стимулов включал 4000 слов, которые были получены в качестве реакций на первом этапе эксперимента в обоих регионах: в Европейской части РФ и в регионе Сибири и Дальнего Востока и согласованы всеми участниками проекта. Это позволяет проводить валидные сопоставительные исследования региональных особенностей языкового сознания респондентов – носителей русского языка и культуры, а в перспективе и объединить полученные экспериментальные материалы в одну базу данных – новый Русский ассоциативный тезаурус. Список слов-стимулов второго этапа значительно расширяет возможность исследования «ассоциативного профиля грамматических (словоизменяемых и словообразовательных) парадигм русского языка, поскольку в него включены не только имена существительные в именительном падеже, как на первом этапе, но и словоформы в иных падежах, не только глаголы в инфинитиве, но и некоторые отмеченные в частотной части СИБАС 1 глагольные личные словоформы, расширен список аффиксальных словоформ, образованных от одной и той же основы, и т.п. В ходе эксперимента было получено около 574000 реакций. Таким образом, вместе с базой реакций СИБАС 1 (492207) СИБАС располагает данными в объеме свыше 1066000 реакций, то есть свыше одного миллиона словоупотреблений» [Шапошникова 2022, 6]. Для сравнения, общий объем реакций в РАС приближался к 1 000 000.

В качестве респондентов традиционно выступали студенты ведущих вузов Сибири и Дальнего Востока в возрасте от 17 до 25 лет (см. подробно в Предисловии к словарю).

Работа по изучению особенностей регионального языкового сознания была начата в секторе психолингвистики и теории коммуникации Института языкознания РАН еще в 1996 г. в рамках постоянно действующего семинара «Язык, сознание, культура: межэтнические аспекты». Именно в публикациях участников этого семинара появилось и получило широкое распространение в психолингвистических исследованиях и само понятие языкового сознания.

В 2008 году началась работа над новым проектом, целью которого было создание трех региональных баз ассоциативных данных: ЕВРАС (словарь, собираемый по результатам массового ассоциативного эксперимента с жителями европейской части РФ), СИБАС (словарь, собираемый по результатам массового ассоциативного эксперимента с жителями Сибири и Дальнего Востока) и УРАС (словарь, собираемый по результатам массового ассоциативного эксперимента с жителями Урала), которые, с одной стороны, могут существовать как самостоятельные базы данных, но, с другой стороны, поскольку они собираются по единой технологии и на одном списке слов-стимулов, то могут быть объединены в единую базу в зависимости от целей, которые будут решаться в конкретных исследованиях (см. Русский региональный ассоциативный словарь СИБАС [Шапошникова, Романенко 2014, 2015] и ЕВРАС [Уфимцева, Черкасова 2018, 2019]).

Авторы сознательно включили в свой список на первом этапе эксперимента 700 слов-стимулов из Русского ассоциативного словаря, чтобы иметь возможность изучать изменения, которые произошли в обыденном сознании молодого поколения русских в начале XXI века.

Структура словарных статей аналогична структуре статей в РАС [Караулов и др. 2002]. Каждая словарная статья в Прямом ассоциативном словаре объединяет все слова-реакции на данное слово-стимул в порядке убывания частоты, «черное имя», или имя словарной статьи, – это слово-стимул. В Обратном словаре «черное слово», или имя словарной статьи, – это слово-реакция, ответ испытуемого на предъявленное ему слово-стимул. В правой части даны стимулы, «породившие» данный ответ. Цифры после стимула в правой части статьи указывают на частоту данной реакции, т.е. на число испытуемых, ответивших данным словом на этот стимул.

В отличие от обычных словарей – толкового, орфографического, синонимического, словообразовательного и др., которые выступают в качестве беспристрастного зеркала состояния языка, ассоциативный словарь тоже служит «зеркалом», но уже не жизни языка в тексте, а его жизни в человеке, в языковом сознании его среднего носителя в определенный исторический момент, а значит, и жизни общества.

Н.В. Уфимцева,

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Общая и русская лингвоаксиология: Коллективная монография / М.С. Милованова (отв. ред.), К.Я. Сигал, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, Б.И. Фоминых, Н.А. Боженкова, Л.М. Гончарова, А.Н. Матрусова, Р.Р. Шамсутдинова, П.А. Катышев; ИЯз РАН, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина. – М. – Ярославль: Издательство «Канцлер», 2022. – 390 с.

Рецензируемая монография посвящена лингвоаксиологии как особой теоретической и прикладной науке и представляет собой реализацию единой концепции авторского коллектива в нескольких аспектах: лексическом, грамматическом и дискурсивном, что отражает многоуровневость языковой системы и определяет трехчастную структуру книги: 1. Аксиология в лексике: слово и концепт. 2. Аксиология в грамматике. 3. Аксиологические ориентиры текста / дискурса. Исследованы, таким образом, аксиологическая семантика лексических единиц; форм, ценностно-оценочный потенциал которых реализуется в определенных синтаксических конструкциях (морфосинтаксис); текста-дискурса, формируемого средствами предыдущих уровней. Коллективный труд посвящен профессору Вере Васильевне Бабайцевой, «так тонко чувствовавшей аксиологию в языке и в душе человека».

Вступительная статья М.С. Миловановой не только дает ретроспективу аксиологических исследований отечественных лингвистов начиная с середины 80-х гг. XX века, но и объясняет «взрывной» интерес к данной проблематике в середине 1990-х гг. раз-

витиём новой парадигмы знания – когнитивно-дискурсивной; определяет цель проекта – выявить приоритетные направления мысли современного носителя русского языка, его ценностные ориентиры на основе изучения фактов языка, извлечь информацию о состоянии аксиологического сознания, опираясь на данные языка «текущего момента», специфика которого заключается в переходе на новый уровень коммуникации; обобщенно сообщает о результатах исследования: изначальная гипотеза о возможной трансформации русского национального кода не нашла подтверждения, в то же время отмечен такой процесс, как «апгрейд сознания», о котором свидетельствуют состояние концептуальной сферы и данные языка, отражающие интерпретирующе-смысловое творчество его носителей.

Результаты исследований, выполненных российскими учеными (нередко с учетом зарубежного опыта), свидетельствуют о том, что за последние три десятилетия не только заложены основы отечественной лингвоаксиологии, но и определены подходы к исследуемым ею темам, сформирован категориальный аппарат и терминологический инструментарий. Совокупное содержание публикуемых в представленной монографии работ показывает, что данная область научного знания расширила круг исследовательских вопросов, создала системный подход к предмету, в целом обрела своё индивидуальное лицо.

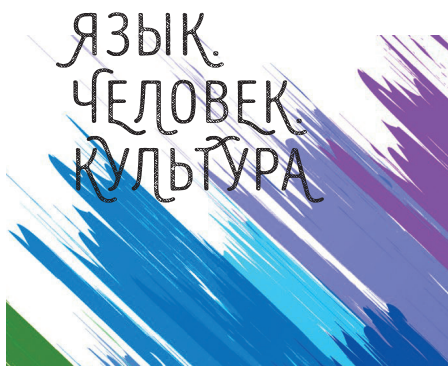
В фокусе внимания авторов находятся актуальные проблемы, в ряду которых стоит выделить следующие: онтологические в русской языковой картине мира концепты в синхронии и диахронии; аксиологемы и различного рода аксиологические сдвиги; система ценностей современного российского общества в динамике; аксиологизация и девальвация понятий как взаимосвязанные процессы; изменение характера субъекта в синтаксисе; лексические и грамматические новообразования; модификация языковых норм; трансформация правил этикетного поведения; изменение ценностно-этических реалий современного мира под воздействием средств массовой коммуникации и интернет-среды.

Верифицируемость наблюдений и выводов учёных, помимо научных методов исследований, обеспечивает обширная источниковедческая база языкового материала, в том числе НКРЯ (Национальный корпус русского языка); интернет-ресурсы, как-то: блоги, чаты в мессенджерах, страницы соцсетей; результаты различного рода экспериментов, например ассоциативного и конструктивного. В качестве интересного структурного элемента монографии стоит отметить богатейшую систему ссылок на полях, играющих роль не только отсылок к первоисточникам, но и пояснений, комментариев, примечаний, дополнительной информации.

Обсуждаемая коллективная монография – актуальный научный труд, который, несомненно, будет способствовать консолидации усилий исследователей-аксиологов, а также их знакомству с новейшими представлениями об общей и отечественной лингвоаксиологии и её возможностях в эпоху цифрового мышления. Книга свидетельствует о том, что данное научное направление стало самостоятельной теорией, обладающей аналитико-синтетической и методологической функциями, с помощью которых будет продолжено изучение «переактуализации ценностей» в сознании носителей языка.

Л.Н. Федосеева,

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков Академии ФСИН России

Язык. Человек. Культура. Сборник научных трудов, посвященный юбилею Марии Львовны Ковшовой. – М: ИЯз РАН, 2022. – 340 с.

Сборник научных статей «Язык. Человек. Культура» издан в 2022 году в честь юбилея доктора филологических наук Марии Львовны Ковшовой, выдающегося российского ученого, теоретика языкознания, фразеолога, ведущего специалиста лингвокультурологического направления. Проблематика сборника отвечает научным интересам М.Л. Ковшовой. В книге рассматриваются актуальные проблемы современной теории языка: вопросы лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, лексикографии; изучаются культурные аспекты семантики фразеологизмов и паремий; описывается язык поэзии и прозы, духовных текстов; развитие языка в пространстве интернета.

Сборник состоит из пяти разделов, каждый из которых посвящен одному из важных вопросов науки о языке. Открывает сборник раздел под названием «Язык и культура в исследовательском поле современной науки», который объединяет статьи, отражающие в основном общетеоретические вопросы, касающиеся лингвокультурологического направления в языкознании. В статьях данного раздела поднимаются вопросы о грамматических ресурсах языка как лингвокультурном аспекте, средствах лингвокультурной идентификации, реконструкции рефлексии носителя языка и культуры, верификации «языка ценностей» в современной лингвокультурологии, интерпретации знака при смене кода, коммуникативной референции, инокультурной интерпретации культурного кода, лингвокреативном потенциале поэтики кинодискурса, равнозначности и салиентности, концептуальной метафоре, факторах лингвокультурной идентичности, языке научного общения, о русском и китайском празднике, креативности обыденной мудрости, языковом сознании русских, прецедентных именах и редких сюжетных типах русской сказочной традиции.

Во втором разделе – «Фразеологизмы и паремии в пространстве языка и культуры» – освещаются исследования фразеологических единиц, идиом, пословиц, поговорок и загадок на материале разных языков. Изучаются антипословицы в языке и тексте, затрагиваются вопросы о факторах интерпретации фразеологии в языковой коммуникации, сочетаемости и варьировании, аксиологии, синонимии устойчивых

сравнений, синтаксических параметрах идиом, библейских именах в русской идиоматике; описываются когнитивные механизмы кодирования информации в загадках, средства передачи стереотипных представлений об объекте загадывания. Важно отметить богатство разноязычного материала исследования. Авторы привлекают к описанию русский, белорусский, украинский, английский, французский, македонский и датский языки. Особого внимания заслуживает статья В.М. Мокиенко «Аксиологическая паремиология концепта «КОВШ» (к истокам одной фамилии)», где автор предлагает анализ концепта «Ковш», наименование которого стало основой фамилии Юбиляра. В статье прослеживается этимология слова «ковш», характеризуются его коннотации и аксиологические потенции в составе русской паремиологии.

Третий раздел – «Язык поэзии и прозы» – описывает языковое многообразие целого ряда значимых произведений художественной литературы. В статьях описывается образное поле «Изобразительное искусство» в современной русской прозе, тропы и другие средства лингвокреативности в дискурсе детской литературы, ономастический ландшафт рассказа Л. Добычина «Конопатчикова», фольклорные традиции в поэзии Е.А. Боратынского, деонимизация и неологизация имени собственного в языке политики и поэзии 1910-х–1920-х гг., крылатые выражения, афоризмы, цитаты в современных авторских словарях.

В четвертом разделе – «Жизнь языка в интернете» – внимание уделяется популярным в сети мемам, а также образам знаменитых русских лингвистов, представленных в сетевом фольклоре. Рассматриваются образы таких лингвистов, как В.И. Даль, И.А. Бодуэн де Куртене, А.А. Потебня, Л.В. Щерба, С.И. Ожегов, Д.Э. Розенталь, а также их творения, представленные в сетевом фольклоре. В результате анализа, которому подвергаются как семантика данных лингвокультурем, так и способы их репрезентации, авторы (В.И. Абрамова и Ю.В. Архангельская) приходят к выводу о знаковости и актуальности обозначенных образов в национальном культурном коде.

Статьи пятого раздела – «Язык в духовной жизни человека» – посвящены радости как духовной реальности и ее концептуализация в православном мирозерцании, а также милосердию в древнеанглийских религиозных текстах. Предпринимается попытка рассмотреть представления о радости как «высшем состоянии духа» в православном мирозерцании и эксплицировать ее концептуальный образ на основании аналитического описания дискурсов разного типа (В.И. Постовалова). Показывается, как в древнеанглийских религиозных оригинальных и переводных текстах понятие милосердия формируется в соответствии с христианским вероучением, приобретая отдельные специфические признаки под влиянием ряда факторов (Е.Б. Яковенко).

Заканчивает сборник список трудов М.Л. Ковшовой, который продолжает непрерывно пополняться.

Книга адресована специалистам в области теории языка, лингвокультурологии и широкому кругу читателей, интересующихся взаимосвязью языка и культуры.

О.С. Орлова

кандидат филологических наук,
младший научный сотрудник
ФГБУН Институт языкознания РАН

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ

Рукопись, набранная в формате Word, должна быть отправлена по электронной почте на адрес редколлегии журнала: editorial-vpl@yandex.ru. Название файла должно выглядеть следующим образом: Фамилия И.О._Статья. Текст должен быть хорошо вычитан. Рукописи, содержащие ошибки и опечатки, к рецензированию и публикации не принимаются.

К рукописи, направляемой в редакцию, необходимо приложить сведения об авторах: ученая степень, ученое звание, должность и место работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адреса автора (авторов), код ORCID (авторам, у которых пока такого кода нет, рекомендуется его получить, зарегистрировавшись в ORCID: <http://orcid.org/>). Для статей, написанных в соавторстве, необходимо указать автора, с которым будет вестись переписка при рассмотрении рукописи редакцией. Название файла должно выглядеть следующим образом: Фамилия И.О._Сведения об авторе.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в ходе редакторской правки, должны решаться автором (авторами) в строго определенные редколлегией сроки, диктуемые планом издательства. Нарушение сроков ведет к отказу редакции допускать рукопись к опубликованию. Рабочие контакты с авторами осуществляются преимущественно посредством электронной почты, поскольку в редакции нет постоянного дежурства для приема телефонных звонков.

Авторы, предоставляющие рукописи в редакцию журнала «Вопросы психолингвистики», должны следовать Публикационной этике журнала (см. раздел Ответственность авторов). Рукописи, направленные в наш журнал для публикации, проходят обязательную проверку на плагиат текста через систему «Антиплагиат. Эксперт». При выявлении неправомерных заимствований, а также при низком коэффициенте оригинальности текста (<85%) рукопись отклоняется от публикации.

Обзоры и другие статьи, по объективным причинам требующие наличия большего количества цитирований, рассматриваются редакцией в индивидуальном порядке. Приветствуется самостоятельная проверка оригинальности текста в системе «Антиплагиат. Эксперт» с предоставлением справки (в электронном формате) о результатах проверки текстового документа на наличие заимствований.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

Все рукописи, поступающие в журнал, в обязательном порядке проходят процесс рецензирования.

Рукопись может быть отклонена редактором на этапе, предшествующем рецензированию, если для этого имеется веская причина (тематика статьи не соответствует тематике журнала; рассматриваемая статья очевидно низкого научного качества или содержит большое количество ошибок и опечаток; в представленных материалах выявлено принципиальное противоречие этическим принципам, которых должны придерживаться авторы (см. Публикационная этика журнала, раздел Ответственность авторов).

Все поступающие рукописи, не отклоненные по вышеизложенным причинам на первом этапе рассмотрения, направляются по профилю научного исследования на рецензию одному из членов Редакционного совета или независимому эксперту по рекомендации члена Редакционной коллегии. К рецензированию не привлекаются специалисты, работающие в том же научно-исследовательском учреждении или высшем учебном заведении, где выполнена работа. В редакции принято одностороннее «слепое» рецензирование – редакторы не раскрывают авторам фамилии рецензентов. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

Средний срок рецензирования составляет 2 месяца, в зависимости от загруженности экспертов. По итогам рассмотрения рукописи рецензент даёт обоснованные рекомендации о возможности публикации статьи:

1 - Принять без изменений.

2 - Принять после внесения незначительных изменений в соответствии с комментариями рецензента (повторная рецензия не требуется).

3 - Принять после внесения существенных изменений в соответствии с комментариями рецензента (требуется повторная рецензия).

4 - Отклонить. Комментарии, содержащиеся в рецензии, свидетельствуют о низком уровне статьи и невозможности ее доработки до приемлемого уровня.

5 - Отклонить. Статья не соответствует профилю журнала. Может быть рекомендована для публикации в научном издании другого профиля/другой тематики.

Результаты рецензирования направляются автору по электронной почте по адресу, указанному в статье, если иной не оговорен самим автором.

Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то статью направляют автору на доработку. В этом случае датой поступления в редакцию считается дата возвращения доработанной статьи. Доработка статьи не должна занимать более 2 месяцев с момента отправки электронного сообщения авторам о необходимости внесения изменений.

В случае несогласия с выводами рецензента автор статьи имеет право предоставить аргументированный ответ в редакцию журнала. Статья может быть направлена на повторное рецензирование либо на согласование в редакционную коллегию. В случае отказа авторов от доработки материалов им следует в письменной или устной форме уведомить редакцию об отзыве статьи с рассмотрения.

Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается главным редактором, а при необходимости – редколлекцией в целом.

В случае положительного заключения главный редактор журнала определяет очередность публикаций в зависимости от тематики номеров журнала. После принятия редколлекцией журнала решения о допуске статьи к публикации редакция информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Индексируется в КиберЛенинка, Google Scholar, ERIH PLUS.

Издается с 2003 года. Журнал выходит 4 раза в год.

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Регистрационный ПИ № ФС 77-38423

ISSN 2077-5911 (print), ISSN 2658-6908 (online)

DOI: 10.30982/2077-5911

Подписной индекс 37152 «Объединенный каталог. Пресса России. Газеты и журналы»; www.pressa-rf.ru, www.akc.ru

Адрес редакции: 129075, Москва, ул. Новомосковская 15А стр. 1

119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, МГУ имени М. В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов (1-й ГУМ)

© Московский государственный университет, 2022

© ОЧУ ВО «Московская международная академия», 2022

© Авторы, 2022

The journal is included with the peer-reviewed scientific publications. It is approved for publication of the research results of doctoral and habilitation theses by the Higher Attestation Committee (VAK).

The journal is indexed in the Russian Science Citation Index (RSCI), E-library, CiberLeninka, Google Scholar, ERIH PLUS.

4 issues per year.

The journal has been published since 2003.

All rights reserved.

The materials of the journal may not be translated or copied in whole or in part without the written permission of the publisher, except for brief excerpts in connection with reviews or scholarly analysis.

Registration number № ФС 77-38423

ISSN 2077-5911 (print), 2658-6908 (online)

DOI: 10.30982/2077-5911

Moscow, 2022

© Lomonosov State University, 2022

© Moscow International Academy, 2022

© Authors, 2022

Подписано в печать 26.12.2022. Формат 70x100/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л.11, Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru